

СЕНТ-КЛЕРЪ ОСТРОВИТЯНИНЪ,

ИЛИ

ИЗГНАНИИ

НА ОСТРОВЪ БАРРЪ;

ПЕРЕВЕЛЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

Г. ТРЕСКИНЪ;

Сочиненіе Госпожи Моншолье, сочинительницы Каролины Лихтфельдъ.

~~~~~  
. . . . . One who Brings  
A mind not to be chang'd by place or time.  
The mind is its own place, and in itself  
Can make a heav'n of hell, of heaven.  
paradise lost, chan. I er.

~~~~~  
Ч А С Т Ъ III.

—————
МОСКВА, 1817.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

Печатать дозволяется съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, до выпуска въ продажу, предсшавлены были въ Ценсурный Комитетъ одинъ экземпляръ сей книги для Ценсурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства просвѣщенія, два экземпляра для Императорской Академіи Наукъ. 1817 Года Юня 15 дня.

Ординарный Профессоръ Михаилъ Сибиревъ.

СЕНТ-КЛЕРЪ ОСТРОВИТЯНИНЪ;

ГЛАВА I.

Нѣсколько дней сряду Амбруазина была такъ слаба, что друзья весьма много опасались вразсужденіи ея жизни; ежеминутно казалась она имъ умирающею. Моншей безоплачно при ней находился; изъ мужественнаго воина сдѣлался онъ понечишельнымъ оберегателемъ больной и нѣжнѣйшимъ супругомъ. Амбруазина, для которой шеперь жизнь была столько драгоценна, сколько до возвращенія супруга: смерть, Амбруазина принимала изъ рукъ лютезнаго даже такія аткаротва, къ коимъ имѣла снверщеніе. Она говорила мало; но нѣжное безпокойство Моншей оказывалось въ каждомъ ея дви-

женіи, и повидимому она боялась, чшо-бы его у нее снова не похитили. Если-ли онъ оставлялъ ее на минушу, то она погружалась въ уныніе и глаза ея наполнялись слезами; когда же возвращался, то на лицѣ ея изображалось удовольствіе. Она засыпала не иначе, какъ обнявши своего супруга и склонивъ голову свою на грудь его, какъ бы желая навсегда удержашь его при себѣ.

Между шѣмъ здоровье ея поспепенно поправлялось, и ея друзья начали уже надѣяться. Первымъ знакомъ выздоровленія было желаніе ея, чшобъ Сент-Клеръ возвратился въ Барру, какъ безопаснѣйшее для него мѣсто. Но онъ совершенно опъ того опказался. „Мнѣ нечего бояшья здѣсь, сказалъ онъ: подъ покровомъ Амбруазины я могу прошивишься всѣмъ Роскелинамъ; да и не окруженъ ли я подданными, тебя обожающими, шакже и оспровишянами, кои не оспашья въ опасности друга своего Сент-

Клера?“ Амбруазина не настаивала болѣе, но ежедневно испытывала силы свои, желая имѣть ихъ столько, чтобы можно было возвратиться съ Сент-Клеромъ въ крѣпость. — Тамъ воздухъ для меня здоровъ, говорила она: шамъ скоро я выздоровлю среди любезнаго общества, которое столько лѣтъ сославляло мое благополучіе. —

Наконецъ позволено было ей прогуливаться по террасѣ Замка при помощи Моншея. Она смогрѣла на море съ сердечнымъ желаніемъ перенестись черезъ него на свой островъ. Свѣжій морской вѣперокъ укрѣплялъ ея силы, здоровье ея ежедневно возстановлялось, лице принимало прежнюю красоту; какъ же скоро начала ходить одна или опершись на копорого-нибудь изъ дѣшей своихъ, по уже не возможно было удержашь ее въ Кинцалѣ. Приготовили спокойное судно, и все щасливое семейство съ Брижешною и нѣсколькими служителями туда отправились.

Но при всѣхъ заботахъ и попеченіяхъ о супругѣ своей Моншей не выпускалъ изъ памяти друга своего Жамеса Росса; часто занималъ онъ его мысли до отъѣзда на Барру, и наконецъ посовѣщавшись съ дю-Бургомъ и Рандольфомъ (кого почитали уже полезнѣйшимъ членомъ въ ихъ обществѣ), рѣшились нанять судно, на которомъ послѣдніе двое должны были отправиться описывать Сирь Жамеса. Моншей сообщилъ имъ всѣ нужныя къ тому свѣдѣнія; и между прочимъ, что корабль, взявшій ихъ въ плѣнъ, былъ Датскій; что его увѣрили въ личной безопасности Сирь Жамеса и рыбаковъ кромѣ шолько свободы, которой лишены были для того, чтобы не произвели какой тревоги, гордясь первыми успѣхами и будучи снабжены провизіею и дезьями. Дю-Бургъ и Рандольфъ отправились съ Вилліамомъ и двенадцатью ошровитянами, на вѣрность и не устращимость коихъ могли положиться.

При отъѣздѣ Амбруазина просила ихъ
 нешись о собственнѣй безопасности, и
 на случай, есльи Жамесь Россъ нахо-
 дился въ плѣну, поручила выкупить его
 дѣною всего ея имущества. „У насъ до-
 вольно оспанешся, чпобъ бышь щаспли-
 выми, говорила она Моншею улыбаясь:
 я буду жишь твоимъ имѣніемъ съ мень-
 шею разборчивостію, нежели какъ пы-
 жилъ моимъ; намъ легче обойтись безъ
 доходовъ съ Киншала, нежели безъ па-
 ного друга, каковъ Россъ.“

Возвращеніе семейства Моншеева на
 островъ Барру произвело шамъ живѣй-
 шую радость. Пріѣздъ Фразера и прі-
 яшныя извѣстія засшавили Сира Алек-
 сандра Мак-Грегора дождашся Моншея,
 дабы принять его и раздѣлишь съ бра-
 шнемъ своимъ и друзьями общее удоволь-
 ствіе. Сенш-Клеръ и его супруга встрѣ-
 чены были какъ воскресше изъ мерш-
 выхъ, или какъ истинный даръ Неба. Но не
 въ одной шолько крѣпости раздавалось ис-

пинное веселіе: всѣ островиціане лишь только узнали объ этомъ щасливомъ извѣстіи, прїѣзжали толпами; каждый хотѣлъ ихъ видѣть, поздравить и засвидѣтельствовать имъ свое усердіе и дружбу, которая отъ благосклоннаго принятія сихъ добрыхъ людей чувствуема была къ нимъ сугубо. Къ довершенію же сего общаго благополучія, судно, на которомъ Рандольфъ и дю-Бургъ ѣздили отыскивать Росса, чрезъ десять дней возвратились они, нашли его и привезли. Теперь всѣ изгнанники опять находились при Сенш-Клерѣ.

Не входя въ дальнѣйшія изъясненія, Россъ просто увѣдомилъ ихъ, что разлучивши съ Моншеемъ, высадили его на одинъ Оркадскій островъ, и хотя дали ему свободу, но лишили денегъ и всѣхъ средствъ возвратиться въ Барру; къ большому же несчастію горестная неизвѣстность о жребіи Сенш-Клера причинила ему опасную болѣзнь, отъ коей бы

онъ погибъ безъ двухъ островианъ съ
 Бенбекулы, изъ коихъ одинъ спарался
 помогати ему, а другой доставати шу-
 дами деньги. Наконецъ Лордъ Рональдъ,
 богатѣйшій владѣлецъ на Оркадскихъ
 островахъ, узнавъ, что въ его владѣнїи
 былъ больной и несчастной иностранецъ,
 поспѣшилъ къ нему на помощь. Имя
 Сиръ Жамесъ Россъ и шило изгнанника
 Барры умножили участіе, которое онъ
 внушилъ ему, не будучи знакомъ. Сей
 молодой Господинъ, независимый ни отъ
 кого, по смерти отца своего и испол-
 ненный челоуколюбія, сдѣлалъ все, что
 только отъ него зависѣло, дабы помочь
 жертвамъ вѣроломства. Жамесъ Россъ
 былъ перенесенъ въ его Замокъ, пользо-
 ванъ и скоро вылѣченъ. По неосступ-
 нымъ его прозьбамъ Рональдъ хотѣлъ сна-
 рядить корабль, чтобы отправить его
 съ двумя спутниками въ Барру, откуда
 ѣхашъ обыскивать Сентъ-Клера, какъ
 прибыли дю-Бургъ и Рандольфъ на Ор-
 кадскіе острова, съ коихъ они хотѣли

начать свои поиски. Пусть судяще о их радости, нашедши тамъ своего друга и о благодарности къ молодому Господину, сохранившему и возвратившему имъ его живымъ и здоровымъ. Россъ не менѣе почишалъ себя щасливымъ, узнавъ, что Сент-Клеръ былъ спасенъ и находился въ Баррѣ; они поспѣшили туда возвратиться, засвидѣтельствовавъ Лорду Рональду признательность, кою изъявилъ и Сент-Клеръ; ибо онъ не столько чувствовалъ радости о своемъ собственномъ освобожденіи, сколько о возвращеніи Росса. Радостныя восклицанія о щасливомъ происшествіи раздавались повсюду и на самыхъ улицахъ Барры. Когда безпокойства празднованія утишились и возобновились спокойствіе тихой семейственной жизни, то всѣ собрались однимъ вечеромъ для дружеской бесѣды.

„Я знаю, любезнѣйшій родитель, сказала Рандольфъ Моншею, что чрезъ вѣроломство дома Роскелиновъ мы едва

не потеряли васъ ; знаю , что вы были въ ихъ власти , но не знаю до сего времени подлинной причины этого происшествія . Въ продолженіи болѣзни ма-тушкиной и отсутствія Сира Жамеса , я удерживалъ мое любопытство и не хотѣлъ дѣлать вамъ не скромныхъ вопросовъ , тогда всѣ ваши мысли ус-премлены были на сіи драгоцѣнные пред-меты ; но теперь , когда мы всѣ соеди-нились и щасливы , осмѣливаюсь просить васъ разсказать намъ эту заниматель-ную исторію .“

— Охотно , милый Рандольфъ : но прежде нежели коснусь недавно нанесенныхъ мнѣ обидъ , нужно , чтобы ты узналъ основаніе прежнихъ несправедливо-стей , коими я былъ удручаемъ опъ сей фамиліи ; ты меня знаешь только какъ изгнанника Сент-Клера ; но моя исторія откроетъ тебѣ причину пребыванія моего въ Баррѣ ; будь судьбою между мною и Ро-скеллинами ; не позволяй никакому пред-убѣжденію сыновнему дѣйствовать

въ швоемъ мнѣнїи; разсматривай эшо дѣло какъ бы я былъ Жон - Роскелинъ, а онъ Моншей, или лучше забудь, что я ошець швой. —

„Я никогда не могу эшого забыть; эшо мое благополучїе, моя слава; но еспь-ли для васъ шягостно возобновишь въ памяти вашей гореспи, шо не имѣйте уваженїя къ моему любопытству. Я лучше хочу ничего не знать, нежели забыть. На минушу, что вамъ одолженъ жизнью.“

— А я, милый Рандольфъ, не уже ли ты думаешь, что могу забыть шо, чѣмъ обязанъ тебѣ. Твои поступки дали тебѣ право на мою вѣчную признательность и любовь. Чшобъ ни предугошляла для меня будущность, но я смѣю предсказать: швои дни не пролекушь безъ славы; скоро взойдешь ты въ свою очередь на шумныя сцены свѣша, а при шакихъ поступкахъ и мужесствѣ, какїе оказалъ ты на опыть, содѣлаешь имя швое знаменишѣйшимъ имени швоихъ

вредковъ ; глупецъ и злодѣй могутъ бытъ также знамениты и съ шишлами , но истинное благородство , сынъ мой , есть то , которое заслуживаютъ своими дѣлами ; этого я желаю тебѣ и предсказываю. —

Рандольфъ тронутый преклонилъ колѣна предъ Моншемъ , и поцѣловавъ его руку , сказалъ ему : „Жарчайшее желаніе моего сердца , о наилучшій изъ опцевъ ! есть то , чтобы бытъ достойнымъ васъ и превосходныхъ друзей , кои научали меня въ юности ; я пойду , куда вы ни прикажете ; но Барра есть единственное любимое мѣсто , которое я избираю ; здѣсь только желаю я жить и умереть.“

— Я вѣрю тебѣ , дитя мое ; знаю также ; какъ и ты , что только въ Баррѣ можно найти благополучіе ; но не уже ли ты желаешь счастья , не снисканнаго никакимъ трудомъ ? Я желаю моему Рандольфу не только счастья , но также и славы ; завтра я начну мою повѣсть.

Въинѣ вечеромъ уже поздно, и я имѣю нужду вспомнить случаи, столь давно прошедшія. — Они говорили о другихъ предметахъ; вечеръ прошелъ весело и разошлись въ часы покоя, съ неперифли-востію завтра бытъ вмѣстѣ, особенно молодые люди, коимъ исторія ошца ихъ была еще новостію.

Г Л А В А II.

Любоспышство Рандольфа было чрезвычайно; давно уже желалъ онъ знать обстоятельства вражды, раздѣлявшей фамиліи Роскелина и Моншея, вражды, не испребившейся даже временемъ, и копорую почишалъ онъ причиною изгнанія ошца своего.

Никогда не было упоминаемо при немъ о родственникахъ Сенш-Клера; онъ не зналъ, что у него есть другіе, кромѣ дяди его Моншея, о коемъ онъ говорилъ всегда съ величайшимъ почтеніемъ и живѣйшею признательностію; но Рандольфъ

дольфъ не могъ вспомнить, чтобъ онъ именовалъ когда-нибудь своихъ родителей. Это обстоятельство удивляло его также точно, какъ и тайна о его собственной матери.

На другой день послѣ обѣда, когда все общество собралось, Сент-Клеръ сказалъ имъ: „Я хочу, друзья мои, исполнить свое обѣщаніе. Исторія моя извѣстна моимъ товарищамъ Россу, дю-Бургу, Мак-Грегору и Гамильшону; ахъ! я вовлекъ ихъ въ свои несчастія! Сиръ Александръ и нѣкоторые изъ жителей крѣпости также знаютъ ее опочаси; что же касается до моей Амбруазины, я не имѣю ни одной мысли, которая бы не была ей извѣстна; но дружба, насъ связующая, требуетъ, чтобы я былъ знаемъ всѣми: я расскажу вамъ о глупостяхъ своей молодости, и не хочу показаться лучшемъ, нежели каковъ я въ самомъ дѣлѣ. Я имѣю нужду въ вашемъ снисхожденіи, даже въ шутку, Раадольфъ; ибо ты не

знаешь еще, куда пылкость юности можешь вовлечь неопытного молодого человека. Ахъ! если бы ты могъ не знать этого вѣчно! Но замѣшь, какимъ человекомъ подверженъ заблужденіямъ. На что я смотрѣлъ прежде, какъ на величайшее изъ несчастій въ моей жизни, ссылка моя на Гебридскіе острова сдѣлалась источникомъ моего благополучія, мое изгнаніе привлекло ко мнѣ вниманіе и сердце Амбруазины, — она сдѣлала для меня рай изъ острова Барры. Послѣ сего предисловія онъ началъ такимъ образомъ:

„Первый періодъ жизни моей, которой я только могу вспомнить, есть тошь, когда я имѣлъ не болѣе четырехъ, или пяти лѣтъ. Я жилъ въ Фораѣ на островѣ Левсѣ у одного жителя, коего называлъ я опцомъ своимъ; я былъ его единственнымъ сыномъ и назывался Сент-Клеромъ Мак-Креемъ: это была фамилія отца моего. Онъ владѣлъ небольшою рощиною, порядочнымъ домикомъ и превос-

ходнымъ маленькимъ судномъ для рыбной ловли, на коемъ онъ портоваль по берегамъ Шотландіи, въ Оркадскихъ островахъ и даже въ Норвегіи. Хотя обращеніе его было деревенское и грубое, но онъ былъ чрезвычайно честный человекъ. Мать моя почитала себя гораздо выше его; она была прежде горничною и имѣла довѣренность знашной Дамы въ полуденной Шотландіи; и все, что имѣлъ отецъ мой, было наградою за ея услуги. Они не имѣли другихъ дѣшей, кромѣ меня. Въ качествѣ единственнаго сына я бы долженъ былъ избалованъ своею матерью; но было напротивъ: она находила меня столь рѣзвымъ, безполковымъ, какъ говорила, различнымъ оплѣхъ дѣшей, коихъ она привыкла видѣть въ Единбургѣ, что не могла терпѣть меня; подражая безъ сомнѣнія придворнымъ Дамамъ и городскимъ красавицамъ, она увѣряла, что первы ея столь чувствительны, что она не можетъ сносить шуму, кепорой заводилъ я. Напротивъ

того отецъ мой очень любилъ меня; онъ называлъ меня своимъ вѣпренникомъ, разбойникомъ, шалуномъ, забавлялся моими рѣзвостями и не могъ на меня на-смотрѣться. Мнѣ еще не было семи лѣтъ, какъ я уже соповариществовалъ ему во всѣхъ его путешествіяхъ въ Норвегію и на берега Шотландіи. Я былъ отъ природы неукротимъ, вспыльчивъ, смѣлъ и никого не боялся. Еслили почиталъ себя обиженнымъ, то ни мало не удерживался бить шѣхъ, кои превосходили меня лѣтами и силою; я получалъ въ свою очередь побои, которыя, вмѣсто того чтобы ослабить мое мужество, еще болѣе его умножали; но въ такомъ упорствѣ я бы лучше позволилъ убить себя, нежели остаться безъ опмщенія и не нанести прсаднаго удара. Будучи не чувствительнень къ холоду и жару, я звалъ ихъ только по имени, и не боялся слѣдствій. Зимой цѣлые часы я бѣгалъ по льду, возвращался домой покрытый снѣгомъ и ни малѣйшая жалоба у меня не

вырывалась. Лѣпомъ я карапкался при солнечномъ зноѣ на горячіе утесы, какъ горная коза; мѣспа, казавшіяся самыми неприступными и опасными, были мною предпочишаемы. Я гордился и былъ доволенъ, когда въ попу и съ опасностію жизни достигалъ крупной вершины утеса, куда никто не осмѣливался за мною слѣдовать; опшуда, измѣряя глазами пропасти, меня окружавшія, я выпускалъ радостные крики и почишалъ себя Царемъ эпой спираны. Такимъ образомъ я достигъ двенадцатаго года и испинно сдѣлался начальникомъ и вождемъ всѣхъ мальчиковъ Форая; я одолженъ былъ симъ возвышеніемъ на одной моей природной смѣлости, но можешъ бышь также соспоянію моихъ родителей, кои почишались самыми богашыми въ шомъ мѣстѣ. Изъ любимыхъ нашихъ увеселеній была охота. Я очень хорошо спрѣлялъ изъ лука и спрастно любилъ это упражненіе; я зналъ всѣ убѣжища ланей и козь, и попому легко могъ ловишь ихъ; шруды и ушпа •

лостъ , превосходящіе наши лѣта , были почти всегда сопровождаемы успѣхами ; мы приобрѣли нѣкопору ю славу въ нашей деревнѣ , и это льстило нашему щеславію ; моя охота была прерываема только морскими путешествіями , кои я предпринималъ съ опцемъ своимъ . Миѣ было около шринадцати лѣтъ , когда мы , возвращаясь изъ Инвернеса , привезли на нашемъ суднѣ знатнаго путешественника , пріѣхавшаго посѣтитъ нашъ островъ , гдѣ онъ имѣлъ свои владѣнія . Это былъ храбрый Генераль Моншей , шотъ , коему я одолженъ болѣе , нежели жизнію ; онъ возвращался изъ Свяшой земли , гдѣ служилъ подъ знаменемъ креста . Послѣ многолѣшняго опсушствія онъ желалъ посѣтитъ свои земли , осведомиться о несчастныхъ своихъ подданныхъ , помочь угнѣвленнымъ и наказатъ прищѣснителей . Моншей не былъ женатъ ; имѣніе его въ Шотландіи было довольно велико ; на островахъ находилось немного , но онъ думалъ , что его поддан-

ные оспровитяне, хотя опъ него и отдаленные, не менѣ имѣли права на его правосудіе и благодѣянія; онъ хошѣлъ лично узнать ихъ положеніе: это была цѣль его путешешствія; будучи непріятелемъ пышности и роскоши, онъ взялъ съ собою только двухъ слугъ, съ коими сѣлъ на наше судно, чшобы проѣхать въ Левсъ.

„Въ эпошъ кропкій переѣздъ я имѣлъ щаспіе привлечь вниманіе Генерала и ему понравился; онъ дѣлалъ мнѣ многіе вопросы, на кои я шакъ удачно отвѣчалъ, чшо прежде, нежели совершали путь, я былъ уже его любимцемъ. Какъ онъ не имѣлъ жилища на островахъ, шо просилъ опца моего, не можешъ ли онъ осшановиться у него на два, или на три дни. Это была честь, опъ кошорой Мак-Крей не имѣлъ осшорожности отказать. Въ первый разъ въ жизни я замѣшилъ униженіе моей машери. Въ присушствіи Генерала она едва осмѣливалась отворить ротъ, и когда была одна съ опцемъ мо-

имъ, по бранила его, что осмѣлился
принять къ себѣ такого знатнаго Госпо-
дина; но какъ уже онъ остановился у
насъ, то она принуждена была привести
въ порядокъ все, что могла для его при-
нятія; никто не былъ меня неусыпнѣе.
Благосклонность Генерала, соединенная
съ его мужествомъ, снискала мое сердце
и возбудила удивленіе, и я разсудилъ
показать ему, какъ я былъ чувствитель-
нъ къ чести, оказываемой имъ нашему
простому жилищу. Мы прѣехали поздно
вечеромъ; Генералъ нѣсколько покушалъ
и пошелъ успокоиться; отецъ и мать
моя дѣлали то же; чтожь касается до
меня, то мой разумъ столько былъ за-
нятъ симъ знаменитымъ посѣщеніемъ,
что я не могъ заснуть вовсе. Вставъ
съ зарею, я выбралъ нѣсколькихъ изъ
своихъ шоварищей, самыхъ сильныхъ
и проворныхъ, и просилъ у нихъ
помощи, говоря, что хотѣлъ убить
одну лань, дабы услужить нашему го-
спю. Предложеніе это или было по ихъ

вкусу, или дѣйствию власти, взятой мною надъ моими поварищами, и дружба, копорую я уже внушилъ, принудила всѣхъ на то согласишься. Въ числѣ двенадцати человѣкъ мы пошли на гору и въ мѣспяхъ, гдѣ болѣе водилась дичь, подняли ее своими криками и преслѣдовали прекрасную лань до полудни. Мы уже потеряли надежду убить ее, какъ я увидѣлъ ее входящую въ узкой проходъ; не теряя времени, я натягиваю лукъ, стрѣла лешись и поражаетъ живоное въ горло. Гордясь нашими успѣхами, мы соединились, чтобы отнести нашу добычу въ триумфъ. Сошедши съ горы, встрѣтили Генерала Монтеи, прогуливающагося въ своихъ владѣнiяхъ; онъ остановился при нашемъ приближенiи и спросилъ, что мы несемъ. Одинъ изъ поварищей, не узнавъ его по причинѣ простоты его одежды, отвѣчалъ ему: это лань, убитая Сепи-Клеромъ Мак-Креемъ для поднесенiя Лорду, живущему у отца его. Молодой человѣкъ! сказали. Гене-

ралъ, обращаясь ко мнѣ: отецъ твой ничего не зналъ о твоёмъ предпріятіи, ибо онъ искалъ тебя поутру. Когда онъ увидишь это живописное, изгошовленное для сполы вашего, онъ проспишь меня, отъ вѣчалъ я съ живостію. Вотъ, сказалъ онъ, кладя мнѣ въ руку нѣсколько золотыхъ монетъ: вотъ, чтобы помочь лань просишь въ твою пользу. Я убилъ ее не для продажи, сказалъ я ему, возвращая его золото съ смущеніемъ, которое онъ примѣшилъ. А для чего же? сказалъ Генераль. Для того, чтобы сдѣлать честь знаменишму своему госпию. Если бы я хотѣлъ отнести эту лань на рынокъ, то не употребилъ бы сполько шруда. Генераль улыбнулся. Ну, так твои товарищи примуть, я надѣюсь мой подарокъ, и моя благодарность еше все, что я предлагаю тебѣ.

„Я имѣю наилучшую честь, сказалъ я, прыгая отъ радости. Пойдемте друзья мои, отнесемъ ее къ отцу моему. Золото Генерала возобновило силы мои“

товарищей, и я почишалъ себя на цѣлой аршинъ выше опъ своего отказа. Мы легко пробѣжали остатокъ дороги и получили еще похвалу и благодарность опъ отца моего. Вечеромъ Мак - Крей ушелъ вооружашъ свое судно, я оспался дома. Генераль просиль машь мою позволиль мнѣ иди съ нимъ, чшобъ нѣсколькo минушь поговориль. Чѣмъ болѣе я гордилься и былъ доволенъ симъ опличіемъ, тѣмъ болѣе машь моя оказывала негодованія. Она сказала, что грубость моего голоса и мое обращеніе скоро ему наскучашъ; но боясь досадишь ему отказомъ, она позволила мнѣ иди въ лучшую нашу комнату, которую приготошила для него какъ можно было лучше. Онъ сидѣлъ передъ маленькимъ столомъ, на которомъ была бутылка вина; и приказавъ принести мнѣ другой спаканъ, наполниль оба, и постучавъ своимъ спаканомъ въ мой, за здорвье побѣдителя ланей, сказалъ онъ мнѣ шупливо, и приказавъ мнѣ сѣсть вросивъ себя, говорилъ со мною о раз-

ныхъ предметахъ. Я совершенно забылъ различіе между нами, часъ опчасу спазовился смѣлѣе и разговорчивѣе, какъ съ моими поварищами. Онъ дѣлалъ мнѣ много вопросовъ о нашемъ семействѣ, и наконецъ спросилъ, къ какому состоянію назначилъ меня отецъ мой. Я думаю, къ своему, ошѣчалъ я; но оно мнѣ не нравилась. Еслили я выросшу, то хочу быть сначала солдатомъ; хочу возвыситься издѣ шѣмъ состояніемъ, въ которое поставила меня форшуна. Я еще помню и теперь шовѣ взглядъ, которой кинулъ на меня Генераль. Въ этомъ взглядѣ шакъ мало было сшротости, и онъ шакъ согласовался съ моими мыслями, что я шотчасъ осмѣлился въ мою очередь сдѣлать ему вопросы о сраженіяхъ, на коихъ онъ былъ. Онъ ошѣчалъ мнѣ съ благосклонностію, которая довершила удовольствіе мое онъ сего разговора. Въ слѣдующее утро я пошелъ еще на охоту съ моими поварищами, Генераль, желая быть свидѣтелемъ нашей ловко-

спши , послѣдовалъ за нами верхомъ , и оставя лошадь при подошвѣ горы, взошелъ на одну съ нами, хопя съ трудностію, ибо ему было около пятидесяти лѣтъ ; онъ остановился на вершинѣ и оштуда былъ зрителемъ нашей охоты. Щастіе еще мнѣ послужило , — я ранилъ козу ; но едва стрѣла была пущена, какъ я горько раскаялся въ своемъ искусствѣ : ибо съ одной возвышенности увидѣлъ козленка , которой безъ всякой боязни приближился къ своей бѣдной матери , уже поверженной на правѣ и искалъ своей лица. За минушу прежде все мое честолюбіе было показанъ Генералу мое проворство , но видъ козленка привелъ меня въ жалость ; я вырвалъ стрѣлу , приложилъ руку къ ранѣ , чтобы остановить кровь ; но это было тщетно : ударъ былъ чрезвычайно вѣренъ ; ноги бѣднаго живошного уже корчились , и онъ скоро лишилось жизни. Козленокъ еще сосалъ ее ; я ошвелкъ его съ сердечнымъ перзаніемъ , котораго никогда еще не испы-

пываль. Мои поварищи понесли мамъ а козленокъ самъ за ними слѣдовалъ; я не помогаль совсѣмъ друзьямъ своимъ неспи, какъ добычу, и не имѣль къ тому мужества. Мы сошли съ горы; я былъ печалень и недоволенъ самъ собою. Сей прекрасный маленькой козленокъ, пришедшій сосать мамъ свою, падшук опъ моихъ ударовъ, былъ всегда предъ моими глазами. Генераль пришель въ одно съ нами время въ долину. Ты прекрасно спрѣляешь изъ лука, Сенш - Клеръ сказалъ онъ мнѣ: спрѣлы твои не всегда будутъ направляться противъ робкихъ живошныхъ; въ споль искусныхъ рукахъ онъ содѣлаюся инькогда гибельнымъ оружіемъ противъ враговъ нашего опечества.

„Я не хочу болѣе спрѣляшь невинныхъ живошныхъ, возразиль я: носмотрише, я убиль мамъ этого бѣднаго живошнаго и не могу тому помочь. Тебѣ надобно усыновишь сироту, сказалъ Генераль: корми его молокомъ; онъ привя-

жется къ тебѣ и всюду -будеть за по-
 бою слѣдовать. Я улыбнулся при сей
 мысли и ласкалъ козленка. Ахъ! естъ-
 ли бы я могъ имѣть для него молоко,
 сказалъ я: но мать моя мнѣ не даетъ
 его; она бранила и била однажды меня за
 то, что я далъ его пить бѣдному Дональ-
 ду Спрагжи, и послѣ того заперла клю-
 чемъ дверь чулана. — Ну, такъ, сказалъ
 Генераль, я усыновлю козленка. Пойдемъ,
 мой другъ, мы поищемъ вмѣстѣ способовъ
 имѣть молоко, чтобы кормить его. Въ
 тошъ же день послѣ обѣда я послѣдо-
 валь за Генераломъ. Въ продолжитель-
 ной прогулкѣ мы встрѣпили креспьяни-
 на, пасущаго коровъ; онъ купилъ одну изъ
 нихъ и отдалъ мнѣ ее на произволь. Безъ
 сомнѣнiя, прибавилъ онъ, это будетъ кор-
 милица нашей сироты. Пробывши нѣсколь-
 ко дней съ нами, Генераль, желавшiй посѣ-
 шить сосѣднiе острова, расположилъ
 ѣхать и, къ удивленiю моему, просилъ
 у моихъ родителей позволенiя, чтобы я
 спущивалъ ему; обѣщаясь привезти

меня назадъ. Не возможно было отка-
 зать въ сей просьбѣ человѣку его досто-
 инства, которой просилъ, когда могъ
 приказывать; но я съ удовольствіемъ
 замѣнилъ, что она совершенно не нра-
 вилась моимъ родителемъ, особливо ма-
 тери. Я мало о томъ забоишлся и съ
 радостнымъ сердцемъ послѣдовалъ за мо-
 имъ дражайшимъ покровителемъ. Во вре-
 мя сего путешествія случилось непріят-
 ное происшествіе, но которое сильно
 способствовало къ укрѣпленію дружества,
 внушаемаго мною сему превосходному че-
 ловѣку. Рана, полученная имъ за нѣ-
 сколько предъ симъ лѣтъ на войнѣ и ко-
 торую худо залѣчили, ошеорилась, и до-
 вольно продолжительное время была по
 видимому опасна; онъ принужденъ былъ
 оснавить осирова и искать помощи въ
 Шотландіи. Я услуживалъ ему въ самую
 большую опасность съ величайшею привя-
 занностію и, смѣю сказать, съ старані-
 емъ, превосходившимъ мои лѣтъ, не по-
 жидая его ни днемъ, ни ночью, и едва ло-

свящая ему нѣсколько минушь. Предъ отъѣздомъ своимъ въ Шопландію онъ хотѣлъ исполнить свое обѣщаніе возвращеніемъ меня къ родищелямъ; но я бросился къ ногамъ его, обливаясь слезами и умоляя его позволить мнѣ остаться при немъ до тѣхъ поръ, пока ему будетъ лучше. Уступивъ моимъ просьбамъ, онъ послалъ нарочнаго въ Форай, а мы продолжали путь въ Замокъ Моншея, находившійся въ Першѣ.

„Генераль Моншей былъ единствен-
ный сынъ; но отецъ его женился впо-
рично чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ смер-
ти своей прежней супруги; дочь, быв-
шая двадцатью годами моложе Генера-
ла, была плодомъ его втораго брака. Мон-
шей любилъ ее нѣжно и гордился ея кра-
сотою, а еще болѣе добродѣтелию. Лади
Маріанна Моншей славилась ошмѣннымъ
цѣломудріемъ, потерявши отца и мать
въ цвѣтѣ юности; будучи совершенно
вольна въ своихъ поступкахъ и окружен-

ная обожашелями, никогда, какъ говорили всѣ, не опсшупала она ни на минушу опъ обязанностей, предписанныхъ ей полу. Ее поставляли образцемъ всѣмъ женщинамъ, и это строгое цѣломудріе не опносилось къ нечувствительности сердца, ибо она любила Графа Роскелина, опца Лорда Жона, Любимецъ ея былъ назначенъ посланникомъ, и во все по время, какъ должностъ удерживала его внѣ опечесства, она жила въ совершенномъ уединеніи и вышла за него по возвращеніи. Въ по же время брапъ ея Генераль Моншей, служивши нѣсколькo дѣтъ въ Шотландіи, уѣхалъ въ Испанію, а опшуда опправилея въ Крестовой походъ; и послѣ долговременнаго опсунствія возвратился въ опечесство и нашелъ родителей своихъ умершими, а сестру въ замужствѣ за Графомъ Роскелиномъ и уже матерію десятилѣшняго сына, сдѣлавшагося по смерти опца своего Лордомъ Жономъ Роскелиномъ.

„Генераль былъ холостъ и такъ уже спарь, что не могъ думать о бракѣ. Недвижимое имѣніе было въ его распоряженіи. Лади Роскелинъ была его любезною сестрою, а потому она непременно должна была сдѣлаться его наследницею и въ слѣдствіе того оказывала ему непре- спанная услуги.

„Рана не позволяла Моншею сидѣшь на лошади, и онъ вѣхаль шихо въ коляскѣ, а я подлѣ оной на его лошади. Бы легко можеше судить безъ моего описанія о чувствахъ моихъ при первомъ взглядѣ на величіе и обширность Замка Моншея; онъ чрезвычайно обширенъ, расположенъ на оплогосни горы, окруженъ дремучими лѣсами. Будучи крѣпокъ какъ утесъ, на коемъ основанъ, онъ, кажешся, презираешъ усилія времени и опустошенія войны. Длинная извивающаяся дорога, усаженная по обѣимъ сторонамъ деревьями, до небесъ возвышающимися, ведешъ къ Замку; на концѣ оной широкой ровъ, наполненный водою, съ подѣ-

емнымъ мостомъ, тяжелыя желѣзныя ворота защищаютъ входъ въ оной; на верху воротъ видѣнь позлащенной бронзовой орель: древній наслѣдственнй гербъ знаменитаго дома Моншеевъ. Въ долину близъ Замка естъ монастырь, построенный маперью Генерала для двенадцати монаховъ. — Узнавши о прїѣздѣ ихъ Господина, они вышли къ нему на встрѣчу со всѣми его крестьянами. Генераль велѣлъ останоившись коляскѣ и говорилъ съ ними очень благосклонно и съ почтеніемъ относился къ одному спарику, коего необыкновенная фізіономія привлекла все мое вниманіе: онъ былъ сухъ, блѣденъ; глаза его, не много впадшіе, блиспали необыкновеннымъ огнемъ; борода, бѣлѣйшая снѣгу, досязала до груди: я узналъ, что онъ родился въ Зюдерландіи; съ самой юности жилъ въ Замкѣ Моншея, гдѣ былъ очень долгое время управителемъ; но болѣе уже десяти лѣтъ какъ освобожденъ отъ всѣхъ прудовъ и жилъ по своей волѣ въ Замкѣ или съ мо-

нахами въ монастырѣ. Лѣта его и видъ внушили уваженіе; онъ почиался, такъ сказать, прорицашелемъ или пророкомъ предузнававшимъ будущее; слова его имѣли нѣчто особенное и вдохновенное. — Добро пожаловать, сказалъ онъ, приближаясь къ коляскѣ: орелъ знаменитой фамиліи Моншеевъ! да распростирутся крылья его и защищаясь угнѣбленныхъ! да возможесть Небо продлить дни его, чѣмъ возвратишь пшеница, въ гнѣздѣ оставленнаго!

„Ты всегда говоришь загадками, добрый Андревсь, сказалъ ему Генераль, протягивая къ нему руку, вѣрный и старый другъ. Глаза шарика блискали отъ привязанности и благодарности; онъ проводилъ Генерала до самаго Замка.

„Опечественный воздухъ и нѣскольکو дней успокоенія возстановили здравіе Генерала. Я продолжалъ бытъ услужливымъ, и какъ испинно благородные люди всегда признашелвы, по онъ полюбилъ меня шакъ, чѣмъ я всегда былъ

въ его комнаѣ; онъ смѣялся моимъ шалостямъ, прѣспосердечію и старался ободрять меня: я привѣкъ къ старому Андреусу — онъ также любилъ меня и предсказывалъ часто въ своихъ иносказательныхъ рѣчахъ, что я сдѣлаюсь вѣрнымъ служивелемъ дому Моншеевъ, что молодой вязъ замѣнитъ старый дубъ и что орелъ и пшеницы его успокоятся подъ его тѣнію. Я смѣялся и просилъ его предсказать мнѣ, буду ли я нѣкогда имѣть столь же прекрасную, какъ онъ, бороду; мы однакожь боялись потерять добраго шарика, коего Генераль почиталъ какъ опца; или удовольствіе, увидѣвъ своего Господина, было выше силъ его, или насмалъ предѣлъ назначенной природою; но мы видѣли его поспешенно клонящимся ко гробу: голосъ его дрожалъ, глаза потеряли блескъ свой; онъ ходилъ съ трудомъ, но между тѣмъ сохранилъ всю не замѣаность и присупствіе ума, почтеніе къ Генералу и пошашенному орлу, о коемъ онъ часто говорилъ.

„Уже пятнадцать дней мы были въ Замкѣ, какъ Графъ и Графиня Роскеллингъ пріѣхали сюда съ своимъ сыномъ; они узнали о болѣзни Генерала и не хотѣли упустить случая съѣзжать ему посѣщеніе. Они были приняты, какъ только можешь принимать нѣжнѣйшій братъ, любящій свою сестру. Онъ имѣлъ особенную привязанность къ молодому Лорду Жову, хотя отецъ его жаловался на женоподобное воспитаніе, которое дѣлала ему мать. — Я хочу вамъ рассказать, друзья мои, необыкновенную сцену, которую я не умѣю изъяснить, но коей я былъ предметомъ и свидѣтелемъ. Какъ Генераль выздоровѣлъ, то и приказалъ накрыть столъ въ большой залѣ; музыкантамъ велѣно было играть при десертѣ и всѣмъ людямъ служить при столѣ въ богатой ливрѣ. Въ такихъ случаяхъ почтенный управитель Андрейсъ никогда не пропускалъ исполнять своей старой должности, поднося къ кубокъ возму Господину; отказавъ ему въ этомъ бы-

лабь обида его старости; Генераль былъ къ тому неспособенъ. — Въ сей день, не смотря на свою крайнюю слабосць и шрепешаніе, Андрейсь хотѣлъ еще исполнить, какъ говорилъ онъ, сію должность въ послѣдній разъ. Обѣдъ былъ великолѣпный и всѣ были очень веселы; я вмѣшался между служившелями и помогаль имъ, какъ могъ лучше, хотя много и не приказывали. Когда подали десертъ, Генераль примѣшилъ меня и сказалъ мнѣ: другъ мой! принеси кубокъ вина. Прошу Лади Роскелинъ похитить стараго служившеля дому ея родителей, достойнаго Андрейса, и принять кубокъ изъ его рукъ. Я поспѣшилъ исполнить данное мнѣ приказаніе; въ шо же время Андрейсь дрожащею рукою поднесъ кубокъ Графинѣ. Она, принявъ его, сказала: за благосостояніе и вѣчную славу дома Моншеевъ! Своды залы опозвались опъ восклицанія всѣхъ присутствующихъ, повспорившихъ слова сіи. Музыканты начали пѣшь и играшь. Генераль съ улыб-

кою благодариль сестру свою, какъ вдругъ радость перемѣнилась въ тревогу: старый Андрейсь упалъ, распростерся на мраморномъ полу и схваченъ былъ ужаснѣйшими конвульсіями, кои показывали его близкую кончину.

„Все вскочили и окружили его. Вынесите его на воздухъ, кричалъ Генераль: пусть толпа распухнетъ; этакое время было слишкомъ тягостно для его старости. Посадите его на кресла, продолжалъ онъ, подвигая свой: бѣдный старикъ! онъ вѣрно ушибся.

„Генералу повиновались, и я былъ изъ первыхъ помогавшихъ бѣдному шарцу. Нѣсколько минутъ припадокъ его продолжался ужаснѣйшимъ образомъ; но вдругъ старецъ успокоился, открылъ глаза, и взглянувъ вокругъ себя, разсмаширивалъ своего Господина. Я былъ позади его кресель; онъ попробовалъ подняться, я подошелъ, чтобы помочь ему; онъ оперся на мою руку и въ этомъ положеніи

звонкимъ и медленнымъ голосомъ произнесъ слова сіи, кои во мнѣ споль сильное произвели впечатлѣніе, что я никогда не могу забыть ихъ:

„Полевая живошная и люшья звѣри любяшъ дѣшей своихъ и ихъ кормяшъ; пшцы небешныя далече лешаюшъ смискивашъ имъ пицу и покрываюшъ ихъ крылами своими; но женщина люшѣйшая звѣрей лѣсныхъ опшоргаетъ опъ груди своей дшпя, коему дала жизнь.“

„Спарикъ умолкъ, глаза его закрылись, и онъ упалъ снова, какъ будто мершвый. Уведите опсюда, вскричала Графиня шрепеша, спараго насмѣшника, сего гнущнаго клеветника на женщину! уведите его домой; нущъ говоришъ онъ свои бредни шому, кто захочешъ его слушашъ; я не могу болѣе видѣшь его.“

„Бешприца! возразилъ Генераль съ примѣшною суровостію, которую я въ первый разъ въ немъ замѣшилъ: ты забыла, что говоришъ это о спаромъ слу-

жизель еще твоего, имѣющемъ девяносто восемь лѣтъ, который по всему заслуживаетъ наше почтеніе. Можешь быть старость возмутила его чувства, не понимая имъ сказаннаго; я почишаю очень возможнымъ, что Небо говоритъ устами добродѣтельнаго старца, и я остерегусь обратиться это въ насмѣшку. — Графиня ничего не возразила; но ея пылающее лице довольно обнаруживало сраженіе спрассей, волновавшихъ ея душу. — Спарикъ вышелъ опять изъ нѣкошораго рода сна и казался въ изступленіи: глаза его открылись, грудь поднялась, взоры его искали своего Господина и уста его произнесли:

„Зрише перстъ Божій! онъ показываетъ вамъ пупъ, которому надлежитъ слѣдовать. Порочный долженъ жить въ страхѣ, ибо правосудіе и истина воспоржествуютъ. Но, увы! юный орелъ выпалъ изъ гнѣзда опринутый матерью! Неблагодарность и алчность

„юнаго орла отпраспуть, по онъ сдѣла-
 „дается орломъ изъ орловъ! и враги па-
 „душъ подъ ногами его!“ Старець умолкъ
 на нѣсколько минушь и, казалось, что
 быль олушевлень духомъ пророчества;
 ужасная пишина царствовала въ залѣ.
 Послѣ долгаго молчанія онъ сказалъ еще:
 „Послушайте! послушайте! гласы удо-
 „вольствія еще раздаются въ залахъ
 „Моншея; музыканты поютъ при зву-
 „кахъ арфъ и флейшъ; вдовы плачутъ
 „отъ радости и сироты испускаютъ
 „крики веселости: орель снова расиро-
 „спираетъ крылья свои надъ угнѣвен-
 „ными; миръ царствуетъ и враги и
 друзья вкушаютъ вмѣстѣ изъ сосуда
 дружбы!“ Старый Андрейсь умолкъ сно-
 ва; понемногу черпы его стали прини-
 мать прежній видъ; но подобно про-
 буджающемуся человѣку онъ смотрѣлъ
 вокругъ себя съ смущеніемъ, и какъ буд-
 то спараясь собратъ свои мысли; его
 отнесли шихо на креслахъ и положили въ
 постель.

„Вѣсть, друзья мои, что я слышала, и не знаю теперь, что думать о старомъ Андреевѣ. Истинно ли онъ вдохновенъ былъ Небомъ и узнавалъ прошедшее и будущее передъ смертію, или не оставляя никогда фамиліи Монтея, онъ узналъ происшедшее въ ней и изъяснилъ это своимъ шпилемъ и съ обыкновеннымъ энтузіазмомъ. Увы! слушая его, я опдаленъ былъ опъ мысли, что я былъ орленокъ, выпадшій изъ гнѣзда и отвергнутой матерью, и я вѣрю, что старой пророкъ также мало зналъ о томъ, какъ и я. Я служивалъ ему до его смерти, и никогда не сказалъ онъ мнѣ ни слова, ко мнѣ относящагося; онъ приказывалъ мнѣ только вѣрно служить его любезному Господину. Первая часть пророчества безъ сомнѣнія ко мнѣ относилась; попомъ другая къ дѣтямъ моимъ, и залы Замка моихъ предковъ опзовупся криками мира и радости. Нѣсколько минутъ послѣ вынесенія Андреева и по вы-

ходъ людей всѣ хранили молчаніе ; Генераль приказалъ мнѣ оспашься.

„Братецъ , сказалъ онъ , обращаясь къ Графу , что думаете вы о шаромъ Андревсѣ ? обманъ ли это ? Но онъ слишкомъ сходенъ съ напурою , и причинилъ мнѣ ужасное замѣшательство , которое ни враги отечества , ни свяшаго креста , никогда мнѣ не причиняли ; я еще прещу и лице мое покрыто потомъ . Графъ Роскелинъ ничего не отвѣчалъ , но казался углубленнымъ въ своихъ размышленіяхъ . Графиня сказала съ презрѣніемъ : думайте , что угодно ; но я думаю , что онъ обманщикъ .

„Этого не можешь бышь ; я не могу понять , какая была его цѣль ?

„Прослышь между вашими людьми и во всемъ Графствѣ за свяшаго и за вдохновеннаго пророка ; его загадочныя рѣчи показываютъ , что это его самолюбіе . Вы увидите , что послѣ смерти кости его будущъ шворить чудеса .

„Я не вѣрю , чшобъ въ споль дря-
хлыхъ лѣпахъ можно было выдумать
такія конвульсіи , какихъ мы были сви-
дѣтелями , и еще болѣе когда жопяшь об-
мануть . Нѣшь , Маріанна , вѣрный слу-
жипель швоего ошца , кошорой съ самой
молодоспи до дряхлыхъ лѣпъ ничего
не сдѣлалъ , въ чемъ бы его можно было
упрекать , посвятившій продолжипель-
ную свою жизнь для службы Господамъ
своимъ съ честію и вѣрноспію , не мо-
жешъ бышь ни обманщикомъ , ни гну-
снымъ насмѣшникомъ ; я не знаю , какъ
изьяснпшь слова его и не могу поняшь
ихъ . Можешъ бышь это нѣкоторый родъ
помѣшательства , послѣдствія дряхлыхъ
лѣпъ и слабоспи его ; но перестанемъ о
шемъ думать , это для насъ не важно ; чего
вамъ бояться , мы никому не сдѣлали зла .
Что привело тебя въ гнѣвъ , сесприца ?
То ли , что онъ сказалъ худо о женщи-
нахъ . Но швое цѣломудріе дѣлаешъ ше-
бя примѣромъ добродѣтели вашего пола ,
вѣрнѣшею изъ супруговъ и нѣжнѣшею изъ

матерей; что же касается до сына иво его Жона, онъ не можетъ быть пшечомъ, опринутымъ матерью; онъ на мѣсто того долженъ бояться излишня снисхожденія.

„Лади Роскелли не въ состояніи была отвѣчать. Я не терялъ ее изъ виду; она ежеминутно перемѣнялась въ лицѣ: то блѣднѣла, какъ смерть, то минуто спуская краснѣла, какъ кровь; губы ея дрожали, она не знала куда устремить взоры, и всякой безприспальной зритель почелъ бы ее виновною въ какомъ-нибудь преступленіи, которое изрѣченіемъ старика приведено ей на память. Наконецъ Генераль, окончивъ свое рѣчь, примѣшилъ ея замѣшательство. Въ самомъ дѣлѣ, сестрица, сказалъ онъ, эшошь человекъ сдѣлалъ надъ побою вижу я, шакое же впечатлѣніе; эшо знакъ, доказывающій, что ты не считаешь его за обманщика; однакожь мени ушѣшаетъ то, что хотя онъ и предсказалъ несчастіе моей фамилии, но всѣ

окончится по крайней мѣрѣ самымъ веселымъ образомъ. При звукѣ всѣхъ инструментовъ твоихъ дѣти, Маріанна, заспаваютъ раздаваться крики радости въ сей залѣ; я очень спарь, чѣобы женишься, и всѣ богатства моей фамиліи будутъ принадлежать твоимъ потомкамъ. Если нѣкоторые будутъ худы, то оставимъ ихъ наказанію небесному. Любезный братецъ! сказала Графиня, успокоенная симъ обѣщаніемъ: можетъ быть я судила слишкомъ строга объ Андреевѣ; но во всю жизнь я не видала и не слыхала ничего подобнаго; припишите мое замѣшательство удивленію. — Генераль, удовольствованный симъ отвѣтомъ, перемѣнилъ разговоръ, и прежде вечера тишина и веселіе были возобновлены. Генераль хотѣлъ, чѣобы я пошелъ посмотрѣть Андрея. Дитя мое! сказалъ онъ мнѣ: ты шакъ хорошо мнѣ служивалъ; служивай шакже моему спарому служилелю; и хотя я не могу надѣяться, чѣобы ты успѣлъ столько же, сколько во время мо

ей болѣзни, но дѣлай, что можешь; ты обрѣтешь благодарность въ своемъ сердцѣ. Моя собственная склонность увеличивала просьбу Генерала; я поспѣшилъ идти въ комнату спарика, коего нашелъ погруженнымъ въ сладкомъ снѣ и охраняемъ двумя слугами.“

Г Л А В А III.

„Въ слѣдующее утро Генераль поспѣшилъ Андревса въ его комнату; онъ всталъ и, казалось, не помнилъ о происшедшемъ; голова его была очень слаба. Всегда признапелый къ милосшямъ своего Господина, онъ поднесъ почпипельно руку Генерала къ губамъ своимъ. Въ продолженіи двухъ дней онъ ослабѣвалъ воспепенно, на шрепій очевидно приближался къ концу; не чувствоваль ни малѣйшей боли, но послѣдспія конвульсій довершили испощеніе силъ его. Чувствуя приближеніе смерти и смѣшивая въ молитвахъ, обращааемыхъ къ небесамъ о се-

бѣ самомъ, желанія и благословенія своему Господину и благосостоянію дома Моншеева, онъ испустилъ духъ на четвертый день, но ни однажды не произнесъ онъ имени Графини.

„Пошеря сего почтеннаго служителя живо была чувствуема Генераломъ; онъ приказалъ погребсти его въ капеллѣ въ ногахъ опца своего.

„Я былъ спарѣе Лорда Жона двумя годами; натурально, мы сдѣлались шоварищами, какъ бываетъ въ наши лѣта; природа и воспитаніе образовали насъ совершенно различными одного опъ другого: онъ былъ бѣлорукъ, а я темно-русь; онъ былъ нѣженъ, а я крѣпокъ и силенъ; онъ былъ избалованъ излишнимъ урожденіемъ съ самаго рожденія; при малѣйшемъ случаѣ, надъ коимъ я шолько бы смѣялся, онъ испускалъ громкіе крики; онъ боялся холоду, жару, дождя; я же не спрашился ни одной спихи и оспавался бы цѣлый день на дождѣ, на снѣгу, на величайшемъ еолнечномъ зноѣ, не

жалуясь и не сдѣлавшись болѣе. Наши
характеры еще менѣе были сходны: онъ
привыкъ считать своихъ крестьянъ и
слугъ за рабовъ, кои должны были по-
слушны всѣмъ его капризамъ, и это рас-
положеніе, усиливаясь съ лѣтами, сдѣла-
ло его злымъ, мстительнымъ и пиромъ.
Чтожь до меня касается, то привыкши
къ дурному нраву моей матери и грубо-
сти отца, не ожидая ничего отъ другихъ,
но только отъ себя самого, я гошовъ
былъ оказывать услуги всякому. Если
былъ не много жепокъ иногда съ пова-
рищами, то оставался увѣреннымъ, что
они заплашуть мнѣ шѣмъ же немедленно.
И такъ вообще я былъ крошче, добрѣе,
нежели молодой Лордъ, кошорому ни въ
чемъ не могли прошиворѣчить, и кошорой
былъ людей своихъ, между шѣмъ какъ
они не смѣли сказать ни слова; впро-
чемъ хотя я имѣлъ большую нужду ни-
кого не огорчить, однакожь отъ приро-
ды былъ вспыльчивъ и мстительнъ; и
когда былъ поджигаемъ, то доходилъ до

бывшества. Въ Левсѣ мало дѣшею моихъ
лѣшь осмѣливалось нападать на меня и
со мной равняться; но я шѣмъ болѣе
вносилъ опѣ гордости Лорда Жюна, чѣмъ
менѣе былъ къ тому способенъ. Впрочемъ
эпо было не изъ уваженія къ его значно-
му имени, или изъ низкой лести; но по-
тому, что онъ былъ племянникъ моего
любезнаго покровителя. Онъ былъ мо-
ложе и слабѣе меня, и не знаю, почему
я чувствовалъ къ нему привязанность, и
любилъ бы его искренно, если бы онъ
былъ любезнѣйшаго характера. Я долго
останавливаюсь на семъ предметѣ, по-
тому что одна бездѣлка, дѣтская ша-
лость, случившаяся между нами, послужи-
ла къ открытію, которое бы безъ сего
могешь быть никогда не было сдѣлано.
Мы играли однажды послѣ обѣда въ залѣ;
между проимъ препровожденіемъ време-
ни Лордъ Жонъ просилъ меня, чтобы я
дозволилъ ему поѣздить на мнѣ верхомъ,
какъ на лошади; я согласился, и нагнув-
шись дозволилъ ему взлестъ ко мнѣ на

спину; хотя онъ былъ довольно тяжель, я носилъ его по залѣ. Мы забавлялись такимъ образомъ нѣсколько времени, какъ вдругъ я почувствовалъ жестокую боль въ ногѣ, оборотилъ голову, приложилъ къ ней руки; вижу, что мой злой маленькой всадникъ, прикрѣпивъ къ каблуку длинную и крѣпкую спицу вмѣсто шнорь, и далъ мнѣ ею такой ударъ, что она оспалась воткнутою до кости у меня въ ногѣ. Такъ какъ я говорилъ уже вамъ, что я отъ природы былъ вспыльчивъ, то не давъ времени себѣ размыслишь, и хотя бы Лордъ Жонъ былъ наслѣдникомъ Шотландской короны, я увѣренъ, что едѣлалъ бы то же; я сказалъ ему: вы едѣдали со мною какъ съ лошадью сердитою и бѣшеною, которой дають шпоры; хорошо же, она поступила съ вами какъ умная лошадь съ злымъ всадникомъ, которой худо съ нею поступаетъ. Сказавши это, я вскочилъ съ бѣшенствомъ и со всего розмаху распротеръ его на мраморѣ. Я совсѣмъ не подумалъ

о слѣдствіяхъ; но при первомъ крикѣ его мой гнѣвъ исчезъ, и я побѣжалъ къ нему, чпобъ его поднять; лице его было покрыто кровію и его вопли были споль сильны, что привлекли къ намъ всѣхъ домашнихъ и Лади Роскелинъ. Со всѣми прибавленіями, копорья шолько можешъ вымыслишь злой мальчикъ, онъ разсказалъ происшедшее, а я между шѣмъ оставался въ молчаніи, слушая не шолько его лживое повѣспованіе, но шакже и ругательства его машери, копорая меня не пощадила. Подлый нищій мальчишка! сказала она мнѣ: какъ ты осмѣлился бить моего сына, бросаешь его на землю? Я хочу, чпобы наказали тебя соразмѣрно швоей винѣ, жопя бы ты околѣлъ подъ розгами.

,,Я не билъ вашего сына, опвѣчалъ я смѣло: мнѣ было бы спыдно бить дитя, копорое едва въ половину меня сильнѣе; это было бы все равно, какъ бы собака захошѣла бить бабочку; но когда я охотно согласился служить ему ле-

мудью, онъ не долженъ былъ поспунашь со мною, какъ съ упрямымъ осломъ.

„Онъ тебѣ дѣлалъ много чести, играя съ тобою. Какъ бы то ни было, братъ мой узнаешь свою глупость, принявши къ себѣ лукаваго негоднаго мальчишку, кошорой будешь всегда жалкимъ доказательствомъ его слабости.

„Я былъ внѣ себя, и въ семь бѣшенномъ сосояніи, кошорое происходило съиъ ругательства, чѣмъ болѣе бранила меня эта женщина, тѣмъ болѣе чувствовалъ я непреодолимое желаніе бранить и ее въ мою очередь: язвительныя имена, коими она меня осыпала, привели меня въ такое негодование, что я не замедлилъ отвѣчать ей, покраснѣвъ отъ гнѣва, что онѣ гораздо приспойнѣе были такому злему дѣянію, какъ Жонъ Роскеллинь, нежели тому, кошорого можно было упрекать только въ такомъ низкомъ происхожденіи, каково Мак - Крея.

„Въ такомъ, какъ? . . . спросила она съ примѣщнымъ смущеніемъ.

„Въ такомъ , какъ Сент-Клера Мак-Крея , повторилъ я , оспановившись на семь словъ; я не спыжусь ни имени своего , ни поспупковъ. Хопя вы и Лади, но какъ мы не имѣемъ ихъ на островѣ Левсѣ , то я и не научился ихъ бояться. Сент - Клеръ Мак - Крей ничего не спрашился , слышеше ли вы ?

„Вы подумаете, можетъ быть, что моя дерзость умножила ея бѣшенство; нѣтъ! она имѣла прошивное дѣйствіе: краска гнѣва перемѣнилась въ смертную блѣдность; естли бы она не сѣла пошчасъ , то упала бы на мраморъ; она размашривала меня съ боязливимъ любопытствомъ: тубы ея пряслись, она не произносила ни слова, но имѣла видъ споль прогашельный, споль нещасный, что въ минупу она получила опъ меня то, чего принужденно я не сдѣлалъ бы никогда. Единный взглядъ ея привель меня въ шакое замѣшательство, что я пошунилъ гла-

за и разкаявался въ своей дерзости предъ нею. Милади, сказалъ я, подошедши къ ней и сложивъ руки: я очень сожалею, что огорчилъ васъ. При моемъ приближеніи ужасный шрепешъ объялъ ее; казалось она хотѣла испустить духъ. Опдалише его! опдалише ошь меня! кричала она испуганнымъ голосомъ: я не могу перенести его виду! Принесите мнѣ стаканъ воды; видъ крови, эта ужасная сцена причинила мнѣ смертельную болѣзнь! Я почувствовалъ возвращеніе моего гнѣва, и поспѣшилъ выдти изъ залы, прежде нежели меня къ тому принудятъ. — Генераль и Лордъ Роскелинъ не были въ Замкъ во время этого замѣшательства; но при возвращеніи ихъ имъ сказали все то, что злость Лорда Жюна и гнѣвъ его мащери могли выдумать прошивъ меня; мой благодѣтель слушалъ ихъ съ удивленіемъ. Такой поступокъ, сказалъ онъ, столько отличенъ ошь его характера, что я едва могъ бы сему вѣришь, естли бы сказалъ другой кто нибудь, а не се-

стра. Онъ приказаль меня привесити къ себѣ; это разсердило Лади Роскелинъ; но она не могла тому воспрепятствовать. Когда я вошелъ въ залу, то всѣхъ нашель гоповыми осудить меня. — Сенп - Клеръ! сказалъ мнѣ Генераль съ несбыкновенною суровостию: твои поступки огорчили меня; ты до того забылся, что осмѣлился бытъ моего племянника, не различая ни лѣтъ, ни силъ его, кой гораздо менѣ твоихъ, и присовокудиль къ сему поступку, конкорей и безъ того важень, еще важнѣе совсѣмъ опличный ошь дѣтскаго, былъ дерзкимъ съ моею сестрою, Графинею Роскелинъ и матерію бѣднаго дитяти, коего ты ушибъ. Я такъ огорченъ, что обманушь ябою. Жизнію бы опвѣчалъ я за швое мужество и человеклюбіе; но етъ мои лѣта не любятъ бытъ обманутыми мальчикомъ. Онъ остановился шущъ, какъ бы желая слышать мой опвѣлъ; но я не сдѣлалъ никакого, и ошь продолжалъ: ты долженъ притомовишься

къ возвращенію въ Форай; двое изъ слугъ моихъ будутъ шебѣ соупствовать и доставятъ тебя къ отцу. Я не хочу увѣдомлять его о твоихъ шалостяхъ; онъ честный человекъ и огорчится шѣмъ. Но, Сенш - Клеръ, прошу тебя вспомнить, что достоинство помрачается дурными поступками, безчеловѣчїемъ и злостію. Прощай! я не забылъ услугъ, кои оказалъ ты мнѣ въ болѣзни моей, и покажу шебѣ, что я не могу быть неблагодарнымъ. Генераль замолчалъ. Сердце мое перзалось; но будучи слишкомъ гордъ, чтобы позволить себѣ заплакать, я съ усиленїемъ удерживался; наконецъ съ нѣкопорымъ затрудненїемъ я отвѣчалъ: почтенный и любезный покровитель мой! я гошовъ ѣхашъ, когда вы приказываеше, и ни въ комъ не имѣю нужды для провожанїя меня; но прежде, нежели оставлю васъ, объявлю вамъ, что я ни жестоко, ни золь, ни бѣшенъ, наиболѣе въ неравныхъ силахъ; но естли вы признаеше меня виновнымъ, то этого довольно; я

подвергаюсь вашему опредѣленію, и какъ оно мнѣ прошивно, то я очень радъ удалиться. Я совсѣмъ не хочу награды; мое сердце управляло поступками, и когда я увидѣлъ васъ выздоровѣвшими, то былъ довольно вознагражденъ. Генераль оборотился на сторону, бывъ совершенно пронупъ, и сказалъ въ полголоса: странный ребенокъ! Я снялъ шляпу, и поклонясь одному ему, сдѣлалъ уже нѣсколько шаговъ, чтобъ выдти, какъ онъ позвалъ меня. Возвратись, Сент-Клеръ! сказалъ онъ мнѣ: ты долженъ разсказать о твоихъ поступкахъ; говори, какъ это случилось. Вы бы должны были у меня спросить о томъ прежде осужденія, сказалъ я ему съ гордосцію: Лордъ Жонъ можетъ вамъ разсказать объ этомъ. Любезный братецъ! сказала Лади Роскелинъ, которая еще не говорила и которая казалась, очень мучилась: прошу васъ, прикажиго ему выдти; его присутствіе мнѣ очень легко; онъ хочетъ воспользо-

вашься своимъ надъ вами вліяніемъ, и
опянь его приобрьснь.

„Побуждаемый упрямствомъ моего
характера, хотья я и рѣшилъ выдти
изъ залы, но слова ея меня ошановили,
и я спунилъ одинъ шагъ впередъ. Нѣшь,
сесприца! ошвѣчалъ Генераль: я хочу по-
спунишь въ семь дѣлъ какъ должно;
упрекъ Сент-Клера справедливъ; я не
должень былъ осуждашь его не выслу-
шавъ. Тогда оборонясь ко мнѣ, онъ при-
бавиль: я шребую, чшобъ шы сдѣлалъ
мнѣ объясненіе, коего у шебя спрашивалъ.
Но скажи мнѣ сначала, ошь чего шы хро-
маешь и ошь чего чулки швой окровав-
лены? Я примѣшилъ эшо шолько ше-
неръ.

„Спросите у вашего племянника,
ошвѣчалъ я съ шѣмъ же упорствомъ и
емѣлосшю. Генераль оборонилея къ Лор-
ду Жону, а его машь просила опянь бра-
на своего позволишь мнѣ выдти. Мон-
шей нѣчего не ошвѣчалъ; но всшавши

се стула и подошедши ко мнѣ, крѣпко схватилъ за руку. Упрямый молодой человекъ! сказалъ мнѣ онъ: приказываю тебѣ отвѣчать мнѣ смѣло, чья это кровь, твоя или Жюна. Подобно оленю въ когтяхъ льва, я почувствовалъ, что мое сопротивление было бесполезно; онъ самъ развязалъ подвязку, спустилъ чулокъ и открылъ по верхъ колѣна большую рану, чрезвычайно воспаленную. Что это? сказалъ онъ съ гнѣвомъ: отвѣчай Жюнь, кто ранилъ этого мальчика столь ужаснымъ образомъ, не ты ли?

„Въ самомъ дѣлѣ дядюшка, сказалъ Лордъ Жюнь, я далъ ему только легкій ударъ шпорами маленькой спичкой, кшорая не можетъ сдѣлать такой раны. — Наконецъ, сказалъ Генераль, истина оказывается во всемъ своемъ блескѣ; я уже въ состояніи теперь узнать ее. Онъ приказалъ слугѣ позвать своего Лѣкаря; онъ пришелъ, и Генераль самъ, посадивъ меня на стулъ, приказалъ ему посмотри-

рѣшь мою ногу. Лѣкаръ при первомъ взглядѣ объявилъ, что она была опасно воспалена, и по наружности раны онъ судилъ, что она заключала постороннѣе шло, которое необходимо нужно вынуть, и что я много долженъ вытерпеть отъ сей операціи. Физиономія Генерала совсѣмъ перемѣнилась отъ гнѣва. Лордъ Роскелинъ погрозилъ своему сыну, который началъ плакать. Графиня, не могшая, какъ она говорила, сносить виду крови, и которая предвидѣла, что операція не обратится въ пользу ея любимому дитяти, взяла его за руку и вывела; Графъ скоро за ней послѣдовалъ.

„Я затрепеталъ при видѣ инструмента, которымъ Лѣкаръ держалъ въ рукѣ и оподернулъ ногу. Генералъ шеномъ дружескаго упрека сказалъ мнѣ: возможно ли, Сенип - Клеръ, чтобы ты, перенося эту рану цѣлый день, спросилъ при видѣ ланцета! Я не ожидалъ этого отъ себя, отъ такого смѣлаго мальчика.

„Насмѣшка Генерала имѣла дѣйствіе, коего онъ ожидалъ; я протянулъ ногу и безъ малѣйшей жалобы вышерпѣлъ, какъ Лѣкаръ разширилъ рану и вышпацилъ опшуда съ шрудомъ спицу по крайней мѣрѣ въ палець длины, копорая очень крѣпко вонзилась въ мясо опъ усилій, кои дѣлалъ я ходя цѣлый день.

„Операція кончилась. Генераль поцѣловаль меня въ первой разъ. Сенип-Клеръ! сказалъ онъ мнѣ: ты въ самомъ дѣлѣ добрый мальчикъ, но нѣсколько упрямъ. Съ эшой минушы я не хочу болѣе судить по поверхности, но въ эшомъ случаѣ мое сужденіе, а не сердце было несправедливо.

„Одобреніе эшого великодушнаго и знаменитаго Господина, копорый поступаль со мною такъ дружелюбно, превозмогло всю мою швердоспшь; я залился слезами и кинулся бы на колѣна, еспшли бы рана то позволила; но я осмѣлился скашь его въ своихъ обьяшіяхъ, и ска-

заль ему : я виноватъ , очень виноватъ — чувешаую это; я поступилъ съ Лордомъ Жономъ очень грубо, былъ дерзокъ съ его маперію ; я въ томъ искренно раскаиваюсь ; можете ли вы просинить меня ?

„Онъ еще поцѣловаль меня. Это будетъ , я думаю , урокомъ для обоихъ васъ. Жонъ имѣеть въ немъ нужду, мать поршилъ его своею излишнею вѣжностію. Лордъ Роскелинъ разсудительнѣе, но онъ слабъ и не умѣеть сопротивляясь женѣ своей. Оди, другъ мой, подопришь моею прошнію , сказалъ онъ мнѣ , подавая ее : поди опдохнуишь въ твоей комнашѣ ; положи ногу на табу-решъ и оспавайся тамъ , сколько будетъ нужно ; я скоро навѣщу шебя.

„Я никогда не зналъ , что произошло между Генераломъ и его фамилією ; знаю только , что онъ сильно защищаль мою сторону и что послѣ жаркаго между ими спору Лордъ и Лади Роскелинъ уѣхали на другой день изъ Замка съ своимъ сыномъ.

„Мало времени по потребно было, чтобы вылѣчить мою ногу и возвратить мнѣ прежнее проворство; я опять началъ служить Генералу, коему ежедневно становился драгоценнѣе; онъ даже взялъ меня подъ свое покровительство и сдѣлался моимъ наставникомъ; имѣлъ снисхожденіе научить меня сражаться, управлять дрошникомъ и мечемъ. Шестъ часовъ дня посвящены были урокамъ изъ липперашуры, въ которой я совершенно былъ незнающъ, и для сего предмеша онъ повѣрилъ меня попеченіямъ монаха сосѣдняго монастыря.

„Поощряемый одобреніемъ, которое мой благодѣтель дѣлалъ моему прилѣжанію и еще болѣе желаніемъ ему нравиться, я чрезвычайно старался заслужить его похвалу и дѣлалъ быстрые успѣхи. Такимъ образомъ прошли два мѣсяца.

„Однажды, какъ Генераль давалъ мнѣ уроки фехтованья въ большой залѣ, объявили о приходѣ отца моего Мак-Брея; Моншей приказалъ его тотчасъ ввести. —

Хотя я очень радъ былъ его увидѣть, но мое удовольствіе было смѣшано съ боязнію, что не пріѣхаль ли онъ увезти меня въ Форай, и я не могъ снести мысли оставишь моего благодѣтеля.

„Генераль принялъ его болѣе съ дружесвомъ, нежели съ важностію своего достоинства; онъ приказалъ подать закуску, пожалъ у него руку въ знакъ дружбы и удовольствія, говоря ему: ты хорошо сдѣлалъ, Мак-Крей, что пріѣхалъ напомнить намъ нашу должность; я совсѣмъ почти забылъ, что ты на свѣтѣ и что Сенп - Клеръ твой сынъ; да и онъ съ своей стороны почтивалъ меня также за отца.

„Мак-Крей казался смущеннымъ милостію Генерала и его со мною дружескимъ обхожденіемъ; онъ смѣшался въ своемъ отвѣтѣ и казался угнѣждаемымъ пятосными воспоминаніями, о которыхъ не смѣлъ говорить, и которыя примѣрно его безмолвили. Наконецъ послѣ длин-

наго предисловія и множества затина-
шельствъ онъ приступилъ къ своей рѣчи.
Милоспивѣйшій Государь! сказалъ онъ :
мой сынъ очень долго пользовался ваши-
ми милостіями; мать желаетъ его непер-
пѣливо видѣть.

„Мать моя желаетъ видѣть меня!
повторилъ я съ обыкновенною своею го-
рячностію : она мнѣ говорила всегда,
что домъ ея становился раемъ, когда я
въ немъ не былъ. Генераль улыбнулся, и
самъ Мак-Крей не могъ удержаться отъ
смѣху. Ты былъ тогда великій шалунъ,
сказалъ онъ, который каждый день воро-
чалъ все въ домѣ вверхъ дномъ, а жен-
щины не любящъ безпорядка.

„Я боюсь, отвѣчалъ я, что совѣтъ
не исправился и что еще хуже будетъ,
еслии возвращусь.

„Выдь, Сенш-Клеръ, сказалъ мнѣ Ге-
нераль : надобно поговорить объ одномъ
дѣлѣ съ офицеромъ своимъ.

„Я повиновался и вышелъ ; но Гене-
раль разсказалъ мнѣ послѣ весь свой раз-

говорь съ Мак-Креемъ. Я люблю швоего сына, сказалъ онъ ему: намѣрень дашь въ немъ храбраго защитника опечесшву, и для того желаю еще его у себя оспавишь. Изъ любви къ нему я постпараюсь и о шебѣ; швое судно очень мало, продай его, а я куплю шебѣ другое побольше; шы увеличишь чрезъ шо свою торговлю. Я замѣнилъ шакже въ ораѣ землю возлѣ швоего дому; я даю шебѣ двадцать десятишь нахашной земли, и послѣ моей смерти она собспвенно шебѣ будешъ принадлежашъ.

„Удивленіе Мак-Крея воспреняшшшвовадо ему говоришь; онъ смопрѣлъ на Генерала, какъ будшо сомнѣваясь въ шомъ, что слышалъ.

„Что это значишь? сказалъ Моншей: кажешся, шы не вѣришь словамъ мсимъ.

„Проспите, милоспивый Государь! сказалъ наконецъ Мак-Крей: ваши милоспи споль велики, что опнимають у меня спозобноспъ выразишь вамъ благо-

дарюсъ. Мой Сени - Клеръ хорошій мальчикъ, я согласенъ, и часно говорилъ женѣ своей, что онъ сдѣлалъ бы честь челоѣку, знавшійшему меня; но она кропивнаго мнѣнія. — Знашность пере-мѣняетъ нравы, говоритъ пословица, и не обманываетъ. Каши - Лори была молодая и просная дѣвушка по моему сердцу, когда она уѣхала изъ Кешнеса, гдѣ мы тогда жили, чтобы служишь знашней Дамѣ въ полуденной Шопландіи. Она имѣла только семнадцать лѣтъ; простой корсетъ и корошенькая юбка придавали ей видъ лани! О, какъ она тогда была мила! и еще болѣе крошка какъ овечка. — Вы видите, какъ я грубъ теперь; однакожь плакалъ, какъ дитя, при ея отъѣздѣ; послѣ этого она писала ко мнѣ, чтобы я пріѣхалъ на ней женишься; сердце мое сдѣлало ошъ сего легкимъ какъ перо, и я не заснавилъ себя дожидаться долго. Не думайте, Сударь, чтобы это было для денегъ, о коихъ писала, что будило бы получила; для нихъ я не

такъ бы скоро къ ней прѣхалъ. Хотя она уѣхала изъ Кешнеса уже пять лѣтъ, но я любилъ ее какъ въ день отъѣзда, и всегда она была предъ моими глазами. Но сказать правду, я съ трудомъ могъ узнать ее, когда увидѣлъ шакъ хорошо наряженную по Французски, какъ знаменную Даму; никакъ не лзя было повѣришь, чтобъ это была Катти-Лори маленькая Монпаньярка Кешнеса.

„Генералъ не имѣлъ любопытства знать исторію любви Катти-Лори и Мак-Брея; но онъ не хотѣлъ прервать его. Наконецъ, воспользовавшись минутою молчанія, онъ сказалъ ему благосклонно: когда соединеніе сердець совершенно, никакое различіе въ обращеніи и платьѣ не можетъ прервать его; но что касается до Сент-Клера, то жена моя, я не сомнѣваюсь, почтетъ себя щасливой, видя сына своего пославленнымъ гораздо выгоднѣе въ свѣтъ, нежели какъ ограниченныя ея способности позволяли ей надѣяться, потому что я сдержу свое обѣщаніе. Сент-Клеръ

будешь воспитанъ во все продолженіе моей жизни, какъ бы родной мой сынъ, и я не оставлю его умирая.

„Мак-Крей еще сопротивлялся. — Богъ знаетъ, говорилъ онъ, приложивъ руку къ сердцу, какъ я люблю этого мальчика, и радовался бы его щастію; но Каши. . . .

„Она также будетъ пому радоваться, сказалъ Генераль: будь въ томъ увѣренъ; матери очень рѣдко не любящъ своихъ сыновей.

„Проклятіе шѣмъ, которые въ томъ виновны! сказалъ Мак-Крей съ жаромъ.

„Такъ чтожь? возразилъ Генераль съ веселостію: дѣло и кончено; Сенш-Клеръ будетъ посѣщать васъ ежегодно, хотя я хочу бытъ ему вмѣсто отца, но не должно, чтобъ онъ забывалъ, что природа дала ему родителей. Поди выбери хорошее и крѣпкое судно; ты не будешь имѣть недоспашка въ деньгахъ, и когда швоя Каши такъ желаешь видѣшь своего

сына, что мы будемъ первыя, коихъ ты
опшвезешь въ Левсъ.

„Сердце Мак - Крея, ошь природы че-
ешное, было пронупо великодушіемъ Ге-
нерала и его милоспіями. — Пусть я не
буду благополучнымъ на землѣ и не по-
лучу спасенія на небѣ, еспли солгу предъ
вами, сказалъ онъ, приложивъ руку къ
сердцу: есплибъ я былъ власнень, по
съ удовольствіемъ опдалъ бы вамъ эшого
мальчика; но я связанъ кляпвою никогда
съ нимъ не расшавашься.

„Связанъ кляпвою! возразилъ Мон-
шей съ величайшимъ удивленіемъ: кѣмъ?
не женою ли своей? — Но я согласенъ на
все; ибо знаю, что любовь къ сыну обя-
зываетъ васъ принять мои предложенія.
Однакожь я не люблю обманывашь; пов-
шоряю шебѣ, купи большое судно и прими
двадцать десятинь земли, кои я шебѣ
подарилъ, но съ условіемъ, чшобъ ты
унопробиль съ нихъ доходы для швоего
сына Сенш - Клера.

„Мак - Крей кинулся къ ногамъ Генерала и поцѣловаль полу его плашья, не ногши говорить. Въ эту минушу одинъ изъ монаховъ, по имени Томась, который даваль мнѣ уроки, вошелъ въ залу; это былъ рѣдкой человекъ; онъ соединяль съ присущимъ ему духомъ образованный умъ, пронцапельность, быстрое и вѣрное сужденіе и великое познаніе человеческого сердца, которыми онъ умѣль пользоваться по своей волѣ. Видя положеніе Генерала и Мак - Крея, онъ остановился, боясь имъ помѣшати, и хотѣль выдти; но Моншей удержаль его и разсказаль все происшедшее. — Окончивши, онъ прибавиль: мнѣ очень хотѣлось, отецъ Томась, оспознать у себя сына этого честнаго человека, которого я люблю, какъ своего собственнаго, и которой много общаетъ; но Мак - Крей отказываетъ мнѣ въ томъ, ссылаясь на кляпву. Вы очень кспати пришили, чтобъ быль между нами судьей.

„Отець Томась слухавъ это повѣ-
 стивованіе съ величайшимъ вниманіемъ ;
 когда Генераль окончилъ , онъ сказалъ :
 ясно вижу , Генераль , что щастіе и
 благополучіе эшого мальчика естъ ваша
 единственная цѣль , и я не могу понять ,
 какая можешъ бытъ споль важная при-
 чина , чпобъ пренебрегать предложенія
 споль выгодныя для него ; но вы сказа-
 ли , что клятва его связывала ; въ та-
 комъ случаѣ я поздравляю его съ шѣмъ
 мужесвомъ , съ коимъ можешъ онъ со-
 пропивляшся свѣтскимъ прелестямъ для
 небесныхъ сокровищъ ; но меня дѣйствител-
 ьно удивляешъ то , что здѣсь нѣкто
 думаетъ имѣть право налагать клятву
 опцу и обязывать его , оставилъ сына
 своего въ низшемъ сослоянїи , когда ща-
 стіе и благодѣянїя соединяюшся , чпобъ его
 возвыситъ ; однакожъ клятва всегда свя-
 щенна . Естли она не вымучена съ ху-
 дымъ намѣреніемъ , то должна бытъ хра-
 нима даже въ опасности жизни : ибо кля-
 тва , дѣбровольно произнесенная , въ шу

же минушу записываешся на небесахъ и святыя ей свидѣтели.

„Моя записана въ адѣ, вскричалъ Мак-Крей, а свидѣтели ей дьяволы; подобная Еввѣ Капи привела меня къ бѣдствію. Теперь же, чшобы умножишь мѣру моего беззаконія, я долженъ быть неблагодарнымъ къ моему благодѣтелю.

„Естьли ты худо сдѣлалъ, сказалъ ему монахъ, по раскаяніе въ швоей власти: испытай швое сердце и прости въ совѣсти. Естьли швоя клятва произнесена съ добрымъ намѣреніемъ, я повелѣваю тебѣ именемъ Божиимъ, Кого имѣю честь быть служилемъ, не позволяшь себѣ прельститься убѣжденіемъ, или выгодною, чшобъ прешупитъ ее; но когда эша клятва дерзкая и порочная, покайся въ ней по совѣсти, естьли не хочешь быть погруженнымъ въ вѣчную погибель.

„Мак - Крей поблѣднѣлъ; выраженіе ужаса распросперлось по его фізіономіи; сказали бы, чшо онъ видѣлъ уже сашану

овладѣвающимъ его душею ; онъ сложилъ свои руки и поспѣшилъ сказать : святой отецъ ! помолишесь за меня : я не отецъ мальчику.

„Какой гнусной вымыселъ ! сказалъ Генераль съ гнѣвомъ : я не хочу больше слушать ; прощаю тебѣ твой отказъ , но не ложь ; можно ли отказываться отъ такого сына , какъ Сенш-Клеръ ?

„Но чему знаете вы , что онъ лжетъ ? сказалъ отецъ Томасъ : сердце его открыто предъ Богомъ : одинъ Онъ можетъ судить его.

„Проспитте меня , отецъ мой , отвѣчалъ Монтей : я хочу выйти ; этого человѣкъ лжетъ , говорю я ; весь Форай знаетъ , что Сенш-Клеръ сынъ его . Говорите съ нимъ еще . Еслили хотите , то заставьте его признаться въ обманѣ . Прощай , Мак-Крей ! ты можешь увезти своего сына.

„Благородный господинъ ! умоляю васъ , останьтесь . Еслили я откажусь отъ моей клятвы , отецъ мой , еслили

опкрою истину, проспишься ли мнѣ грѣхъ мой ?

„Повшорятъ тебѣ, Мак-Крей, сказаль отецъ Томась: еспыли швоя кляшва праведна и дана съ чеспнымъ намѣреніемъ, по заклинаю тебѣ хранишь ее какъ священную; но еспыли она произнесена безчестно, или въ намѣреніи гнусномъ и порочномъ, изшоргни ее изъ швоего сердца; повергнись тогда въ объашія швоего Спасишеля и надѣйся на Его милосердіе. При подножіи свяшыхъ олшарей я и брашья мои будемъ молишься за тебѣ; наши молишвы и швое разкавіе возпарятъ вмѣстѣ къ небу и обрѣшутъ милость Божію.

„Ді ниспшлеть Онъ ее на меня, сказаль Мак-Крей: но, отецъ мой! я увѣренъ въ шомъ, чшо объявивши эпу шайну, буду почтень обманщикомъ; почпленный Генераль обвинишь меня во лжи еще болѣе, нежели шенерь, и можешь бышь накажешь меня, какъ клеветника; ибо я долженъ опшесни спыдъ моего по-

ступка на знаменитѣйшую кровь Шотландіи, и чтобы обрѣсти рай, долженъ провести жизнь мою въ темницѣ.

„Генераль посмотрѣль на него съ состраданіемъ, какъ смотрятъ обыкновенно на помѣщавшагося, и опять хлопѣль выдти; но Мак-Крей умоляль его остаться.

„Благородный Мошпей! или я худо знаю, сказалъ отецъ Томасъ: вашъ характеръ, который столь справедливъ, чтобы не осуждаль сего человѣка по поверхности; чтожь касается до стыда, о коемъ ты говоришь, сказалъ онъ, обращаясь къ Мак-Крею, оставь его пастъ на шѣхъ, кои того достойны: преступленія оскверняютъ также и знаменитѣйшія фамиліи, какъ самыя низкія; и естли даже несправедливая власть угрожаешь тебѣ, то гораздо лучше перенести послѣдствіе для спасенія души своей во глубинѣ самой темницы: духъ міра и утѣшенія изольется на тебя, естли ты будешь справедливъ.

„Тайный ужасъ , казалось, еще обладалъ умомъ Мак-Крея. Обѣщайте мнѣ ваше прощеніе, благородный Господинъ, оказалъ онъ Генералу, ибо я расскажу вамъ длинную повѣсть.

„Безполезно обѣщать прощеніе въ проступкѣ, до меня не касающемся; но еслили это принесешь тебѣ удовольствіе, то я его обѣщаю. Благодарю васъ, милостивый Государь! я напередъ знаю, что вы почтете меня обманщикомъ; но клянусь душою, что скажу вамъ совершенную истину.

„Моншей, кошорой по началу ожидалъ опъ него какой-нибудь прощонародной повѣсти о невѣрносняхъ Миссрисъ Мак-Крей, предполагаемыхъ или истинныхъ, не чувствившительно принялъ въ ней участіе, и приказалъ ему начать ее безъ боязни. Мак-Крей приготоовился повиновашься; но опецъ Томасъ его предупредилъ, и снявъ Распятіе съ груди своей, сказалъ ему: вошь священнй

символь нашей вѣчной надежды; онъ сдѣланъ изъ древа истиннаго креста, взятаго изъ святой гробницы въ Иерусалимѣ; поднеси его съ благоговѣнiемъ къ ушамъ своимъ и поклянись предъ нимъ ничего не говорить пропивнаго истинѣ. Мак Крей поцѣловаль крестъ и началъ повѣсть.

„Но уже поздно, сказала Сент-Клеръ; разстанемся на эшошь вечеръ; завтра я разскажу вамъ обѣщанную исторiю Мак-Крея.“ Всему обществу досадна была эша оспановка, особенно Рандольфу, коего душа была прикована къ словамъ отца его, и который желалъ бы все узнать въ эшошь же вечеръ. Всѣ раздѣляли его не шерпѣнiе, и всѣ знали эшу исторiю по частямъ; но никто не слышалъ ее со всѣми подробностями, споль занимательными для каждаго изъ шѣхъ, кои слушали Сент Клера.

ГЛАВА IV.

„Друзья мои! сказалъ Сент-Клеръ, когда они собрались: я оставлю на минуту мое повѣщиваніе, чтобы разсказать повѣсть Мак-Крея, если не совершенно въ тѣхъ самыхъ словахъ, которыми выражался онъ, то по крайней мѣрѣ въ томъ порядкѣ, въ какомъ разсказывалъ онъ Генералу и монаху, слушавшимъ его со вниманіемъ.

„Я родился, сказалъ онъ имъ, въ Графствѣ Кетнесъ; отецъ мой и отецъ Капи-Лори были друзья и сосѣди между собою. Я любилъ ее съ самаго дѣтства, и думалъ, что и она также любила меня; но чувства наши были совершенно различны. На шестнадцатомъ году ея возраспа я предложилъ ей свою руку и работу къ снисканію пропитанія, какъ то дѣлали родители наши для своихъ семействъ; но Капи не хотѣла о томъ и слышать; она требовала, чтобы мы

ожидали этого до сих поръ, пока оба приобрѣтемъ по нѣкоторой суммѣ денегъ для заведенія хозяйства; и какъ одна изъ сесшеръ ея пошла въ услуженіе къ одной Дамѣ въ Единбургъ, то ничто не могло воспрепятствовать Капи ей соупростоваться, чѣобы также найсти себѣ мѣсто. Мы поклялись въ вѣчной вѣрности, раздѣлили пополамъ свои деньги, перемѣнялись кольцами и распались. Послѣ отъѣзда Капи я также съ своей стороны хотѣлъ выработать что-нибудь, и купивъ маленькое рыбацье судно, скоро сдѣлался опытнымъ рыбакомъ, и такъ успѣлъ въ этомъ, что могъ уже оплосить въ сторону маленькую сумму денегъ для будущаго нашего обзаведенія, о чѣмъ я не замедлилъ уведомить мою любезную Капи, къ коей написалъ съ путешествуящимъ купцомъ. По возвращеніи своемъ онъ привезъ мнѣ оповѣсть; Капи поздравляла меня съ успѣхами и просила бытъ трудолюбивымъ и бережливымъ, естли хочу получить ея ру-

ку, и оканчивала увѣдомленіемъ, что она принята первою горничною дѣвушкою ко вдовѣ Генерала Моншея, которая послѣ его смерти жила въ Эдинбургѣ съ своею дочерью.

„Эпо безъ сомнѣнія о моей мачихѣ и сестрицѣ говоришь ты? спросилъ Генераль.

„Точно о нихъ, отвѣчалъ Мак-Крей. Вы, благородный Господинъ, были тогда въ святой землѣ; вашъ родитель умеръ. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ вдова его съ Лади Маріанною, шеперешнею Графинею Роскелинъ, жила въ Эдинбургѣ. Съ этого времени я получалъ частыя извѣстія отъ Каши; между прочимъ узналъ отъ нее, что Лади Моншей умерла и что молодая и прекрасная дочь ея выпросила позволеніе у опекуновъ своихъ жить одной въ домѣ Эдинбургскомъ. Она починялась самою благоразумнѣйшею и цѣломудреннѣйшею дѣвицею лѣтъ своихъ.

„Генераль съ благосклонностію улыбнулся и прервалъ еще Мак-Крея. Такъ,

сказалъ онъ , сестрица этимъ славилась ; правда , что она поршишь не много своего сына , но это полько и есть ея слабость и единственна вина , въ которой можно ее упрекать . Продолжай , Мак-Крей ; я очень радъ , что ты и жена твоя знакомя нашей фамиліи .

„Мак-Крей нѣсколько смутился ; онъ забылъ , на чемъ остановился , и надобно было ему напомнить . Тогда онъ пришелъ въ себя и продолжалъ : четыре года протекли такимъ образомъ , какъ , къ великому моему удивленію , я получилъ письмо отъ Капи съ нарочнымъ ; она просила меня пощасъ ѣхать въ Единбургъ , чтобы на ней жениться , имѣя надежду , говорила она , получишь что-нибудь для нашего хозяйства

„Генераль улыбнулся . Я понимаю , сказалъ онъ тихо опцу Томасу , отъ чего Мак-Крей не отецъ Сент-Клера . Монахъ ничего не отвѣчалъ . Мак-Крей продолжалъ : удивившись чрезвычайно этому письму , я пощасъ повиновался прозьбѣ Капи и

съ радостнымъ сердцемъ — ибо я любилъ ее — отправился въ путь съ посланнымъ, которой и привезъ меня въ маленькой уединенной домикъ въ самомъ предмѣстіи города.

„Черезъ нѣсколько минутъ послѣ моего прѣзда Капи пришла ко мнѣ; она сдѣлалась столь прекрасною Дамою, что я едва узналъ и почти спыдился ее. Но она обрадовала меня, сказавъ, что сердце ея ко мнѣ не перемѣнилось. Мы говорили о своей свадьбѣ; она сказала мнѣ, что получила на то позволеніе отъ Госпожи своей Лади Маріанны, которая сама должна была выдти за Графа Роскелина по возвращеніи его изъ Франціи, куда уѣхалъ онъ уже нѣсколько времени посланникомъ.

„Мы обвѣнчались черезъ нѣсколько дней. Тогда Капи сдѣлалась со мною откровеннѣе; она заставила меня прежде поклясться, что никому не открою тайны, которую хотѣла она мнѣ повѣрить; потомъ сказала, что если я исполню совершенно, чего отъ меня по-

требують, не составляю тѣмъ наше щастіе. . . . Ахъ! я спрашусь продолжатъ; вы обвините меня во лжи, и однакожь мнѣ нѣтъ никакой пользы скрывать истину.

„Генераль приказалъ ему продолжатъ безъ боязни; ибо онъ видѣлъ его замѣшательство. Заикаясь нѣсколько времени, Мак-Крей началъ говорить съ прешпомъ: Каши наконецъ сказала мнѣ, что Госпожа ея, что Лади Маріанна была беременна на сносяхъ

„Нещастный! вскричалъ Генераль, топнувъ ногою и ударивъ кулакомъ объ столъ. Это ужасно слышать; ты лжешь, гнусный клеветникъ! ты лжець или бездѣльникъ! Сестрица не только признана прекраснѣйшею изъ Шотландскихъ дѣвиць, но также благоразумнѣйшею и цѣломудреннѣйшею: никто не смѣлъ нападать, кромѣ тебя, на ея добрую славу и честь; она признана во всей Шотландіи примѣромъ всѣхъ дѣвиць. При

знайся во лжи твоей! или я испоргну ее изъ твоего сердца, бездѣльникъ! . . .

„Мак-Крей прелепалъ, но отецъ Томась ободрилъ его. Прошу васъ, будьте спокойнѣе и терпѣливѣе, сказала онъ Генералу: позволъше этому человѣку окончить сію повѣсть; естли она ложная, то ваша горестъ можеть излишья, когда онъ окончишь. Вспомните, что онъ говорилъ предъ высочайшимъ Сердцевѣдцемъ, предъ Которымъ не лъзя солгать; естли же окажется, что онъ сказалъ правду, то какъ вы будете стыдисья тогда своего гнѣва! Генераль умолкъ, и монахъ приказалъ Мак-Крею продолжатъ. Каши сказала мнѣ, что Лади Маріанна давно любила Графа Роскелина; что бракъ ихъ былъ основанъ смертію ея матери; что въ эту основку онъ былъ назначенъ Королемъ для тайнаго порученія во Францію, отъ коего онъ не могъ опказаться, не обезславивъ себя, и которое требовало скорого отъѣзда. Съ самой смерти Лади Моншей, Лади Ма-

ріанна жила одна, и наслѣдзясь полною свободою, кою она одолжена была славу о своемъ цѣломудріи, она забыла ее на минушу, и Графъ Роскелинъ получилъ права супруга, прежде нежели имѣлъ это названіе. Черезъ нѣскольکو мѣсяцовъ послѣ его отъѣзда Лади Маріанна примѣтила, что ея проступокъ могъ обнаружиться и что она будетъ матерью, не сдѣлавшись супругою; опчаяніе и стыдъ овладѣли ею. Безъ Наппи, кою она повѣрила свою тайну, она лишила бы себя жизни; ибо рѣшилась не пережить стыда своего, еспльи узвѣдуть ея слабость, наслѣдзясь славою безъ всякаго замѣнія, копорая возвышала ее предъ всѣми женщинами. Она не могла перенести мысли пасть съ престола; на копорой возвела ея гордость, а не добродѣтель. Теперь, сказала Наппи, я изъясню шебѣ, чего опънась перебууюпъ. Черезъ мѣсяць окончипся ея беременность, копорую она умѣла скрыть опъ всѣхъ; тогда она пріѣдетъ тайно въ этошъ домъ, копорый я на-

няла подь твоимъ именемъ. Она родить здѣсь, и какъ можно скорѣе возвращишь въ свое жилище.

„Хотя я ни одному слову не вѣрю въ этой сказкѣ, прервалъ Генераль: но любопытенъ знаешь, можешь ли ты сказать, въ какомъ кварталѣ былъ домъ сестры моей? Онъ былъ. опивчалъ не запинаясь Мак-Крей, на лѣвой сторонѣ церкви Голироода; дорога къ дому усажена въ три ряда деревьями: онъ не великъ, но великолѣпно убранъ; мать Лади Маріанны купила его, чшобъ быть поближе къ Лѣкарямъ.

„Ты хорошо приглаголился и вѣрно описалъ; продолжай. Капитанъ извѣспила меня о взятыхъ мѣрахъ и заключила сими словами: я, мой милый Мак-Крей, принимаю на себя спыдъ быть слишкомъ рано матерью, и обѣщаюся признать дитя своимъ; ты совершенно не извѣстенъ въ Единбургѣ; не извѣстно также и то, что пятнадцать только дней, а не восемь мѣсяцовъ прошло послѣ

шого, какъ ты женился на своей Каши; никто не спанешь шого изслѣдовать; шеперь, когда я уже твоя жена, это все равно для людей нашего разбора. Я по-вѣялъ тогда, для чего меня такъ скоро призывали, и что выгода болѣе, нежели любовь, была этому причиною; но я споль-ко любилъ Каши, что не могъ ни въ чемъ ей отказать, и согласился на все, чего она хотѣла.

„Чрезъ пятнадцать дней она перестала ходить для услугъ къ Лади Марианнѣ, что дѣлала каждое утро съ самой нашей свадьбы; она послала меня сказать своей Госпожѣ, что была больна. Мнѣ было приказано сдѣлать это объявленіе слугамъ и просить ихъ доложить о томъ Госпожѣ; я сдѣлалъ, что мнѣ было сказано. Минуту спустя, лакей сказалъ мнѣ, что Милади желала говорить со мною; онъ ввелъ меня къ ней. Заставивши меня повторить все, что я сказалъ слугамъ, она отвѣчала мнѣ съ величайшею благосклонностію, и при-

нимала много участія въ положеніи же-
 ны моей; попомъ сказавши мнѣ, что она
 навѣспитъ ее, дала мнѣ золошую мон-
 шу и приказала вѣтъ ее довольствовашъ.
 Въ первый еще разъ я видѣлъ Лади Ма-
 ріанну и разсмапривалъ ее со внимані-
 емъ: черты лица ея были благородны и
 правильны; она имѣла видъ Королевы,
 фізіономія и ея взоръ выражали цѣлому-
 дре и гордость; она была шакъ величе-
 ственна и прекрасна; ея походка была
 столь оплична, что едва можно было
 замѣнить перемѣну ея шали, къ сокры-
 тію коей способствовало шакже ея платье;
 оно состояло изъ длинной розы, покры-
 вавшей ея съ плечь до самыхъ ногъ.
 Если бы я не зналъ, то могъ бы уе-
 мнись въ приготовляемомъ произше-
 ствіи, въ чемъ бы нишо не могъ осмѣ-
 лись подозрѣвашъ ее. Съ этого дня
 мало проходило времени, чтобы Лади
 Маріанна не видала Каши. Люди ожи-
 дали ее у дверей нашихъ; часно даже она
 отсылала ихъ и оставалась у насъ по нѣ-

сколькѣ часовъ. Наконецъ назначенное время прошло; она пріѣхала однажды поутру ранѣе обыкновеннаго и чувствовала уже муки, но не показала ни малѣйшаго знака оныхъ, отсылая людей своихъ и приказывая имъ возвратиться въ полдень. Она потчасъ ушла съ женою моею въ комнату, которую сдѣлали очень шайндю; я былъ посланъ на другой конецъ города сыскашь бабку, съ приказаніемъ сказать ей, что это было для жены моей. Я все исполнилъ и привелъ бабку. Черезъ три часа Каши, неся въ рукахъ новорожденнаго, пришла въ комнату, гдѣ я былъ, и положила его ко мнѣ на руки, сказавъ: вотъ сынъ, которого опцемъ я сдѣлала тебя безъ большаго шруда; ты можешь кормить его также, какъ и я; теперь отошли бабку съ этими деньгами. Она скоро возвратилась съ колыбелью, которую прежде приготовила, положила шуда малюшку и приказала мнѣ усыпить его. Въ полдень люди Лади Маріанны возвратились. Каши

съ печальнымъ видомъ сказала мнѣ, что ея любезная Госпожа чувствуетъ такую головную боль, что она принуждена была положить ее на постель свою, гдѣ она проведешь нѣсколько часовъ въ спокойствіи; что она приказала мнѣ возвратиться ввечеру; и сказавши это, Капти ушла опять внизъ, чтобы помогать Госпожѣ своей.

„Между тѣмъ я обремененъ былъ попеченіемъ о дитяти; Капти принесла мнѣ пища, коего я давалъ ему по нѣскольку капель и тихонько качалъ его, не преставая смотрѣть на невиннаго малютку, который казался крѣпкимъ и здоровымъ; онъ сжималъ уже мои пальцы въ своихъ маленькихъ ручкахъ, и его прекрасные черные глаза, казалось, на меня смотрѣли. Я не могъ воспрепятствовать себѣ думать, что въ тысячу разъ было болѣе грѣха отвергать это милое дитя, нежели даровать ему жизнь.

„Генераль, дѣлавшій примѣтныя усилія, чтобы удержавъ гнѣвъ свой и чтобы

слушашь спокойно Мак-Крей, прервалъ его въ семь мѣспѣ. Съ какимъ намѣреніемъ соснаваляешь ты эту повѣсть? оказалъ онъ ему: этого я не могу понять; но я узнаю это, когда ты еще больше налжешь. Посмотримъ, чіо сдѣлалось съ эшимъ чуднымъ ребенкомъ?

„Клянусь спасеніемъ души моей, это дитя есть Сент-Клеръ, за коего природа говоритъ вамъ; ибо онъ вашъ племянникъ, и ваша собственная кровь шечешь въ его жилахъ!

„Монахъ сдѣлалъ знаменіе креста. Генераль запрещалъ, но потчасъ пришелъ въ себя, и оказалъ съ презрительною и недовѣрчивою улыбкою: по чести, Мак-Крей, у тебя болѣе воображенія и разума, нежели я думалъ; но въ эшомъ случаѣ ты худо ихъ употребилъ. Я признаюсь, чшо сердечно привязанъ былъ къ швоему сыну и желалъ ему добра; но эта ужасная мысль сдѣлалась изъ шего должностъ, основанную на без-

славя сестры моей, смущаетъ меня и разрушаетъ всё мои надежды. Ты не имѣешь болѣе нужды говорить; я не хочу тебя слушать; купи свое судно, я заплачу за него, и уѣзжай съ своимъ сыномъ, котораго я постараюсь забыть. Бѣдная Марианна! какъ на тебя ужасно клеветуешь! Я люблю и удивляюсь ей еще болѣе.

„Отецъ Томасъ удержалъ за руку Мак Крея, хотѣвшаго выдти и обращаться къ Генералу, сказалъ: этакъ чело-вѣкъ есть недоспойный мужъ, или вы съ нимъ несправедливо поступаете; въ первомъ случаѣ не могу ему позволить такъ выдти; я долженъ просвѣпить его, взять попеченіе о бѣдной душѣ и привести ее къ покаянію; если же онъ сказалъ правду, то вамъ, Генераль, должно раскаяться и наградишь его. Мак-Крей! я приказываю тебѣ продол-жать, а васъ, Генераль, прошу слушать его.

„Какъ вамъ угодно, сказалъ Генералъ. Ну, продолжай, Мак - Крей; ты поступишь какъ придворной и даже не краснѣешь; если бы ложь твоя не касалась сестры моей, то она позабавила бы меня.

„Мак - Крей остановился, но повторенное приказаніе монаха его ободрило, и онъ продолжалъ :

„Вечеру люди возвратились съ лошадьми; Каши сказала имъ, что Лади Маріаннѣ лучше; но что голова ея была слишкомъ слаба, чтобы можно было ѣхать на лошади и что они должны были привезти коляску. Люди поѣхали и возвратились поздно вечеромъ; Милади съѣла въ носилки; Каши за ней послѣдовала и оставила диня и молока, чтобы давать ему пищу. Въ ея отсутствіе я имѣлъ попеченіе о малюшкѣ, который спокойно и не крича зснулъ у меня на рукахъ. Пусть не увижу я царствія небеснаго, если не правда, что полюбилъ его съ этой ночи, какъ отецъ. Раю поупру Каши: возвратилась; она

уложила и одѣла дитя такъ хорошо, какъ я не могъ сдѣлать этого; въ полдень она мнѣ его опять поручила и возвратилась къ Госпожѣ своей, которая уже встала и сносила свое состояніе съ такою силою и мужествомъ, что не возможно было никому имѣть ни малѣйшаго подозрѣнія. Благородный Господинъ! я вижу, что вы слушаете меня съ нетерпѣніемъ, и я кончу мою повѣсть. Черезъ пятнадцать дней Каши возвратилась въ одинъ вечеръ очень веселою; я была занята качаніемъ дитяши. Смотри, Мак-Крей, сказала она мнѣ: естли мы получили дитя чрезъ мѣсяць послѣ нашей свадьбы, то также имѣемъ чѣмъ кормить его. Сказавши это, она положила въ ноги колыбели большой кошелекъ полный золота. Вотъ на первый разъ, сказала она: но сверхъ того мнѣ обѣщали ежегодно посылать знающую сумму. Опъ насъ требуютъ только, чтобы уѣхать съ нашимъ золотомъ и дитяшею подальше; ибо до шѣхъ поръ, пока мы будемъ

здѣсь, Госпожа моя будетъ умирать отъ
безпокойства, чтобы ее не подозрѣвали;
она хочетъ, чтобы мы поспѣшь уѣхали.
Но не хочешь ли она видѣть своего пре-
краснаго младенца? сказала я: думаю,
что она не хочетъ съ нимъ навсегда
разстаться.

„Безъ сомнѣнія она не хочетъ это-
го, сказала Капи: къ чему послужитъ
ей увидѣть его однажды, чтобы послѣ
никогда не видать. Можешь бышь уви-
дѣвши, она будетъ о немъ сожалѣть;
чтожь до меня касается, то мнѣ очень
пріятно беречь его до тѣхъ поръ, пока
онъ у насъ; никто ничего не знаетъ;
намъ хорошо спануть плащомъ, въ
этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія; Лади-
слишкомъ этимъ занята, а мы также
заняты храненіемъ шайны одишатъ. Но,
Капи, сказала я ей, развѣ по возвраще-
ніи Лорда Рокеллина онъ не женился на
Леди Маріаннѣ? Конечно онъ женился;
они будутъ имѣть другихъ сыновей,
коихъ можно признать; но что касаетъ

ся до этого, но онъ будетъ только сыномъ Мак-Крея и Каши. Почему знать, не будетъ ли онъ отъ того щастливѣе. Никогда Лади Маріанна, славящаяся болѣе своею добродѣтелію, нежели красою; не признается, что она могла однажды совратиться съ пути строгаго цѣломудрія; она лучше хочеть умереть, нежели потерять свою славу, и видѣшь себя подверженною насмѣшкамъ женщинъ, коихъ пороки она сама ещѣ часно порицала.

„Однако же, сказалъ я, чортъ меня возьми, ешьли бы я захотѣлъ жениться на такой женщинѣ, бывши Лордомъ Роскеллиномъ, хотябъ она Шотландскую корону предлагала мнѣ съ своею красою и мнимымъ цѣломудріемъ! — Истинно цѣломудренная призналась бы, что она не была цѣломудреннѣе другой и признала бы дитя свое.

„Каша не преславала говорить, что это не возможно. Послѣдствіе этого разго-

вора было то, что дитя окрещено, какъ бы мой сынъ; онъ не имѣлъ крестнаго ошца; въ календарѣ былъ тогда день Сентъ - Клера, и мы ему дали это имя. Черезъ три дни мы уѣхали изъ Единбурга, и Лади Маріанна никогда не видала своего дитяти. - Мы ѣхали потихоньку до Инвернеса. Проведши тамъ нѣсколько времени, я купилъ маленькое судно, чтобы торговать по берегамъ моря. Морское состояніе было всегда по моему вкусу; изъ этого судна мы прѣхали въ Левсъ, и я тамъ остался по желанію Капи, которая нашла это жилище пріятнымъ. Мы купили хорошій маленький домикъ съ землею. Здѣсь Мистрисъ Мэкъ Крей была больше почитаема, нежели Капи-Лори въ горахъ. Она часто получала извѣстія отъ Лади Маріанны, которая вышла за-мужъ по возвращеніи Лорда Роскелина; они имѣли чрезъ годъ послѣ свадьбы сына, что насъ увѣрило въ обладаніи маленькимъ Сентъ - Клеромъ. Не имѣя совсѣмъ дѣшей

отъ Каши, я очень былъ радъ, что эпошъ у меня оспался, и думаю, заблъ бы, что онъ не былъ мой, еспли бы присылки денегъ отъ Лади Маріанны не воспоминали того самымъ пріятнымъ образомъ женѣ моей. Каждый годъ все эпо продолжалось до того времени, какъ вы прѣехали въ Левсъ.

„Вопъ конецъ эпой прекрасной исторіи! сказалъ Генераль: я понялъ, какъ хорошо она сочинена, и отдаю тебѣ всю справедливоспъ въ такомъ изобрѣшеніи; но, прибавилъ онъ съ грознымъ движеніемъ, не совѣтую тебѣ повсюряшь эпошъ вымыселъ никому. — Я еще не кончилъ, сказалъ Мак-Крей: и что оспается мнѣ сказать, заставипъ можетъ быть васъ перемѣнить обо мнѣ мнѣніе.

„Жена моя очень сердилась, благородный Господинъ, что вы были нашимъ госпемъ; она боялась, чтобъ это не было случаемъ ошкрытія; но я сказалъ, что эпо было не возможно. Однакомъ,

когда увидѣлъ, что вы приняли намѣреніе увезти Сент-Клера, я не могъ не видѣть десницы Провидѣнія и дѣйствія природы; мы стращались опуститъ его съ вами, не смѣливались также въ томъ отказатъ вамъ, и надѣялись, что онъ скоро возвратится; но хуже всего было, что вы увезли его сюда, гдѣ онъ могъ встрѣтить Графиню Роскельнъ.

„Она въ самомъ дѣлѣ его видѣла, отвѣчала Генераль, и ея съ нимъ поступки показываютъ совершенно, что не существуетъ между ними ни малѣйшей кровной связи. Она его видѣла съ особеннымъ недоброжелательствомъ, что меня очень огорчило противъ нее.

„Увы! сказалъ отецъ Томасъ: Это не доказательство; мало людей любятъ встрѣчаться съ тѣми, которыми причинили зло! — Нарочный, котораго вы къ намъ прислали, говорилъ Мак-Крей, приездъ меня и жену мою въ величайшее безпокойство. Мы боялись, чтобы

въ Замкѣ Монтея Сент-Клеръ не встрѣ-
 шилъ испинную свою мать; судьба
 этого сына была, правда, ей совершен-
 но не извѣсна; но имя *Сент-Клера Мак-*
Крея не могло не открытъ его; я на-
 дѣялся еще, что гордая Лади Маріанна
 не сдѣлаеть никакого примѣчанія вразсу-
 жденіи этого мальчика; что она будетъ
 смотрѣть на него, какъ на простаго па-
 жю, потому что вы его всегда называете
другъ мой, милой мой. — Намъ казалось
 возможнымъ, что она совсѣмъ не услы-
 шитъ его имени; мы были въ этомъ не-
 доумѣніи, какъ получили, два мѣсяца
 тому назадъ, письмо отъ Лади Роске-
 линъ на суднѣ, которое пристало къ
 Левсу, шедши изъ Глазкова въ Бергенъ
 въ Норвегію.

„У тебя ли письмо? спросилъ по-
 спѣшно Генераль.

„Оно у меня, отвѣчалъ Мак-Крей:
 жена давала мнѣ его чипать, и Небу
 угодно было, чтобы оно оспалось въ моихъ
 рукахъ; оно подтвердитъ слова мои.

Сказавъ это , онъ вынулъ его изъ бумажника и подаль Моншею. Генераль развернулъ его , покраснѣлъ при видѣ письма и прочелъ въ немъ слѣдующее:

Капи Мак - Крей !

„Я надѣялась , что мои милости и
 „благодѣянiя къ тебѣ въ продолженiе
 „сполькихъ лѣтъ увѣрятъ меня въ твою
 „ей признашельности и послушанiи; есль
 „ли это такъ , то какъ же сдѣлалось , что
 „маленькой Сент-Клеръ въ Замкѣ Моншея?
 „Это главнѣйшее мѣсто , гдѣ я должна
 „бояться его присупствiя ; есльи ты
 „хочешь пользоваться еще моими благо-
 „дѣянiями , то пошли тотчасъ своего
 „мужа привезши его къ тебѣ. Никто не
 „можетъ имѣть права удерживать дитя
 „чужое противъ воли его родителей ,
 „или таковыми признанныхъ. Есльи
 „ты того хочешь , то не замедлишь мнѣ
 „повиноваться ; есльи же объ этомъ не
 „постараешься , и я узнаю , что эпомъ
 „мальчикъ не возвращился шуда , гдѣ
 „долженъ бышь , то мы будемъ тогда

„совершенно чуждыми одна другой: ты
 „ничего обо мнѣ не услышишь, и ничего
 „не получишь.

„*Маріачна Роскелинъ.*“

P.S. „Естьли ты будешь повинова-
 ваться, то получишь скоро присылку
 денегъ.“

„Генераль положилъ письмо и при-
 казалъ съ мрачнымъ спокойствіемъ Мак-
 Крею окончить это; онъ еще имѣлъ
 сказать. Мак-Крей оповѣчалъ, что по
 полученіи этого письма онъ имѣлъ жар-
 кой споръ съ своею женою, которая об-
 виняла его, что онъ былъ единственною
 причиною гнѣва Лади Роскелинъ, и на-
 спояла, чшобъ я вѣхалъ пошчасъ возвра-
 тить Сенш-Клера. Я принужденъ былъ
 повиноваться для семейственнаго спо-
 койствія, однакожь съ сожалѣніемъ; ибо
 думалъ, что десница Провидѣнія помѣ-
 стила это дѣло тамъ, гдѣ оно должно
 быть. Теперь, благородный Господинъ,
 жепя вы обвинили меня въ обманѣ и же-
 ланіи ввести въ вашу фамилію посред-

свѣдомъ лжи моего сына ; но я объявляю предъ Богомъ , что я невиненъ ни въ помъ , ни въ другомъ , и сказалъ правду . Ваши великодушныя подарки проникли въ мое сердце ; я думалъ , что буду ихъ недоспоинъ . Безъ наспоянiя опца Тома са сiя шайна осталась бы еще въ груди моей . Я не ищу и не желаю награды ; жена моя никогда мнѣ этого не проспишь : Лади Роскелинъ , можешь спашься , до смерти будешь меня гнать ; но я исполнилъ мою обязанность , и это будешь моимъ ушѣшенiемъ .

„Мак-Крей ! опшѣчалъ Генераль : я не знаю , что думаешь объ этомъ дѣлѣ , и мой разумъ находится въ величайшемъ недоумѣнiи . Я бы желалъ , еслии это возможно обнаружешь и увидѣшь , какую я долженъ взять сторону . Еслии ты обманулъ меня , то долженъ знать , какiя будешь послѣдствiя , и я сожалѣю о тебѣ ; еслии же сказалъ правду , то ничего не потеряешь : я составляю свое ща-

ешіе. На эшотъ разъ я приказываю тебѣ
остаться нѣскольکو дней въ Замкѣ и
приказываю ничего не говорить Сенш-
Клеру.

„Мак-Крей обѣщаль повиноваться,
и Генераль послаль его опдыхашь.“

Г Л А В А V.

„Послѣ шого, какъ вышелъ Мак-
Крей, сшранная повѣсть, которую онъ
разказаль, была предметомъ продолжи-
тельнаго разговора между Генераломъ и
опцемъ Томасомъ. Сей послѣдній казался
наклоннымъ вѣришь совершенно эшой по-
вѣсти. Первый очень бы желаль въ ней
усомнишь; но обспояшельспво письма,
писаннаго его сесшрою къ Каши Мак-
Крей, было споль сильнымъ доказатель-
спвомъ, что не возможно было его опвер-
тнушь. Хотя и не сказано въ эшомъ
письмѣ, какая польза была удалишь эшо-
го ребенка, но надобно было, чтобы гор-
дая Графиня Роскедінъ имѣла очень силь-

ную причину занимаешься столь неважнымъ предметомъ, какъ маленькой Сени-Клеръ, даже и тогда (это была первая его мысль), когда ея единственная цѣль была ошдалишь его опъ Генерала, надъ коимъ она видѣла, что онъ бралъ вліяніе. Это не объясняло, для чего она столь долгое время осыпала подарками эту фамилію, съ условіемъ хранишь ихъ собственное дитя.

„По чести, сказалъ Генераль, послѣ сихъ размышлений, ешьли эта исторія справедлива, то слабость сесипры моей ешь малѣйшее изъ ея пресуплений опвергать дитя свое, подвергать его всѣмъ несчастіямъ бѣдности и низкаго произхожденія, опнять у него право его рожденія, чтобы скрышь свой поступокъ — сныдъ этой женщиной, ешьли она въ томъ виновна! Я спыжусь, что она дочь опца моего.

„Послѣ вѣрныхъ доказательствъ его рожденіе, сказалъ опецъ Темасъ, по праву законовъ Шотландскихъ бракъ его

матери усыновляешь Сенин - Клара и дѣлаешь его настоящимъ наследникомъ Роскелиновъ. Ничего нѣтъ справедливо, опивчалъ Генераль; но въ такомъ важномъ дѣлѣ я не могу совершенно повѣрить исторіи Мак-Крея; надобно его удержавъ здѣсь, а между тѣмъ поѣжайте вы, опецъ Томасъ, въ Левсъ сказавъ его женѣ, что все скрытно, не говоря къмъ и какимъ образомъ. Ея поступки и слова могутъ объяснить это дѣло. Монахъ согласился и пригласился къ опѣзду.

„Во время опсуществованія опца Томаса Мак-Крей находился въ Замкѣ и обращался со мною по прежнему; однако же я замѣтилъ перемѣну въ обращеніи Генерала. Онъ не менѣе былъ со мною добръ, напрошивъ еще имѣлъ нѣкошорую опличную дружбу; но былъ задумчивъ и, казалось, иногда разсмащивалъ меня съ величайшимъ вниманіемъ. Однажды въ галлерей, гдѣ висѣли всѣ портреты его

представилъ, онъ поставилъ меня подъ пор-
пременомъ отца своего, и сравнивая нѣ-
сколько минулъ, сказалъ: клянусь Небомъ,
это почти доказательство! . . .

„Отецъ Томасъ по возвращеніи сво-
емъ имѣлъ продолжительный разговоръ
съ Генераломъ, котораго онъ извѣстилъ,
какъ обвинялъ онъ Капи Мак - Крей
въ томъ, что она скрываетъ наследника
благородной фамиліи; какъ угрожалъ ей
спросогостию законовъ и проклятіемъ цер-
кви, еслили она поспѣетъ не признает-
ся во всемъ, и увѣрялъ, что она не избѣ-
житъ ошъ наказанія за это преспу-
пленіе.

„Капи, не смотря на его угрозы,
оспалась твердою въ пользу Лади Роске-
линъ, заперлась во всемъ и не сказала ни
слова, которое могло бы ушвердить сви-
дѣтельство Мак - Крея. Но отецъ Томасъ
настоялъ послѣднимъ средствомъ, чтобы
она поклялась въ своей невинности предъ
Святымъ крестомъ, который онъ ей
представилъ. Тогда она смѣшалась и

старалась избѣжать клятвы. Подозрѣнія отца Томаса ушвердились отъ сего отказа; онъ принуждалъ ее произнести предъ нимъ эту клятву, давая ей знать, что ему приказано, если она отъ сего откажется, отвезти ее въ Замокъ Моншея и представить Генералу Лорду и Леди Роскелинъ, и что тамъ она принуждена будетъ властію церкви произнести клятву. Если бы ты говоришь правду, прибавилъ онъ: - то эта клятва не сдѣлаешь тебѣ никакого вреда; если же она ложная, не дѣлай ее: ибо ничто не возможетъ спасти тогда отъ вѣчной гибели душу твою.

„Каши, не нашла тогда никакой другой увертки; она бросилась плача къ ногамъ монаха и ушвердила все, что сказала ей мужъ, клятвою предъ крестомъ. Она представила многія письма Графини; во всѣхъ было упоминаемо о Сенш-Клеръ; но не въ одномъ она не говорила ясно о семъ предметѣ, и числа ни въ одномъ не было означено.

„Этот объявление испребило въ Генералъ всѣ сомнѣнiя ; однако же онъ ничего не сказалъ ; но не могли рѣшиться видѣшь сестру свою подѣ споль гнуснымъ видомъ, надѣясь, что она можетъ оправдаться или разкаяться, онъ уѣхалъ въ Замокъ Роскелинъ, а меня оставилъ въ Моншеѣ.

„Хотя я не подозрѣвалъ истинной причины путешествiя, но взиралъ на его опъѣздъ съ горестiю. Это была первая моя разлука съ драгоценнымъ покровителемъ. Я сказалъ ему объ этомъ, и просился съ нимъ, проливая слезы, и увѣряя его, что мнѣ очень будетъ скучно во время его отсутствiя ; что, не смотря на шалости Лорда Йона и гордость его мащера, я желалъ бы, чтобы онъ дозволилъ мнѣ съ собою ѣхать. Онъ пожалъ мнѣ руку, говоря, что мы скоро увидимся и что, можетъ быть, пришлеть за мною; онъ сказалъ это шономъ смоль довольнымъ и дружескимъ, что я почти былъ утѣшенъ.

„Сопровождаемый нѣсколькими служителями, онъ поѣхалъ въ Роскелинъ. Но прїѣздъ нашель, что Господа были въ опсущствїи, и онъ дожидался три дни. Лордъ Роскелинъ прїѣхалъ первый; онъ былъ слабаго характера, и очень честный человекъ; и естли бы его оспавляли дѣлать, что внушало ему сердце, то онъ бы дѣйствовалъ съ справедливосшію и правосудіемъ; но онъ былъ рабъ воли жены своей, копорая управляла имъ. Споръ, копорый они имѣли съ Моннеемъ обо мнѣ, и копорый заспавилъ ихъ шакъ скоро уѣхать, не позволялъ имъ надѣяться посвщенія бранна; и шакъ онъ былъ принятъ Графомъ съ чрезвычайнымъ удовольствіемъ.

„Обѣдая съ нимъ одинъ, Генераль почель минушу благопрїятною, чшобы начашъ эшо важное дѣло. Когда поспавили десертъ, то Генераль, наполнивши кубокъ и ударивъ онымъ объ Графской, сказалъ; за здоровье шеего старшаго сына!

Онъ прекрасный мальчикъ, и ты и жена твоя должны имъ гордиться; онъ ни въ чемъ не уступаетъ Жону.

„Что вы, хошите сказать? спросилъ удивленный Графъ: у меня нѣтъ другаго сына, кромѣ Жона.

„Я думалъ, сказалъ Генералъ смѣясь, что ты сдѣлался опцемъ во время твоего посольства во Францію.

„Я васъ не понимаю, сказалъ Графъ покраснѣвши: мы обвинялись по моему возвращеніи.

Такъ; я знаю, ты очень былъ честенъ въ этомъ случаѣ! Сестрица моя была молода; она любила тебя; смерть матери и мое отсунушвіе сдѣлали ее совершенно свободною; человѣческая натура немощна: но ты все загладилъ, женившись на ней.

„Графъ еще болѣе покраснѣлъ. Она вамъ все открыла, сказалъ онъ: и въ самомъ дѣлѣ не должно имѣть тайнъ отъ такого брата; сдѣлашься же вашимъ было всегда мое желаніе; вы можете по-

няшь, какое я претерпѣвалъ безпокойство во Франціи, не могли возвратиться, чѣмъ исполнишь то, что я почитала священнѣйшею должностію.

„Такъ! отвѣчалъ Генераль, смотря на него: эта медленность подвергла вашего старшаго сына великому неправосудію.

„Графъ казался сгорѣвшимъ опъ стыда, видя, что шурину его было все довольно извѣстно, и не понималъ довѣренности со стороны жены своей. Онъ столько былъ чистень и шакъ мало имѣлъ искусства, что не могъ запереться. Послѣ минушнаго медленія онъ продолжалъ: любезный брашъ! это очень скучный предметъ для разговора, и потому нельзя вспомнить объ немъ послѣ столько лѣтъ; я очень былъ виноватъ, но послѣ того загладилъ все, что только было въ моей власши загладить.

„Такъ, въ сужденіи сестры моей я согласенъ; но ты долженъ то же сдѣлать и для швоего невиннаго сына.

„Моншей! возразилъ Графъ: я не понимаю, отъ кого вы все это знаете; естли бы это отъ сестры вашей, то вы бы лучше были увѣдомлены; вы бы знали, что это отъ несчастный ребенокъ умеръ при своемъ рожденіи: и такъ вы согласитесь, что бесполезно о немъ говорить.

„Простая и честная рѣчь Графа Роскелина дала замѣшанъ Генералу, что онъ былъ обманушь, и онъ хотѣлъ его разувѣришь, какъ вдругъ лошадиный топотъ послышался на дворѣ и чрезъ минушу вошла Лади Роскелинъ. Удивившись и обрадовавшись брату, и будучи увѣрена послѣ письма своего къ Капи, что я возвратился къ Мак-Крею, она оказала свое удовольствіе, которое одинаковъ очень было кратковременно. Обращаясь къ ней, Моншей продолжалъ по, о чемъ хотѣлъ сказать. Нужнейшее дѣло привело меня сюда, сестрица! оно есть права старшаго вашего сына Сент-Клера Роскелина; природа немощна, и

есть характеры, для которыхъ спыдѣ болѣе смерти; однакожъ, Маріанна, такія обстоятельства не должны дѣлать несправедливымъ и заславлять насъ попирашь ногами священнѣйшія права. Не пренеци, сесприца! я понимаю, какъ ты должна спрадать, дѣлая упрекъ спвоимъ собственнымъ чувствамъ; но все это можешь загладиться: признай спвоего сына и почиай спвоего брата явнымъ покровителемъ и первымъ мспителемъ, еслили осмѣляясь нападашь на спвою честь. Клянусь душею, что первый, кто осмѣлился позволить себѣ малѣйшій знакъ презрѣнія, долженъ лишиться жизни, или умершвить меня.

„Внутреннія чувства удивленной Лады Роскелинъ были споль сильны, что она не могла произнести ни одного слова, унала на грудь своего мужа и закрыла лице свое руками.

„Братецъ! сказала Лордъ Роскелинъ: пожалуйте о ней; вы худо увѣдомлены.

„Самымъ лучшимъ образомъ! сказала съ твердосію Генераль: надменное и гордое сердце Маріанны не оробѣло бы такъ отъ ложнаго обвиненія. Ну, сестрица! превозмоги эшопись ложный стыдъ и сдѣлайся матерью; естъли свѣтскіе законы эшо тебе запрещаютъ, то Божескіе и законы правосудія повелѣваютъ. Пусть свѣтъ говоритъ, естъли хочеть, что въ минушу любви и слабости ты забыла, чѣмъ должна самой себѣ; но не шерпи, чшобы говорили, чшо ты кинула дитя свое.

„Лади Роскелинъ, не поднимая головы и не осмѣливаясь взглянуть на своего брата, сказала шихонько своему мужу: мнѣ дурно; прошу васъ, позвольте мнѣ выдти: завтра я поговорю съ брашцомъ.

„Генераль совершенно былъ увѣренъ, чшо естъли бы она оспалась, то не могла бы ему прошивишься, и непременно бы призналась: ибо въ эшу минушу не имѣла силы что-либо скрышь; но нѣ-

жностъ мужа и милостъ Генерала ее пощадили; первый опвелъ ее въ комнату и долго шамъ съ нею оспавался; на завтра она вышла опшуда съ чувствами совершенно различными опъ шѣхъ, кои она казалась имѣвшею вчера; возвративши свою твердостъ и гордостъ, отрицаясь съ такою твердоспю, копорей ничпо не могло поколебашъ, что она ни малѣйшаго не имѣла поняшя объ эпомъ дѣлѣ; (она очень желала совершенно въ томъ заперешься и безъ сомнѣнйя дѣлала жестпокіе упреки своему мужу, что онъ признался въ своей винѣ.) ссылалась на спыдѣ эшого признанія на соспюяніе, въ коемъ вчера находилась; объявила, что ее послѣднее письмо къ бывшей ее горничной Каши Мак Крей и приказаніе возвращашъ Сенип-Клера имѣло предметомъ желаніе очень натуральное опдалишъ опъ дяди своего сына маленькаго незнакомца, коего вліяніе надъ нимъ дѣлалось ужаснымъ; что послѣ происшедшаго въ Моншеѣ, видя Генерала опдающимъ

справедливостъ этому незнакомцу про-
 нивъ своего роднаго племянника ; узнав-
 ши послѣ , что онъ поступалъ съ нимъ
 какъ съ сыномъ , и самъ училъ его ; она
 опясалась , чшобъ онъ не возымѣлъ сла-
 бости опдашь свое имѣніе сыну Мац-
 Крея , и думала оказашъ ему услугу ,
 предупредивши эшу глупостъ позволен-
 ными средствами ; чшо участіе , кошо-
 рое она принимала въ родилеляхъ эшого
 мальчика , кошорыхъ она составила щастіе
 и обременила подарками , подало ей мысль
 и право приказашъ имъ взять своего сы-
 на. Чшоожъ касается до денегъ , кошо-
 рья она имъ посылала , призналась по-
 краснѣвъ , что имѣла причину купить
 скромностъ Каши ; и какъ дитя ея не
 было живо , шо желая скрышь его рожденіе ,
 она думала ежегодно производить жало-
 ванье своей бывшей горничной , и чшобъ
 въ шомъ никакого подозрѣнія не было , а
 почитали эшо ея благошворительностью ;
 пришла въ негодование , что имѣла пред-
 метомъ оной неблагодарныхъ , кошорые

видя слабость Генерала Монтея къ ихъ ребенку, составили эту гнусную повѣсть, чтобы заславши его войши въ его фамилію и оправданы, что онъ для него дѣлается, что очень легко было; ибо Каши, будучи принуждена признаться, что повѣсть ея раннихъ родовъ была справедлива во всѣхъ подробностяхъ, рѣшилась составить объ этомъ басни; но что она знала въ своей совѣсти, что младенецъ произведенъ на свѣтъ мерзвымъ. Слабый Роскелинъ совершенно повѣрилъ предсавленіямъ жены своей; онъ никогда не сомнѣвался послѣ этихъ увѣреній, что дитя, рожденное прежде, не умерло, и все, что ни говорила Лади Роскелинъ, имѣло наружность искренности, которая унвердилась въ его мысли; но она имѣла не по дѣйствіе надъ Генераломъ; онъ примѣшилъ ея лицемеріе сквозь это ложное чисносердечіе и споялъ въ своемъ мнѣніи, что я почтенъ былъ его племянникомъ. Жаркіе споры возсшали объ этомъ предметѣ, и послѣд-

спвіе ихъ было вѣчная разлука между ними. Генераль разсердясь уѣхаль изъ Роскелина и никогда уже не видалъ ни сестры своей, ни брата.

„Въ первомъ началѣ этой ссоры Генераль предположилъ объявить передъ свѣтомъ о слабости и безчеловѣчїи сестры своей; но подумавъ, перемѣнилъ это намыреніе, запрепепалъ при мысли, что фамилія, славящаяся сполько вѣковъ честью мужчинъ и добродѣтелью женщинъ, будетъ помрачена такимъ пятномъ, если онъ рѣшится имѣть прибѣжище въ суду, чтобы заспавить признашь меня. И такъ онъ рѣшился на другое средство: оставилъ свой Замокъ, нанялъ домъ въ Единбургѣ, взялъ меня съ собою и обходился со мною чрезвычайно ласпнымъ образомъ. Я ѣлъ за его споломъ, былъ одѣтъ какъ онъ, вездѣ провожалъ его и къ довершенію моего благополучія онъ называль меня именемъ Сент-Клера Моншея вмѣсто Сент-Клера Мак-Крея; однимъ словомъ, онъ поступаль со мною какъ съ роднымъ сыномъ.

„Король Іаковъ І былъ въ это время плѣнникомъ въ Англіи, и управление Шотландіею было въ рукахъ Роберта Герцога Албанскаго, Въ публичной аудіенціи я сопровождалъ Генерала во Дворецъ и не мало удивился, когда онъ приказалъ мнѣ слѣдовать за собою въ комнашу, гдѣ присущствовалъ Герцогъ. Этого печенный Вельможа сидѣлъ на амвонѣ въ церемоніальной одеждѣ. При входѣ Генерала онъ приподнялся и поздравилъ его. — Моншей, сказалъ онъ, храбрый Моншей, добро пожаловать! я не надѣялся болѣе тебя увидѣть. Скажи мнѣ, какъ можно заснавишь тебя иногда посѣщаясь насъ? Люди мсихъ лѣшь любяшь собирають вокругъ себя друзей своихъ, когда приближаешься минуша вѣчной съ ними разлуки.

„Да опдалишь Небо эту минушу, любезный Герцогъ! возразилъ Моншей: ваши слова хоша и упрекають меня въ небреженіи, однакожь онѣ очень для меня лестны. Не смотря на наружность, мое

сердце никогда не было холодно къ Герцогу Албанскому; ешьли онъ будешь имѣть нужду въ моей помощи, или жизни, то никакой Шопландецъ не будешь такъ гоповъ къ шому, какъ Моншей.

„Я этому вѣрю, сказалъ Герцогъ, и не знаю никого, чьи бы услуги я предпочиталъ швоимъ. И такъ наши чувства уваженія и дружбы совершенно взаимны. Но какого это мальчика шкъ привелъ ко мнѣ? (Не зная приличій и обрядовъ, я плѣнился его обращеніемъ, и очень близко подошелъ къ нему.) По чести, сказалъ онъ, смотря на меня, это швое дитя: цвѣтъ лица и глаза Моншея; это портретъ швоего ошца. — Нѣтъ, знаменитый Лордъ! сказалъ Генераль улыбаясь: вы меня обижаеше; я не былъ женашъ, и какъ истинный воинъ Креста, никогда не бывалъ ошцемъ. Этошъ молодой человекъ невинная жертва жестокой мащери и слабого ошца, не былъ въ шомъ сосшодннн, въ которомъ бы должно бышъ;

я разсудилъ его себѣ присвоить и осмѣливаюсь сказать даже въ его присушствіи, что онъ имѣетъ истинное мужество и праводушіе. Я надѣюсь, онъ принесетъ честь моему имени, которое я хочу ему дать теперь; а послѣ смерти наслѣдство всего моего богатства, которое я ему оставляю, и я пришелъ, знаменитый Генераль, утвердить публично это усыновленіе и снискашь ему ваши милости.

„Герцогъ казался удивленнымъ, но не болѣе меня. Первая часть рѣчи моего благодѣтеля раздражила меня; онъ представилъ меня какъ жертву жестокости матери и слабости отца моего, и это казалось мнѣ совершенно ложнымъ. Я шутилъ иногда, однако же не жалуюсь на худой характеръ матери моей Каши; я рассказывалъ, что она часто меня била, но все это, казалось мнѣ, не заслуживало названія жестокой матери; чтожь касаясь до слабости, приписы-

ваемой честному Мак-Крею, по это была только чрезвычайная снисходительность къ женѣ своей, но никогда, казалось мнѣ, я не бывала ея жертвою. Я тогда былъ прерватъ Генерала и оправдалъ родителей моихъ предъ Герцогомъ; но онъ не далъ мнѣ времени; конецъ же его рѣчи и предположенія усыновить меня такъ меня удивили, что всякое другое помышленіе во мнѣ испребилося, и не думая, предъ кѣмъ былъ, я упалъ на колѣна предъ Генераломъ, сказавши: о великодушный благодѣтель! могу ли я васъ пережить! Я пользуюсь вашимъ благорасположеніемъ, чего же мнѣ болѣе желашь? Я вашъ сынъ, наследникъ! О Боже мой! сдѣлай, чтобы я былъ достоинъ носить это имя, но чтобы никогда не наследовалъ его имѣнія; богатство слишкомъ дорого будетъ куплено его смертію.

„Генераль улыбулся моей живости и просилъ меня встать и замолчать. Герцогъ сказалъ ему: Вы сдѣлали, мой

милой Моншей, слишкомъ скорое и странное рѣшеніе; по крайней мѣрѣ подумайте о томъ, эпомъ молодой человекъ въ самомъ дѣлѣ мнѣ кажется заслуживающимъ вашу привязанность; но если правда, что онъ вамъ чужой, то вы не можете усыновить его, не опровергнувши собственной вашей крови; приходите провести со мною вечеръ, мы поговоримъ вмѣстѣ объ этомъ дѣлѣ.

„Мы остались въ продолженіи аудіенціи и пошли къ себѣ. Вечеромъ Генераль меня оставилъ и возвратился къ Герцогу; онъ имѣлъ съ нимъ продолжительный разговоръ. Генераль открылъ ему тайну моего рожденія, просилъ его пощадить свою фамилію отъ снѣда вразсужденіи шакого виновнаго поступка и позволилъ ему вознаграждать тѣмъ, что онъ него зависѣло, несправедливость моихъ родителей.

„Герцогъ слушалъ его съ величайшимъ вниманіемъ, и хотѣлъ убѣдить его представить эпо дѣло въ судъ; но Генераль совер-

шенно опъ того опказался. Сент - Клеръ, сказалъ онъ ему, получивъ мое имѣніе, въ состояніи будешь поддержать мое имя, не сожалѣя о имѣніи Роскелиновъ: по этому имя Моншея, которое онанчивалось со мною, оживешь съ честію въ одномъ изъ потомковъ моего опца; потеря наслѣдства будешь наказаніемъ его виновной мапери. Я не опнимаю у моего наслѣдника Жона шипла Графа; онъ невиненъ въ пресупленіи мапери своей, но останешся Лордомъ Роскелиномъ, и я избавлю прахъ родителея моего опъ упрека, что онъ далъ жизнь женщинѣ споль нечувствительной.

„Причины Генерала были тогда приняты, и въ скоромъ времени я былъ уполномоченъ законами носить имя и гербъ Моншеевъ, и былъ объявленъ наслѣдникомъ этой знаменитой фамиліи.

„Произшествія сіи такъ были для меня удивительны, что я думалъ все это видѣшь во снѣ. Я хотѣлъ также

быть великодушнымъ и говорилъ Генералу о правахъ его племянника; онъ приказалъ мнѣ молчать объ эшомъ, говоря, что я долженъ вѣрять, что онъ имѣлъ свои причины дѣйствовать такимъ образомъ. — Онъ ежедневно болѣе ко мнѣ привязывался, и я съ своей стороны любилъ и почиталъ его, какъ существо высшей натуры.

„Мы возвратились въ Моншей, гдѣ я опять началъ свои упражненія съ Генераломъ и ученіе съ монахами, а наиболѣе съ ошцемъ Томасомъ, которой оказывалъ ко мнѣ особенное вниманіе. Однажды Генераль сказалъ мнѣ: другъ мой, хотя я поступаю съ тобою какъ съ сыномъ, но ты не долженъ забывать своихъ обязанностей къ Мак - Крею, которой долгое время служилъ тебѣ ошцемъ, хотя онъ и не былъ имъ; но ты такъ много ему обязанъ, что не иначе можешь заплашить ему, какъ только сыновнею привязанностію. Испытавши внимательно швой

характеръ , я усыновилъ тебя ; оправдай же мои мнѣнія и мои надежды , и будь достоинъ имени , кошорое я тебѣ далъ .

„Мак - Крей не отецъ мой ! сказалъ я съ удивленіемъ : кому же одолженъ я жизнию ? Скажите мнѣ , прошу васъ , кто же мой отецъ ?

„Ты это узнаешь со временемъ ; теперь же почитай меня своимъ отцемъ : природа не дала мнѣ права на это званіе , но сердце даетъ и твое также , я думаю .

„Я не имѣю нужды , сказалъ я ему съ чувствительностію , имѣть другаго отца , кто бы онъ ни былъ ; но никогда никто не будетъ любимъ мною столько какъ вы .

„Я буду судить о томъ по своему поведенію . Въ моемъ дѣтствѣ нравственность была пренебрежена ; ибо твое воспитаніе у Мак - Крея укрѣпило только твое сложеніе , и вразсужденіи этого оно очень было полезно ; теперь должно воз-

наградить лѣша, поперянные для учения, и укрѣпить швой умъ и познаніа.

„Мнѣ приказано было купить моимъ благодарѣтелемъ для Мак-Крея хорошее большое судно совершенно снаряженное, съ коимъ онъ возвратился въ Левсъ очень довольнымъ, и еще болѣе везя съ собою хорошую сумму денегъ для распространенія своей торговли, успулку двадцати десятиинъ земли, которую далъ ему Генераль; сама Каши была довольна и не сожалѣла о покровительствѣ гордой Лади.

„Хотя я любилъ Мак-Крея и былъ чувствительнъ къ его отъѣзду; однакожъ долженъ искренно признашся, что не былъ огорченъ, узнавши, что я не его сынъ, и также признаюсь, сдѣлалъ все, что могъ, чтобы извлечь изъ него шайну моего рожденія; но онъ бы швердъ въ своемъ обѣщаніи и отказался удовлетворить моему любопытству. Я продолжалъ мое ученіе подъ надзоромъ Моншера съ довольнымъ успѣхомъ и очень былъ

прилѣженъ съ намѣреніемъ ему угодить. Онъ не щадилъ ничего, чшобы меня возвысить и потомъ прибавилъ къ тому соревнованіе, для чего познакомилъ меня съ нѣкопторами господами моихъ лѣтъ, копорыхъ онъ узналъ фамиліи, приглашалъ ихъ въ Замокъ Монтея. Такимъ образомъ я сдѣлался другомъ Россу, Гамильтону, Рандольфу и Роберту Мак-Грегорамъ. Это сдѣлалось источникомъ утѣшенія въ моихъ несчастіяхъ, изъ коихъ самое величайшее, о копоромъ я еще сожалѣю, есть то, чшо я завлекъ ихъ въ свою напасть.“

„Величайшее несчастіе для насъ было распашься съ тобою, сказалаь ему Россъ и всѣ его друзья.“ Сенш-Клеръ поблагодарилъ ихъ взелядомъ, копорой выражалъ живѣйшую признательность и продолжалъ свою повѣсть.

„Мы сдѣлались совершенно чуждыми семейству Роскелиновъ; но Генераль часто слышалъ о презрительныхъ выраженіяхъ, копорыя они упошребляли, когда была

рѣчь о предубѣжденіи его въ пользу маленькаго Мак-Крея, какъ они всегда меня называли, и долгое время мнимая слабоспъ Монпея и мое усыновленіе было предметомъ всеобщаго удивленія. .

„Такъ проходило время по шѣхъ поръ, пока минуло мнѣ девятнадцать лѣтъ; тогда сопутешествовалъ я Генералу на осаду Бервика и на всѣ войны прошивъ Англіи, которыя за ней послѣдовали. Никакого примѣчательнаго происшествія не было во время этой войны, гдѣ я старался заслужить одобреніе моего вождя, кромѣ сожженія города Пенриша Шотландцами и Думфрїя Англичанами; въ семь-ше послѣднемъ я получилъ познаніе, слишкомъ гибельное для моего спокойствія.

„Отрядъ нашей арміи, коего я составлялъ часть, былъ въ засадѣ въ маломъ разстояніи отъ Думфрїя, замѣчая движенія непріятеля, какъ вдругъ мы увидѣли городъ въ пламени. Генераль приказалъ мнѣ выслушать съ шрема спа-

ми человекъ, чтобы подать помощи несчастнымъ жителямъ. При нашемъ приближеніи мародеры, зажегшіе его, убѣжали, и я былъ довольно щасливъ въ оказаніи нѣсколькихъ услугъ, копорыя слишкомъ были заплачены выраженіями самой лестной признательности. Я пробѣжалъ съ моими воинами пылающія улицы; благодаря попеченіямъ нашимъ, мало погибло людей; но городъ былъ только кучею пепла. Въ концѣ города, гдѣ пожаръ былъ сильнѣе и все дома были объяны пламенемъ, я увидѣлъ у одного молодую дѣвицу, копорая ломала руки отъ опчаянія и шребовала помощи; но въ общемъ замѣшательствѣ голосъ ея не былъ слышенъ. Не теряя времени и не подумавъ объ опасности, я кинулся со всею безрассудностію молодости въ домъ, копорый былъ уже весь въ пламени; дымъ задумалъ меня, и огонь, сквозь копорой я проходилъ, сжегъ руки мои и лице, такъ что и теперь еще есть у меня знаки. При совершенной однакожъ рѣшимости

спасши эту несчастную, естли возможно, боль не удержала меня отъ намѣренія моего; я прошелъ нѣсколько горящихъ лѣстницъ, копорыя провели меня къ той комнаѣ, гдѣ я примѣшилъ у окна молодую дѣвицу. Вошедши туда, я нашель ее лишенную чувствъ отъ дыма или ужаса, и лежащую на полу почти совершенно раздѣшую. Я сорвалъ широкую свою Шотландскую мантію, копорая покрывала плеча мои, совершенно обернулъ ее, и взялъ на руки, сошелъ, сколько можно было, скорѣе, и довольно почипаль себя щаспливымъ, что могъ сохранишь ее, хотя со вредомъ самому себѣ. Я обжогся во многихъ мѣстахъ, и когда вышелъ, то такъ задохся отъ дыму, что упалъ въ обморокъ, не оспавляя своего бремени, копорое держаль въ своихъ объятіяхъ; она также была безъ чувствъ; но свѣжій воздухъ возератилъ ихъ намъ. Едва имѣла она время поблагодарить меня, какъ отецъ ея подошелъ къ намъ и взялъ на себя воздашь

мнѣ благодарность; она равна была нѣжности его къ дочери. Я узналъ, что спасъ прекрасную Елеонору, единственную дочь Сира Давида Стурарша изъ Графства Инаерчесь.

Елеонорѣ было тогда только шестнадцать лѣтъ; красота ея начинала уже славиться; и въ самомъ дѣлѣ она показалась мнѣ прелестнѣйшимъ созданиемъ, какое только когда-либо я въ жизни своей видѣлъ, и былъ въ томъ увѣренъ до той минуты, какъ увидѣлъ мою Амбруазину.“

„Я ожидала этого, сказала Амбруазина, смѣясь: но знаю, что о томъ думаешь, и болѣе шѣмъ не щеславолюсь; я уступаю Елеонорѣ цѣну красоты, но не шу, что умѣла шебѣ понравиться качествами болѣе уважаемыми, и что лучше и постоянное соопвѣспивовала швоимъ чувствамъ.“

Моншей поцѣловалъ руку жены своей и продолжалъ :

„Елеонора была молода и чрезвычай-
но прекрасна ; я также былъ молодъ ,
имѣлъ влюбчивое сердце , сниспное и
совершенно еще новое для любви . Я ско-
ро вылѣчился отъ обжоги на пожарѣ ; но
шу, которую она причинила моему серд-
цу, не можно было такъ скоро залѣчить .

„Генераль хвалилъ мой поступокъ
въ этомъ случаѣ ; я приобрѣлъ уваженіе
многихъ людей, которые передъ симъ
совсѣмъ на меня не смотрѣли . При воз-
вращеніи нашемъ въ Замокъ Моншей
мы нашли отца Томаса въ отсутствіи ;
онъ узналъ, что Катя Мак - Крей изме-
могала отъ чахотной болѣзни ; онъ же-
лалъ знать, не утвердиль ли она своего
объявленія при приближеніи своей смер-
ти, и поспѣшилъ ѣхать въ Левсъ . Онъ
прибылъ туда въ надлежащее время,
присутствовалъ при ея послѣднихъ ми-
нутахъ, принялъ ея исповѣданіе и воз-
вратился съ письмомъ, подписаннымъ
предъ смертію ея рукою . Письмо ея

ушверждало, что я былъ испинный сынъ Лади Маріанны Роскелинъ; онъ опдалъ его Генералу, который мнѣ о томъ еще не говорилъ.

„Любовь моя къ Елеонорѣ, которая съ каждымъ днемъ умножалась, произвела во мнѣ сильное желаніе узнать, кому я одолженъ жизнию; но ничто еще по~~то~~ не изъясняло, и въ народѣ меня всегда почитали сыномъ Мак-Крея; но почтеніе, которое имѣли къ Генералу, имя Моншея, которое я носилъ, и мужество, которое я имѣлъ щастіе показашъ въ первой войнѣ, предохранили меня отъ всѣхъ упрековъ.

„Сирь Давидъ Стуартъ жилъ въ Графствѣ Инвернесъ въ своемъ Замкѣ Уперлонъ, изъ коего я шеперь вышелъ и который имѣлъ тогда имя Замка Балле; я ѣздилъ шуда иногда съ Генераломъ.

„Онъ видѣлъ прекрасную Елеонору, понялъ и одобрилъ спрасишь мою къ ней; но шребувалъ, чтобы я сдѣлался еще

достойнѣйшимъ имени, которое ношу, прежде нежели стану думать о женитьбѣ.

„Я съ сожалѣніемъ ему повиновался, скрывъ любовь въ моемъ сердцѣ и выражалъ ее только поступками.

„Въ это время многіе Шотландцы ѣхали служить во Францію полъ знаменами Герцога Тюрена; Генераль также меня послалъ, чѣшобъ приобрести, сказалъ онъ мнѣ, опытность и укрѣпиться въ военномъ искусствѣ; Сиръ Жамесъ, Россъ и два брата, Робертъ и Рандольфъ Мак-Грегоры были моими поварищами и братьями по оружію; тамъ я познакомился съ любезнымъ дю-Бургомъ, и мы спали друзьями.

„Война кончилась. Рыцарь, котораго дружбу я имѣлъ щасліе снискать, продалъ свое владѣніе и захотѣлъ соупрочивовать мнѣ въ Шотландію; онъ пріѣхалъ со мною въ Монтей; я представилъ его Генералу, который былъ очарованъ его характеромъ веселымъ, благороднымъ и чувствительнымъ; онъ осъ-

шался нашимъ госшею почитаемымъ и любезнымъ. Мнѣ было тогда двадцать одинъ годъ; я не зналъ еще печали; а та, которая мнѣ угрожала, была слишкомъ жестока. Достойный Моншей былъ для меня болѣе, нежели отецъ, и смерть его была предшесствіемъ бѣдствій, которыя должны были меня постигнуть; однакожь я долженъ и себя много въ томъ упрекать: еспли бы собственная моя безразсудность не согласилась прошивъ меня съ моими непріятелями, то никогда бы побѣда ихъ не была столь велика.

„Три мѣсяца прошло послѣ возвращенія моего въ Замокъ, въ продолженіи коихъ я имѣлъ несчастіе видѣть мало превосходнаго, великодушнаго друга изнемогающимъ отъ болѣзни, которая скоро не оставила ни малѣйшей надежды. Кончина его была достойна жизни, которая ей предшесствовала; она послѣдовала вечеромъ прекраснаго дня. Солнце блистаетъ еще на горизонтѣ до той мину-

шы, пока скроется; но его опять уви-
дять на завтра, а я несчастный! я не уви-
дѣлъ своего родителя, благодѣтеля, лю-
безнѣйшаго дядю, котораго буду опла-
кивать во всю жизнь. Послѣ нѣсколь-
кихъ дней болѣзни онъ спокойно скон-
чался въ моихъ объятіяхъ и оставилъ ме-
ня безъ условій единственнѣмъ наслѣдни-
комъ его обширныхъ владѣній, которыя
бы я всё уступилъ, чтобы сохранить
жизнь его еще на нѣсколько лѣтъ! . . . “
Просшите, друзья мои! это воспомина-
ніе слишкомъ тяготитъ мое сердце, и
я не могу продолжать. Если бы то, чѣмъ
я ему обязанъ, выше всего, я осмѣли-
ваюсь сказать, что такова же была и
моя къ нему привязанность! Моншей ос-
тался въ горестномъ молчаніи; всё поч-
тили печаль его; онъ продолжалъ свое
повѣствіе въ слѣдующій вечеръ.

Г Л А В А VI.

„Мой любезнѣйшій и почтеннѣйшій другъ извѣстилъ меня за нѣсколько дней до своей смерти въ присутствіи отца Томаса о всѣхъ подробностяхъ, которыя я рассказалъ, прибавя въ заключеніе: я имѣлъ слабость для чести моей фамиліи скрыть эпизодъ виновный и низкой пошупокъ, и доволенъ, что дѣлаю себѣ вознагражденіе, состоящее въ моей власти. Имѣя прибѣжище къ законамъ, окончаніе будетъ сомнительно, свидѣтельства Мак - Крея и жены его не возмущатъ преимущества надъ утвержденіями Графа и Графини Роскелинъ. И такъ я совѣтую себѣ быть довольнымъ тѣмъ, что я себѣ оправдываю, если позволяю себѣ имъ спокойно пользоваться; если же захотятъ помѣшать себѣ въ обладаніи своимъ имѣніемъ, тогда я позволяю себѣ дѣлать, что хочешь, изъ тайны, которую я себѣ открылъ.

„Природа, можешь быть, будешь говорить нѣкогда сердцу твоей матери; если же нѣтъ, то вспомни, что та же сила, которая привела меня на берега Форайские, будешь руководствовать собою въ жизни и приведешь себя нѣкогда къ Опцу, который гораздо лучше всѣхъ опцевъ на земли и къ которому я иду теперь.

„Таковы были послѣднія слова Генерала, которой умеръ два дни спустя. Я съ жаромъ желалъ узнать свою фамилию, и это открытіе вмѣсто того, чтобы удовлетворить меня, привело меня въ ужасъ и стыдъ; я стыдился быть одолженнымъ жизнью столь нечувствительной матери, и какъ не могъ надѣясь умягчить ея сердца въ мою пользу, то расудилъ погребсти эту шайну въ груди своей.

„Я бы уступилъ опъ души брату моему Жону наслѣдство Роскелиновъ и мое право старшинства; но бышь такъ оптверженнымъ своими родителями, не

будучи того достойнымъ, имѣть отца и мать и не быть въ состояніи предаться никакимъ чувствамъ природы — это была такая печаль, которая требовала философію или варварскаго жаднокровія, чтобы снести ее. Завѣщаніе Генерала Монтея столь было точно, что всѣ шиканства и шаяббы не получила бы успѣха, чтобы оспорить его дѣйствительность, и каковы не были о томъ чувства матери моей, она была принуждена молчать.

„Шесть мѣсяцовъ спустя послѣ смерти моего возлюбленнаго дяди, мой отецъ, или лучше Лордъ Роскелинъ, сдѣлался болѣнъ и заспавлялъ опасаться о своей жизни. Я разсудилъ, что моя должность была написать къ нему въ почтительнѣйшихъ выраженіяхъ; но и до сего времени не знаю, дошло ли до него мое письмо; но хотя бы и не было перехвачено, то жена, по власи своей надѣ нимъ, въ состояніи была увѣрить его, что это новое злоумышленіе и обманъ.

„Въ жестокой бурѣ, которая была послѣ смерти моего дяди, честный Мак-Крей погибъ на морѣ и съ нимъ я поспѣялъ послѣдняго свидѣшеля моего истиннаго рожденія.

„Болѣзнь Графа Роскелина усилилась; онъ скончался, и сынъ его Жонъ наследовалъ имѣніе и шишуль его. Я былъ тогда въ глубокомъ шраурѣ по моему дядѣ, и шакъ случилось, что я могъ его носить въ то же время и по моему родителю; но какъ я ему ни чѣмъ другимъ не былъ одолженъ, шо не пришворялся слишкомъ печальнымъ.

„Когда первые шесшь мѣсяцовъ моей глубокой печали прошекли, я почелъ долгомъ посѣтитъ Еленору, которую любилъ всегда столько же шрашно, и отдашь ей мое сердце и руку. Съ эшимъ намѣреніемъ я поѣхалъ въ замокъ Валле, въ которомъ она жила съ опцемъ моимъ. Пріѣхавши, все нашель въ безпорядкѣ и замѣшашельшвъ; слуги казались испуганными; я слышалъ незнако-

мые голоса, говорящіе вверху, и не
 видалъ ни Сира [Давида, ни его дочери ;
 меня ввели въ нижнюю залу, но никто
 не говорилъ сомной; я взошелъ на лѣсп-
 ницу и всирѣшилъ горничную Елеонору,
 которая послѣ нѣкоторыхъ затрудненій
 ввела меня къ Госпожѣ своей; я нащелъ
 ее въ слезахъ, и на мои повпорительные
 вопросы она извѣстила меня съ чрезвычай-
 нымъ замѣшательствомъ, что доходы
 отца ея, которые были не велики, упош-
 реблялись нѣсколько уже лѣтъ на упла-
 ту чешырехъ тысячъ марковъ, которыхъ
 срокъ платежа уже пришелъ; тѣ, кото-
 рые ихъ дали займы Сирѣ Давиду, тре-
 бовали за платы, и какъ отецъ ея
 не имѣлъ этой суммы, то они при-
 казали описать Замокъ и ихъ землю,
 и что имъ ничего болѣе не остается
 въ свѣтъ, какъ маленькой домикъ въ
 Думфрри, едва поправленный послѣ по-
 жара, куда они и хопяшъ удалишся.
 Эта повѣсть, рассказанная съ просто-
 сердечіемъ и пролишіемъ слезъ, пронула

меня до глубины сердца. Сердце мое принадлежало ей; и такъ я просилъ ее ободриться, и сказавши, что она скоро меня увидишь, оставилъ ее спокойнѣйшею.

„Въ большой залѣ я нашелъ исполни- шелей правосудія, приказныхъ, спряп- чихъ и проч., которые описывали всѣ мебели Замка. Особа моя была очень зна- кома, такъ какъ и великодушіе моего дяди, котораго всѣ меня почиали род- нымъ сыномъ. Я обратился къ главному Офицеру и поручился какъ за долги и проценты, такъ и за убытки, съ усло- віемъ, чпобы они немедленно оставили Замокъ, и обѣщаніемъ, мною подписан- нымъ, заплашить эту сумму въ десять дней. Мои предложенія были приняты; росписка, обязательство были написаны и подписаны съ обѣихъ сторонъ прежде, нежели Сиръ Давидъ, или дочь его, по- лучили о томъ малѣйшее свѣдѣніе, и я имѣлъ несказанное удовольствіе видѣшь уходящими шѣхъ, которые ихъ бездѣ- коили.

„Я поспѣшилъ къ Елеонорѣ; она была съ опцемъ своимъ въ его комнапѣ, гдѣ они занимались сыскиваніемъ и убираніемъ бумагъ къ своему опъѣзду; я вошелъ безъ доклада и съ удовольствіемъ, кошорато не старался скрывать, сказала Сиръ Давиду: любезный Спуаршъ, прошу васъ, запиште эти бумаги и оставьте ваши приготовленія къ опъѣзду; вы можете спокойно оставаться въ этомъ жилищѣ; ваши гонители ушли; съ вами только шеперь другъ щастливый, кошорый можете вручить вамъ эту записку, прибавилъ я, подавъ ему квишанцію; забудьте эту непріятную сцену.

„Сиръ Давидъ казался очень удивленнымъ, и едва могъ вѣривъ глазамъ своимъ; но Елена (шакъ называлъ ее всегда опецъ) съ радостнымъ восторгомъ и благодарностію, кошорая еще болѣе сдѣлала ее прекрасною, хотѣла кинуться къ ногамъ моимъ; но я принялъ ее въ свои объятія.

„Беликодушный и благородный молодой человек! сказалъ Сиръ Давидъ: спасши жизнь моей дочери, вы спасли также и мою; теперь вы даете намъ средства къ существованію; могу ли я когда нибудь возблагодарить васъ за столь великія одолженія?

„Я держалъ еще руку Елеоноры, и по невольному движенію упалъ на колѣна предъ опцемъ ея и увлекъ дочь его; она также спала на колѣна. Почтенный другъ! сказалъ я: дайте мнѣ эту обожаемую руку; если я владѣю сердцемъ вашей дочери, пусть буду вашимъ сыномъ, и вѣрше моимъ кляпвамъ — вся жизнь моя посвящится только тому, чтобы содѣлать Елеонору счастливою.

„Она покраснѣла, но не отъ гнѣва. Сердце вамъ принадлежитъ уже давно, сказала она въ полголоса, пожавши и мнѣ руку: но рука моя зависитъ отъ моего родителя.

„Опвѣсть Сира Давида былъ шажокъ, какого я могъ только желать; онъ сжалъ

насъ въ своихъ объятіяхъ, называя дѣтьми, и я почиалъ себя щасливѣйшимъ изъ смертныхъ.

„Чтобы недолго останавливаться на этомъ предметѣ, которой мнѣ не нравился теперь столько же, сколько прежде нравился, я въ короткихъ словахъ скажу вамъ, что въ этошъ самый день всѣ условія нашего контракта были сдѣланы и подписаны; я просилъ Сиръ Давида согласиться, чтобы чепыре, или пять тысячъ маркъ, которыми онъ былъ мнѣ долженъ, составили приданое его дочери, и я разорвалъ билетъ, который онъ мнѣ далъ.

„Если бы я покорился своему сердцу и желаніямъ, то нашъ бракъ свершился бы въ этошъ же вечеръ; но я положилъ обѣтъ носить цѣлый годъ прауръ по моему дядѣ, и съ общаго согласія мы опложили бракъ свой до того времени.

„Сиръ Давидъ и дочь его думали, что Моншей былъ отецъ мой, и въ это время я оставилъ ихъ въ семь заблужденіи, которое не было причиною ихъ со-

гласія. Завѣщаніе Генерала въ мою пользу и имя Моншея, которое онъ заставилъ меня принять, имѣли равную цѣну съ законнымъ усыновленіемъ.

„Въ это время все приготавливалось въ Шотландію къ возвращенію Іакова, который былъ удерживаемъ плѣнникомъ въ Англии болѣе двадцати лѣтъ. Первые Вельможи Королевства поѣхали туда, чтобы опасаясь залогомъ его выкупа, и я командовалъ отрядомъ, провожавшимъ придворныхъ Депушаповъ въ Торнъ для учиненія тамъ шракшапа объ освобожденіи Короля и его бракѣ; оттуда продолжали мы путь до Лондона, изъ коего Король, женившись на прекрасной Жаннѣ Бофортъ, возвращаясь въ Дургамъ въ Шотландію съ величайшею пышностію, сопровождаемый главными Вельможами обоихъ Королевствъ.

„Долгое время забавлялись только удовольствіями и веселіемъ при Дворѣ. Всѣ Дамы различныхъ Замковъ пріѣхали

въ столицу и, казалось, спорили о красотахъ, прелестяхъ и пріятностяхъ, но прекрасная Елеонора ихъ въ помъ превосходила; всѣ ей удивлялись и слѣдовали за нею. Она получила на всѣхъ празднествахъ пальму красоты; я съ гордостію видѣлъ ея побѣды и слишкомъ много имѣлъ къ ней довѣренности, чѣобы имѣть малѣйшее чувство ревности; однакожь мнѣ нельзя было не видѣшь сквозь эти повторительныя увѣренія въ вѣрности, какъ она перемѣнилась; она съ жадностію стремилась ко всѣмъ блистательнымъ удовольствіямъ. Эша простоина, которая меня къ ней столько же привязывала, какъ и ея прелести, уступила мѣсто кокетству, любви наряжашься, великолѣпію во всемъ томъ, что могло придашь ей блеску; можешь бышь я скажу справедливѣе, что пребываніе въ городъ развернуло природу, и послѣ шото я имѣлъ вѣрное доказательство, что она совершенно испортилась и ожидала

только случая, что бы выказаться совершенно.

„Одинъ изъ аманатовъ Короля умеръ въ Англіи; онъ былъ замѣненъ Вельможею такого же достоинства, и я вновь имѣлъ честь предводительствовать прикрышіемъ до Дургамы. На это дѣло требовалось довольно времени, и я сожалѣлъ объ этой опрочкѣ моего брака.

„По возвращеніи своемъ я узналъ, что Сиръ Давидъ и его дочь возвратились въ свой Замокъ Валле, и я заключилъ изъ этого для себя щастливое предзнаменованіе; все въ этомъ жилищѣ должно было бы напоминать Елеонорѣ о моей къ ней страсти, а отцу наши условія. . . Нѣкоторыя вѣсти, слышанныя мною въ Единбургѣ, когда я проѣзжала черезъ него, могли бы подать мнѣ подозрѣніе; но я почитала ихъ дѣйствиельно зависящими, которую превосходство Елеоноры возбуждало въ другихъ женщинахъ, и я только поному смѣялся до того времени, пока они были мнѣ подтверждены Россомъ и

дю - Буртомъ ; оба увѣряли меня во всеобщемъ мнѣнїи, что Елеонора, ослѣвленная шикломъ Графини, которое предлагалъ ей Лордъ Роскелинъ вмѣстѣ съ богатствомъ, подала ему надежду и принимала посѣщенїя въ Замокъ Валке. Я такъ былъ ослѣвленъ моею любовью и довѣренностїю, что обвинялъ только отца ея. Вѣроятно, сказалъ я друзьямъ моимъ, моя Елеонора, гонимая имъ и Графомъ, печалился о моемъ отсутствїи ; мнѣ только стоить показаться отцу, чтобы напомнить ему мои права и дочери, чтобы дать ей силу сопротивляться, и я увѣренъ въ ея сердцѣ ; одинъ разговоръ съ Сиромъ Давидомъ и Елеонорою, и Лордъ Жонъ не покажется болѣе въ Валке.

„Я тотчасъ поѣхалъ въ Замокъ. Приблизившись къ нему, вошелъ въ комнаты иллюминированными и на дворѣ слугъ въ полной ливреѣ. Посудите о моемъ удивленїи, когда они сказали, что господа въ отсутствїи со вчерашняго дни. Я

наспрашивать о причинахъ, для чего ихъ компаншъ были освѣщены; но мнѣ отвѣчали такимъ образомъ, что я безъ труда увидѣлъ данное напередъ приказаніе отказать мнѣ. Въ первую минуту, слѣдуя живости моего характера, я хотѣлъ войти силою и осыпать упреками Сиръ Давида и дочь его; но привычки почищать ее за невинную жертву гордости и корыслолюбія отца, не хотѣлъ огорчить и испугать ее своею жестокостію. Я взялъ намѣреніе возвратиться сначала въ Монтей, посоветоваться съ друзьями моими Россомъ, Гамильпономъ, дю-Бургомъ и Робертсомъ Мак-Грегоромъ, которыхъ я тамъ оставилъ. Я рассказалъ имъ, что со мной случилось, и просилъ ихъ посоветоваться, какія взять мѣры; рѣшеніе наше было, чтобы я попребовалъ еще быть принятымъ въ Замкъ, и что если это невозможно, то должно, за какую бы то ни было цѣну, найти средства видѣть Елеонору и съ ней поговорить.

„Сдѣлавши эшошь планъ, друзья хотѣли мнѣ сопущспвовать; на завтра мы отправились въ пушь съ нѣсколькими служителями.

Я еще просилъ видѣться съ Сиромъ Давидомъ и его дочерью, и мнѣ опять было ошказано Сквозь рѣшешку я видѣлъ слугъ въ ливреѣ Роскелина; мое бѣшенство было въ высочайшей сипени. Я соединился съ друзьями, копорые ожидали меня въ нѣкомпоромъ разстояніи: они живо чувспвовали обиду, мною полученную. Но какъ и кому мнѣ ошплатить? Сиръ Давидъ былъ слишкомъ сшаръ, слѣдовательно не лзя было съ нимъ бишься; а Лордъ Роскелинъ . . . съ ужасомъ о шомъ думаю . . . былъ мнѣ брашъ. Мы поѣхали шагомъ, разговаривая о шомъ, что насъ занимало; какъ въ долину, пониже насъ, увидѣли людей верхами, отлично одѣшыхъ, перья на шляпахъ и карпузахъ волновались въ воздухѣ, золотыя плашья и конскіе уборы блистали при солнцѣ; шупъ было

нѣсколько мужчинъ, а въ срединѣ двѣ женщины, изъ коихъ одну въ минушу я призналъ за Елеонору; она казалась очень веселою. Графъ Жонъ Роскелинъ, сидя на прекрасной лошади, былъ возлѣ ея; Сиръ Давидъ и Лади Роскелинъ за ними слѣдовали; шрое слугъ были впереди и позади гораздо большее число, что составляло всего отъ двенадцати до пятнадцати человекъ. Благоразуміе и разсудокъ не принадлежашъ къ свойству молодости, а еще менѣе они были моимъ удѣломъ. Мы съ бѣшенствомъ произнесли клятву отмстить, и оборотившись съ возвышенности, на кошорой мы находились, встрѣтили ихъ при самомъ входѣ въ долину. Я не могу вамъ выразить замѣшательства и безпорядка этой встрѣчи! Все произошло столь быстро, столь скоро, что я съ трудомъ могу вамъ о томъ разсказать.

„Людей Сира Давида и Графскихъ было по крайней мѣрѣ вдвое болѣе, нежели насъ; но мы лучше были вооружены,

привычны къ ошибкамъ и неспособны къ
спрашу. Мои друзья спали на пропинкѣ
такимъ образомъ, что никто не могъ
пройти, а я подѣхалъ къ Сиру Давиду
и просилъ поговорить со мною. Онъ ка-
зался смущеннымъ, смѣшавшимся, и ска-
залъ мнѣ, что былъ съ обществомъ и
просилъ возвратиться завтра; но я рѣ-
шительно опять него отказался, зная,
что если я пропущу этотъ случай,
то все стараніе видѣть его было бы
вщешно.

„Лади Роскелинъ шрепѣтала такъ,
что едва могла держаться на лошади.
Лади не видала меня съ малолѣтства;
взоры ея внимательны на меня устреми-
лись и пошчасъ отвратились съ ужасомъ.
Она хранила молчаніе; а я, я не умѣю
сказать вамъ, что я чувствовалъ. Въ пер-
вый еме разъ я видѣлъ ее съ шѣхъ поръ,
какъ узналъ, что она была мнѣ мать —
это шило, шоль священное, шоль
мощенное, прошивъ воли говорило мо-

ему сердцу и заставляло броситься къ ногамъ ея ; но между тѣмъ увѣренность быль опвергнушымъ , воспоминаніе , что она меня оставила , средство , которое она послѣ того употребила для опроверженія правъ моихъ — все внушило мнѣ къ ней опвращеніе , подобно какъ къ сверхъестественному чудовищу. Принудивши себя сю не занимать и слѣдовать моему намѣренію , я обратилъ взоры мои на Елеонору ; она была блѣдна и казалась гошовой лишись чувствъ ; между тѣмъ Лордъ Роскелинъ съ гордостью ко мнѣ приблизился и спросилъ , по какому праву мы смѣемъ ихъ оппанавливать.

„Жонъ Роскелинъ! опвѣчалъ я: естль ли ты не знаешь правъ моихъ на Елеонору Сшуртъ , по я ихъ тебѣ объявлю: она принадлежишь мнѣ по собспвенной своей волѣ — по волѣ своего сердца и слову опца своего ; и шопъ , кпо мыслишь уничтожишь эши священнѣйшія права , долженъ прежде лишись меня жизни , или потерянъ свою.

„Сынъ Мак-Крея, отвѣчалъ онъ мнѣ съ насмѣшкою, не можешь имѣть никакого права на дочь Сира Давида Спуарша, и также не имѣешь права осмѣливаясь меня вызывать; но я не хочу сносить твоей наглости.

„Не смотря на гнѣвъ, который былъ въ высочайшей степени, презрѣніе превозмгло его, и смотря на Лади Роскеллинь, я сказалъ ей съ огорченіемъ: Миледи! этакъ молодой человѣкъ оскорбляетъ васъ; скажите ему, что я не сынъ Мак-Крея; вы знаете, что жена его не мать мнѣ.

„Это слово привело ее въ ужасное бѣшенство. Бездѣльникъ! сказала она мнѣ: что ты смѣешь думать? — Но, слава Богу! Король возвратился; онъ отдастъ мнѣ справедливость. Учасіе Герцога Албанскаго и глупое предубѣжденіе моего брата писали твою безразсудность.

„Прошу васъ, мапущка! сказалъ Лордъ, успокойся; теперь не время

объ этомъ говорить. Потомъ , обратясь ко мнѣ , присовокупилъ : пропустише Дамъ и Сирь Давида , а послѣ мы перевѣдаемся.

„Я пропущу Лали Роскелинъ , сказалъ я : хотя мнѣ и должнобъ было съ нею объясниться ; но я не за этимъ сюда прѣхалъ. Сирь Давидъ можетъ ей также сопутствовать , естли хочешь ; но клянусь честію , Елеонора не возвратится въ свой Замокъ прежде , нежели я съ нею не поговорю. И такъ пригошовьтесъ ; я рѣшился , хотя бы это стоило мнѣ жизни.

„Надобно согласишься , что Лордъ Жонъ поступилъ въ семъ случаѣ какъ храбрый защитникъ женщинъ ; я тому обрадовался ; иначе я спалъ бы презирая его.

„Пойдемъ ! сказалъ онъ , обнаживъ мечъ и наравъ на меня съ такою быстротою , что я имѣлъ нужду во всемъ своемъ хладнокровіи и проворствѣ , чипобы защищаться. Люди смарались съ нимъ.

соединишься; но они были удерживаемы моими друзьями. Все мое желаніе было обезоружить его, не проливая крови; я достигъ своей цѣли: въ короткое время вышибъ мечъ его; но не могъ воспрепятствовать, чѣмъ онъ не получилъ легкой раны, которая причинила мнѣ гораздо болѣе боли, нежели ему. Когда онъ былъ обезоруженъ, я схватилъ его за руку, и подведши къ матери, сказалъ ей: возьми попеченіе о вашемъ возлюбленномъ сынѣ; есѣли вы забываете, что я вашъ сынъ, то я не забылъ, что онъ мнѣ братъ. Но Лади Роскелинъ не могла меня слушать; ибо я примѣшилъ, что она безъ чувствъ поддерживаема была Сиръ Давидомъ и нѣсколькими слугами, и начинала приходишь въ себя. Они унесли ее; между тѣмъ Сиръ Давидъ помогаль Лорду Жону перевязывать его раненую руку.

„Чтожь до меня касается, то я подошелъ къ Елеонорѣ, которую сняли съ лошади; Елеонора также была, или

пришворилась, что была въ обморокѣ, и ничего не отвѣчала на нѣжныя слова, копорыя я ей говорилъ. Рѣшившись однакожь узнать, что мнѣ дѣлашь, и видя, что отецъ приказывалъ ее также унести прежде, нежели она дастъ мнѣ отвѣтъ, я принялъ скорое и опчаянное намѣреніе похищить ее, увезти въ Замокъ Монпей и такъ окончить ссору, обвинявшись съ нею въ моей церкви. Будучи увѣренъ (какъ тогда я думалъ) въ любви ея, я не сомнѣвался въ ея согласіи.

„Это намѣреніе тотчасъ было исполнено. Прежде нежели отецъ ея могъ подойти, я поднялъ ее и съ помощію двухъ моихъ слугъ посадилъ предъ собою на лошадь; не сморя на угрозы и прозѣбы отца ея и ложное сопротивленіе слугъ, копорыя, какъ я замѣнилъ, не были прошивъ меня, я увезъ ее въ сопровожденіи друзей, копорыя составляли арріергардъ и не позволяли никому за нами слѣдовать; Лорду Жону препашествова-

ла въ шомъ рана , Сиру же Давиду спаросшь и подагра , которая еще болѣе умножала слабость его лѣвъ. Люди Ладди Роскелинъ послѣдовали за него , а слуги Сиръ Давида , бывшіе свидѣтелями поспѣшноши , съ коею я помогъ ихъ господамъ во время конфискованія ихъ Замка , безъ сомнѣнія негодовали на него за сію неблагодарносшь и не были расположены меня преслѣдовать.

„Движеніе лошади привело въ чувства Елеонору ; я примѣнилъ эпо по біелію ея сердца и румянцу на щекахъ ; но глаза ея были крѣпко закрыты , и она не переспавала молчалъ. Не смотря на все , что я сказалъ ей нѣжнаго и убѣдительнаго ни на увѣренія въ моемъ сожалѣніи о шомъ , что принужденъ шакъ поступашъ , чтобы сохранишь ее для любви моей , она не произносила ни слова. Наконецъ къ ночи мы пріѣхали въ хижи-ну близъ Келарди и остановилсъ въ маленькомъ домикъ , принадлежавшемъ

одному крестьянину Жамеса Росса. Зѣсь
 мы предположили отдохнуть; ибо ночь
 наступала и была такъ темна, что не
 возможно было продолжашь пути. Когда
 мы сошли съ лошадей, то я хотѣлъ
 поддержать Елеонору; но она съ гордо-
 стію отказалась на меня опереться, во-
 шла въ низкую компану, сѣла, облокоч-
 шась на спилю и не говоря ни слова.
 Друзья мои вошли и оставили меня одно-
 го съ нею. На колѣняхъ умолялъ я ее
 прервать это неспокое молчаніе, повто-
 рялъ, что одна необходимость и боязнь
 навсегда ее поперять принудили меня
 такъ насильственно послушать, что
 она была для меня драгоценнѣе жизни, и
 что естли по прежнему меня любить,
 какъ спилю часто увѣряла, то сдѣлала
 бы меня щасливѣйшимъ изъ людей, со-
 гласившись на наше соединеніе; ибо, имѣя
 честное слово отца ея на этошь бракъ,
 мы бы не сдѣлали ему неповиновенія, а
 только напомнили бы ему о томъ, чѣмъ
 онъ долженъ былъ самому себѣ и честнѣ

дворянина; что я возвращусь съ нею къ нему, какъ съ своею супругою, увѣренъ будучи въ полученіи его прощенія.

„Она слушала меня не прерывая, и опшвѣчала покраснѣвъ и погнувши глаза: я не имѣю нужды говорить вамъ, Сенш - Клеръ, о томъ, что склонность моя была покорена волѣ моего родителя. Когда онъ согласился отдать вамъ мою руку, тогда мы почитали васъ сыномъ знаменитаго Генерала Моншея, естли не законнымъ, такъ имъ признаннымъ. Мы были обмануты, и узнали, что вы сынъ одного поргующаго мореходца, оспрови- шянина и горничной женщины Лади Роскелинъ, которая, во зло употребивши слабость Генерала и дружбу его къ вамъ, убѣдила его усыновить васъ, заспавивши повѣрить баснѣ, которая не имѣетъ и не можетъ имѣть никакого основанія. Ваше богатство также не основательно; оно принадлежитъ племяннику Генерала, Лорду Графу Роскелину; будьте увѣрены,

что это скоро будетъ объявлено Государю , и вы будете приведены въ прежнее сословіе; и такъ нашъ контрактъ не имѣеть никакой дѣйствительности , потому что онъ сдѣланъ не подъ истиннымъ вашимъ именемъ ; я возвращаю вамъ ваши обѣщанія; будьте также великодушны , возвративши мнѣ мою свободу: ибо мы никогда не можемъ быть соединены.

„Ошь природы гордый , эпромешчивый , влюбленный и обмануемый такимъ образомъ въ моихъ надеждахъ , я не могу описатьъ дѣйствія , которое эта рѣчь имѣла надо мною ; она мнѣ доказывала , что самъ собою я не имѣлъ никакого права надъ ея сердцемъ , никакой цѣны въ глазахъ ея ; что она побичала меня за наследника Монтея , и когда человекъ меня богаче и которой казался ей значительшимъ , нежели я , предложилъ ей руку , то и былъ предпочтенъ.

„Я былъ пораженъ этою рѣчью , но гордость поддержала меня . Очень хорошо , Елеонора , сказалъ я , улыбаясь съ презрѣ-

віемъ : благодарю васъ , что еще во время открыли мнѣ истинныя ваши ко мнѣ расположенія и вашъ характеръ. Если-бы мы были соединены , то это открытіе причинило бы мнѣ много горестей ; но теперь оно мнѣ полезно. Въ самомъ дѣлѣ я не сынъ Моншея — въ этомъ васъ справедливо извѣстили ; но также и не сынъ Мак - Крея. Ежели вы желаете знать , кому я одолженъ жизнью , то спросите о томъ у Лади Роскелинъ , когда она будетъ вашею щецею.

„Холодность , съ которою я говорилъ , удивила и пронула ее. Если бы вы не были сынъ Мак - Крея , сказала она , то для чего открыто не говорите , кому вы одолжены жизнью ? Елеонора Стуартъ не для того сошворена , чтобы соединиться съ неизвѣстнымъ.

„Этотъ неизвѣстный , сказалъ я съ гордостію , не былъ безъ сомнѣнія неизвѣстенъ великодушному Моншею , потому что онъ удостоилъ его своею лю-

бовью, воспитаніемъ и оставленіемъ своего имени и богатства. Чшо жъ касается до тайны моего рожденія, моя супруга узнаеть его, получа мою руку; но вамъ я этого не скажу, ибо эта рука никогда не будетъ принадлежать такой женщинѣ, которой сердцемъ не буду владѣть. Сенш-Клеръ Монпей опровергаетъ шо, въ чемъ вы опказали Сенш-Клеру Мак-Крею. Вы свободны, Милади, равно какъ и я, до шото времени, когда найду женщину, которая бы любила меня, а не богатство и знатное рожденіе.

„Безъ сомнѣнія Елеонора пригото-
вилась обременить меня своею гордостью
и принять съ презрѣніемъ мои убѣжденія
и прозбы; но была поражена способомъ,
которымъ а самъ подвергся ея отказу.
Желая однако же поранить мое самолю-
біе, она сказала: Графъ Роскелинъ оп-
крыно предложилъ мнѣ свою руку; мо-
жете ли вы думать; чшо бы я опказала

человѣку, который желаетъ раздѣлять со мною свой чинъ и богатство, для другаго окруженнаго тайною и который отказывается даже сдѣлать объясненія, мною желаемого?

„Я этого не думаю, возразилъ я: но помните эту истинну; до тѣхъ поръ пока я буду живъ, Елеонора Стюартъ никогда не будетъ настоящею Графинею Роскелинъ.

„Не въ вашей власти этому воспрепятствовать, развѣ только, когда вы меня здѣсь убьете.

„Я не имѣю такого практическаго намѣренія, отвѣчалъ я смѣясь: не только ваша жизнь въ безопасности отъ меня, но также и будущаго вашего супруга; увѣряю васъ, что я принужденъ былъ биться съ нимъ и похитилъ васъ совершенно противъ моей воли. Надѣюсь, что ни того, ни другаго впередъ со мною не случится.

„Однакожь, сказала она, покраснѣвъ
отъ гнѣва, кажется, что Лордъ Роске-
динъ не оставитъ вашей дерзости безъ
наказанія.

„Какъ ему угодно, Милади; завтра
на разсвѣтѣ я буду имѣть честь возвра-
титъ васъ ему и вашему родителю. Ска-
жите имъ, что я готовъ ихъ удовлетво-
рить, какъ они хотятъ, исключая только
жениться на васъ. Если бы вы объясни-
лись объ эпозѣ при нашей встрѣчѣ по-
упру, то избавили бы меня отъ труда
васъ сюда привозить, а себя, Милади, отъ
неудовольствія провести безпокойную
ночь.

„И не ужели вы думаете, что я про-
веду ее съ похищителями, сказала она,
вскочивъ съ бѣшенствомъ, которые за-
ставляютъ меня всего бояться, а наибо-
лье съ шѣмъ, коего безумная спрасъ,
жопирая ногами священнѣйшія права,
похищаетъ меня при глазахъ родителя,
друзей моихъ и покровителей, какъ не-
исповѣданный разбойникъ.

„Презрѣніе превозмогло мой гнѣвъ, и я опывчалъ съ самою оскорбительною холодностію: почивайте спокойно, прекрасная Елеонора: сонъ свяпыхъ не будетъ почиваемъ болѣе вашего. Ободришесь, прогоните всякое безпокойство; теперь мы находимся въ такой пусынѣ, что вы можете быть спокойны.

„Я не знаю, какое дѣйствіе произвели надъ нею эти слова; гнѣвъ ея казался исчезнувшимъ въ ручьяхъ слезъ, и признаюсь, эти слезы едва не ослабили мое мужество; но собравши всѣ силы, я рѣшился лучше погибнуть, нежели сдѣлаться рабомъ гордости и жадности — я удовольствовался только попросить ее съ холодною учтивостію, успокойтесь и чего-нибудь покушайтесь, и послѣ того отдохните нѣсколько до возвращенія въ Замокъ Валле.

„Наконецъ слезы ея остановились, она казалась успокоившеюся; потомъ сказала мнѣ съ довольною крошестію: не

уже ли вы ничего не припишете обязанности дочери, зависимой отъ отца? Онъ приказалъ мнѣ принять предложеніе Графа Роскелина; а вы, Сент - Клеръ, для чего не сдѣлаете мнѣ объясненія, котораго я у васъ прошу? Еслили вамъ сдѣлали зло, то для чего этого не объявить? Еслили же какія причины вамъ въ томъ препятствуютъ, то онѣ не могушь до меня простираться.

„Нѣтъ, отвѣчалъ я, вы теперь же бы узнали тайну моей судьбы, еслили бы, вмѣсто того чѣмъ обвиняшь, спросили меня о томъ, поступилъ ли бы такъ съ вами? Я не хотѣлъ даже въ Эдинбургѣ вѣрить молвѣ о вашемъ вѣроломствѣ, ни наружностямъ, которыя васъ вчера обвиняли; я думалъ этимъ услужить вамъ и себѣ. Елеонора, наслѣдница престола, или дочь крестьянина, имѣла бы одинакое право на мое сердце: я любилъ ее собственно, а не по знанности рожденія и богатству.

„Нашъ разговоръ былъ продолжительнъ, во все въ одномъ поѣѣ; и хотя я чувствовалъ внутреннее перзаніе; но не показаль его наружно; наконецъ мы распались до ушра.

„Я извѣстиль друзей своихъ обо всемъ, что между нами произошло и о намѣреніи моемъ отвезти по ушру Елеонору назадъ. Они его одобрили; но какъ мы могли всярѣшншь погоню, посланную Лордомъ Роскеллномъ и Сиръ Давидомъ, по Гамильтонъ и Россъ, коихъ владѣнія находились близко, поѣхали, что бы собрать по пятидесяти своихъ вассаловъ для сопровожденія насъ; они скоро возвратились, и все было готово къ ушру.

„Елеонора казалась спокойною и важною; не говоря ни слова, она не много поѣла и сѣла на лошадь, конюрю для нее пригошвили. Я просиль друзей моихъ ѣхать по сторонамъ ее, а самъ предводительствовалъ отрядомъ.“

— Увы, бѣдная Елеонора! прервала Амбруазина: шеперь, Сент-Клеръ, я совершенно увѣрена, что ты никогда ее испинно не любилъ. Любовь легко бы взяла ее спорону въ швоемъ сердцѣ, гдѣ, какъ я вижу, гораздо было болѣе гордостии и самолюбія, нежели искренней любви къ ней. Ты бы просилъ, умолялъ, приходилъ въ бѣшенство, проливалъ слезы, или я очень обманываюсь; она бы не могла тебѣ сопротивляться; но она нашла въ тебѣ только строгаго и неумолимаго судью, копорой не перемѣнилъ своего опредѣленія, произнесеннаго оскорбленною гордостію. Любовь Сент-Клера менѣе имѣешь гордостии; и ешьли бы на ея мѣспѣ была я, то ты послушилъ бы совсѣмъ опличнымъ образомъ. —

„Я шакже думаю, какъ и вы, сказала дю-Бургъ: да и всегда думалъ, что онъ былъ болѣе очарованъ ея прелестями, нежели влюбленъ въ нее, какъ я послѣ и увидѣлъ. Онъ привыкъ къ послушашъ

съ нею, какъ съ избалованнымъ дитяшею, и во все продолженіе этой связи я видѣлъ ихъ ежедневно ссорящимися заничпо и опять легко примиряющимся. Былъ свидѣтелемъ тысячи глупостей, копорыхъ онъ не смѣлъ вамъ повторять; я бы могъ привести ихъ ему на память, и они ушвердили бы васъ въ мысли, что въ немъ было болѣе самолюбія, нежели любви. Елеонора также любила его только за то, что онъ ни въ чемъ не умѣлъ отказать ея капризамъ. Онъ подарилъ четыре тысячи марокъ Сиръ Давиду; но я знаю, что онъ издержалъ вдвое на бархаты, атласы, бриліанты и драгоценныя вещи всякаго рода, чтобы украсить прекрасную Елеонору, которая ничего не прося, знала искусство заставлятъ себя дарить. Если бы прошло такъ еще нѣсколько лѣтъ, то сундуки дяди Моншея сдѣлались бы совершенно пустыми.“

— Я въ этомъ ее не упрекаю, ошѣчалъ Сенш-Клеръ: но неблагородно, Рыцарь,

вспоминашь о глупостяхъ , такъ давно сдѣланныхъ и забытыхъ. —

„Но я забыла, сказала Амбруазина, что бѣдная Елена ѡдетъ печально къ Замку отца своего между двумя Рыцарями, которые вѣроятно не дѣлають ей пріятныхъ предложеній. Продолжай, прошу тебя; скажи, какъ вы были приняты?“

— Ты этого не узнаешь нынѣшнимъ вечеромъ, милая Амбруазина! я и такъ уснать опъ долгаго разсказыванія; прошу тебя подождать до завтра конца моей повѣсти, потому что она очень продолжительна. —

„Хорошо, сказала Амбруазина: музыка усладитъ твои воспоминанія. Рандольфъ, подай мнѣ арфу; Зина, возьми, люшны; успокоимъ душу отца твоего.“

Ей повиновались. Прелестъ ея игры, сладкій и чистый голосъ Зины успокоили любопытство, заславили Сенш - Клера забыть его несчастія и заняли ошашокъ вечера.

Г Л А В А VII.

Въ слѣдующій вечеръ Гандольфъ, копорой болѣе всѣхъ любопытствовалъ знать испорію отца своего, просилъ его продолжать. Онъ согласился, и началъ слѣдующимъ образомъ :

„И такъ мы ѣхали къ Замку Сиръ Давида. Елеонора была сопровождаема по правую и по лѣвую сторону Россомъ и Гамильпономъ, а позади опрядомъ изоспа шридцати вассаловъ. Мы были всѣ верхами, хорошо вооружены, ѣхали шремя линіями, а я съ обнаженнымъ мечемъ, спараясь не оглядывашься на пагубную красавицу, копорую я возвращалъ своему сопернику и желалъ испоргнуть изъ своего сердца.

„Мы вспрѣпились съ шремя малыми опрядами, посланными въ погоню за Елеонорою ; но или опъ шого, что число наше показалось имъ слишкомъ страшнымъ, или видя насъ возвращающимися съ нею къ Замку Уперлону, они

подумали, что все дружески кончилось, пропустили насъ и даже соединились съ нами; опрядъ нашъ имѣлъ тогда видъ маленькаго войска.

„Вечеромъ мы пріѣхали къ Замку, протрубили въ рогъ, воропа пошчасъ ошперлись; я просилъ сказать обо мнѣ Сирю Давиду.

„Онъ пошчасъ вышелъ съ Лади Роскелинъ; Лордъ Жонъ удерживаемъ былъ безъ сомнѣнія раною.

„Сиръ Давидъ, сказалъ я ему: я пришелъ возвратишь вамъ вашу дочь и просишь извиненія въ томъ, что вчера случилось. Я былъ въ заблужденіи и желалъ, чтобы вы позволили вывести меня изъ онаго вашей дочери; не прибѣгая къ насилію, знаю теперь, что мнѣ дѣлать. Возвращаю вамъ ваше слово и ее; она ни въ чемъ не можетъ на меня пожаловаться и сама вамъ это скажетъ.

„Елеонора сошла съ лошади и бросилась въ объятія Сиръ Давида и Лади Роскелинъ.

„Говори, Елена, сказалъ ей отецъ : скажи правду, не была ли ты оскорблена этими похитителями?

„Нѣтъ ; но прибавила она съ огорченіемъ, со мною говорили съ презрѣніемъ и дерзостію ; на меня нападали всеми способами, и она заплакала.

„Вы обижаете меня, прекрасная Елеонора, возразилъ я учтивымъ тономъ : вы осудили меня не выслушавши, а я отвѣтъ своего судю. Если моя дерзость и презрѣніе состоятъ въ томъ, что могу не любить васъ, и это сказать вамъ въ глаза, то я достоинъ осужденія ; но можете ли интересовать гордую Елеонору Стюартъ любовь несчастнаго, не имѣющаго родителей, коихъ бы онъ могъ публично признать ? Я не отказался вамъ ихъ назвать ; а говорить только, чтобы вы спросили объ нихъ у Леди Роскеллинь, и обратясь къ сей последней, сказалъ : я думаю, вы согласитесь со мною. Милади, въ томъ, что

наша исторія не можетъ быть объявлена публично?

„Гнѣвъ Лади Роскелинъ не имѣлъ тогда границъ; она излила его въ ругательствахъ, которыя я слушалъ съ такимъ спокойствіемъ, какъ бы она ихъ и не говорила; когда же она уснула, то я почтительно поклонился ей, говоря: я надеюсь, что вы опадаете мнѣ справедливостъ въ томъ, что я выслушалъ вашу брань какъ должно покорному и почтительному сыну.

„Бездѣльникъ! вскричала она: я скоро заставлю тебя молчать вышнюю властію; я брошусь къ ногамъ Короля Іакова, и буду у него просить правосудія прешивъ тебя.

„А я, Милади, къ снопамъ Государя гораздо вышшаго, нежели Іаковъ, и буду просить не правосудія, а милосердія его къ вамъ за ваше безчеловѣчіе, и чтобы природа возстала въ вашемъ сердцѣ: тогда только вы найдете спокойствіе, коего лишены съ самаго моего ро-

жденія. Что же до васъ касается, Елена, продолжалъ я, оборотившись къ ней, по навсегда васъ покидаю. Я желалъ вывести васъ на щасливый путь и оставляю на пути богатства и почестей; вы предпочли его пошому, кошорый мы должны были проходитьъ вмѣстѣ. Вамъ надобно было, чтобы быль щасливою, вѣшло Графини; а какъ мнѣ не позволено вамъ его поднести, то я уступаю также и это право Лорду Жону безъ малѣйшаго сожалѣнія.

„Окончивъ сіи слова, я поспѣшно вскочилъ на лошадь, и прежде нежели могли мнѣ отвѣчать, оставилъ дворъ Замка, на кошоромъ происходилъ разговоръ.

„Чѣмъ болѣе я старался принимать на себя спокойный и хладнокровный видъ, тѣмъ болѣе чувствовалъ внутренне бѣшенство оскорбленной любви и жажду мщенія. Горячка возгорѣлась въ моихъ жилахъ, и я провелъ пятнадцать дней между

жизнію и смертію ; нѣжныя поличенія друзей моихъ, копорыя ни на минушу меня не покидали, способствовали болѣе, нежели силы молодости къ моему выздоровленію. Пришедши въ себя, я краснѣлъ отъ своей глупости и рѣшилъ не позволить непріятелямъ торжествовать надъ собою, сопровождаемый моими вѣрными друзьями, я поѣхалъ во Францію ; мы пробыли тамъ нѣсколько мѣсяцовъ, и тамъ я сдѣлался нѣсколько спокойнѣе. Я узналъ безъ огорченія, что Елеонора вышла за - мужъ - за моего брата и нашла споль желаемое ею шило Графини Роскелинъ.

„Мы были въ Парижѣ, наслаждаясь удовольствіями этой столицы, и не предвидѣли удара, копорой намъ угрожалъ. Нарочный посланный Сиромъ Александромъ Мак-Грегоромъ извлекъ насъ изъ безопасности ; онъ извѣщалъ насъ, что пресупное обвиненіе было вымышлено ; прошивъ насъ Сиромъ Давидомъ Стуартомъ въ томъ, что насильно похищилъ

дочь его, держали ее цѣлую ночь, въ продолженіи коей хоня она и умѣла сепроштивляясь своимъ пожишишелямъ, чшобы спасти честь свою, но поступали съ нею дерзко, и она претерпѣвала жестокою боязнъ. Мои друзья вмѣстѣ со мною были замѣшаны въ эпномъ обвиненіи за то, чшо подавали мнѣ помощь.

„Другое обвиненіе было еще важнѣе противъ меня одного отъ имени Лади Роскелинъ и ея сына въ шомъ, чшо будто бы имѣя согласіе съ прослымъ челоувѣкомъ прославо народа, по имени МакКреемъ, я сдѣлалъ заговоръ воспользоуваться слабостію Генерала Моншея, довелъ его до того, чшо онъ сдѣлалъ меня наследникомъ своихъ обширныхъ владѣній, обидя родныхъ наследниковъ сеспру его Лади Маріанну Роскелинъ и племянника Лорда Жона Графа Роскелина. Она просила, чшобы завѣщаніе было уничтожено, а мнѣ запрещено подъ строгимъ наказаніемъ носить фамилію, которую я обезчестилъ. Сиръ Александръ еще увѣ-

домлялъ насъ, что мы должны были явиться въ шесть недѣль, чтобы отвѣчать на эти жалобы (при недѣли уже прошли послѣ этого опредѣленія), и если мы не явимся въ означенный срокъ, то наши имѣнія будутъ конфискованы, а мы осуждены на изгнаніе.

„Мы не теряли ни минуты, чтобы возвратиться въ Шотландію и во время еще пріѣхали въ Пертъ, гдѣ была собранъ Парламентъ для сужденія жалобъ, вымышленныхъ противъ насъ.

Мы предстали предъ Королемъ и многими Вельможами, собранными насъ судить. Довольно было покровительства Герцога Албанскаго, чтобы сдѣлать мое оправданіе несправедливымъ; но для моихъ непріятелей этого было еще мало, и я замѣтилъ, что большая часть судей были явные друзья фамиліямъ Роскелина и Стюарта.

, Обвиненіе въ похищеніи, поданное Сирь Давидомъ, было первое, для чего нужно было, чтобы сама Королева пред-

стала лично), бышь прошивъ меня свидѣ-
тельницаю, Лади Роскелинъ также дол-
жна была предспасть; но она ошь шого
отказалась и послала свой голось пись-
менно. Безъ сомнѣнїя она спрашилась
взоровъ и упрековъ сына, въ погибели
коего заклалась.

„Елеонора вошла поддерживаемая ош-
цемъ своимъ и мужемъ. Никогда она не
казалась мнѣ споль прелестною; лещ-
ный шопощъ возспаль въ собранїи, и я
видѣль мое осужденїе въ глазахъ Короля,
съ удивленїемъ усшремленныхъ на пре-
красную обвинишельницу. Онъ просиль
ее ободрись, говоря, что человѣкъ,
ее оскорбившїй, долженъ бышь очень ви-
новашъ, и что ешшли эшо будешъ до-
казано, то она будешъ ошмщена.

„И я шакже ободрился, рѣшившись
ни въ чемъ ей не уступашъ; ибо я слы-
шалъ, что она сама сочинила свою жа-
лобу.

„Глаза Елеоноры не могли выдер-
жашъ выразишельности моихъ взоровъ;

она пошупилась ; шрепешъ объялъ ее ; смершная блѣдность покрыва прекрасное лице. Тогда я отвратилъ ошь нее глаза мои, и сердце мое готово было смягчиться. Опець и мужъ ея шщешно спарались ободришь ее ; она запиналась , и не смотря на ихъ настоянїя и собшвенныя усилїя , едва могла произнесши : „я была похищена силою во время обморока. . . . и удерживаема нѣсколькo часовъ въ уединенномъ домикѣ , будучи жершвою жестокаго безпокойства.

„Не могли заставишь ее сказашь еще что нибудь ; мужъ вывелъ ее изъ залы. Послеъ того были выслушаны и записаны свидѣтельсшва Сирь Давида и людей его, и меня позвали оправдаться.

„Я призналъ справедливосшь дѣла , согласилс . , что увезъ насильно Елеонору на своей лошади ; но извинялъ эшотъ дерзкой поступокъ шѣмъ , что единственная причина онаго была узнашь изъ собшвенныхъ ея усшь , любила ли

она Жона Роскелина ; что будучи помолвленъ съ нею по контракту , подписанному отцемъ ея и по собственному ея желанію , я могъ ласкаться надеждою , что обладаю ея сердцемъ и имѣлъ право быть въ томъ увѣреннымъ ; но съ шой минушы , когда узналъ противное , я оставилъ свои права и возвратилъ ее отцу.

„Чтожь касается до друзей моихъ Росса , Гамильтона , дю - Бурга и Мак-Грегора , то сказала я , они не знали , шакъ какъ и самъ я , что сдѣлаю такой поступокъ , которъй совсѣмъ былъ неумышленный , а шелько скоро принятое намѣреніе . Послѣ упорнаго молчанія Еленоры никто изъ нихъ не помогаль мнѣ въ томъ ; они послѣдовали за мною , когда я ее похитилъ и провозжали , когда я ее возвращаль , и что я прошу по крайней мѣрѣ исключить ихъ изъ обвиненія .

„Одинъ изъ судей возразилъ : что оправданіе мое совсѣмъ не извиняло моего поступка , и ешьяли онъ останешся не

наказаннымъ, что каждый мужчина пещерь себя въ прагѣ пребывая съ насиліемъ объясненія отъ женщины: что друзья мои хопя и не участвовали сами въ этой обидѣ, но покровительствовали ей своимъ присутствіемъ, препятствуя людямъ Сирь Давида идти на помощь къ Госпожѣ своей, и что справедливость требовала наказашь ихъ.

„Чтожь касается до возвращенія Елеоноры къ отцу, онъ приписывалъ это ея добродѣтели и твердости, которыя сдѣлали пщепными всѣ покушенія и заставили похитителей почипашь ее, также и боязни преперпѣшь нападеніе отъ вассаловъ Сирь Давида и Лорда Жона, и заключилъ вопросомъ: не имѣю ли я что еще сказашь? ибо я позванъ былъ шуда прежде произнесенія приговора.

„Хошя я и предвидѣлъ неправосудіе и пристрастіе судей моихъ; но это возраженіе возбудило во мнѣ гнѣвъ, и я ошвѣчалъ съ жаромъ: зная, что все ска-

занное мною въ оправданіе будешь неудачно противъ неправосудія и злоспий моихъ непріятелей, я не хочу упряждать совѣшь бесполезными рѣчами и отдаю это на совѣсть Елеоноры; но прошу васъ замѣнить, что добродѣтель никакой опасности не была подвержена съ моей стороны. Если бы она меня любила, какъ клялась мнѣ, то въ шопъ же вечеръ сдѣлалась моею супругою; но какъ вышло прошивное, то я пересталъ любить предметъ, который не могъ почитать.

„Насъ выслали, и послѣ многихъ споровъ совѣшь опредѣлилъ наказаніе за наше пресступленіе, и насъ опять ввели. Мнѣ сказали, что вразсужденіи надежды, которую мнѣ подалъ Сиръ Давидъ и дочь его, и моей поспѣшности возвратишь ее къ опцу, меня не почили похищелемъ и щадили жизнь мою; но я былъ осужденъ для наказанія опказаться опъ полученія четырехъ тысячъ марокъ, которыя я заплашилъ за Сиръ Давида и

еще опдать шесть сотъ, а мои товарищи должны были заплашишь штрафъ по сту марокъ каждый.

„Таково было рѣшеніе перваго обвиненія. Второе же, которое производилось на другой день, касалось одного меня; но вѣрныя друзья мои не хотѣли меня оставишь и были при мнѣ, сколько имъ было возможно.

„Лади Роскелинъ машь моя, попому чшо надо дашь эшо названіе, коего она не заслуживаешъ опъ меня, имѣла невѣроятную швердосшь предсташъ пропивъ меня свидѣтельницаю. Она повторила все, о чемъ извѣстилъ меня Сиръ Александръ, чшо по преступному злоумышленію между мною, Мак-Креемъ и ея горничною дѣвкою Капи, я вкрался въ милосшь Генерала и безъ сомнѣнія заставилъ слабаго и оболъщеннаго старика написашъ завѣщаніе, въ которомъ я названъ наследникомъ въ обиду сеспры покойнаго и племянника Лорда Роскелина.

„Но виновная совѣсть слышитъ свой гласъ! Во все продолженіе рѣчи глаза ея были опущены, величавое лице ея было печально, блѣдность его и дрожащій ея голосъ довольно показывали сраженіе, въ ней происходившее; она остерегалась говорить о моемъ мнимомъ обманѣ врасужденіи рожденія. Этого - то я опять не ожидалъ; но все, что она сказала, не имѣло къ тому ни малѣйшаго отношенія; казалось, она сама вѣрила, что Генераль приказалъ свое имѣніе сыну Мак-Креву.

„Жонъ Вдскалинъ былъ эхомъ своей матери; но онъ болѣе имѣлъ твердости, потому что совершенно вѣрилъ тому, о чемъ говорили. Я распечалъ, говорилъ онъ, имѣніе его дяди и безчестилъ по влупками, подобными тому, за который меня вчера осудили, имя до того времени почтенное.

„Въ отвѣтъ на это обвиненіе я пожелъ себя свободнымъ объявить тогда же, что я зналъ, о своемъ рожденіи. При

первыхъ словахъ, которыми я показала
эпоу намѣреніе, дѣи Роскелинъ прервала
меня, сказавъ Королю: что будучи увѣ-
рена во лжи, которую я хотѣлъ выго-
ворить, она просила позволеніе выдти;
ибо достоинство ея полу и характера
не позволяли ей слушать объ этомъ пред-
метѣ, о коемъ даже и помышленіе по-
крывало ее стыдомъ. Король согласился,
и она вышла изъ залы совѣта въ смущен-
ніи, которое приписали ея великой доб-
родѣтели. Разгнѣваннымъ голосомъ Ко-
роль велѣлъ мнѣ продолжашь.

Я повиновался, утверждалъ, что
былъ старшій сынъ Лорда и Леди Роске-
линъ, рожденный прежде ихъ брака и
признаваемый законами (*) со времени
ихъ брака; представилъ въ доказатель-

(*) По законамъ Шотландскимъ дѣти, рожден-
ныя не въ бракѣ, и считающіяся незаконнорожден-
ными, или дѣтьми природы, естли отецъ
и мать ихъ не обвѣчаютъ; но естли они
вступятъ въ бракъ, то дѣтя, которое они

ство свидѣтельства отца Томаса и клятвы на святомъ крестѣ, подписанныя Мак - Креемъ и его женою. Привязанность ко мнѣ Генерала была засвидѣтельствована моими друзьями; но ничто не было въ состояніи поколебать славу целомудренности Лади Роскелинъ; клятвы Мак - Крея и жены его сочтены были ложными и составленными, чтобы обмануть Генерала и отца Томаса, копрого не осмѣлились обвинить въ злоумышленіи, называли введеннымъ въ заблужденіе. Однимъ словомъ, я осужденъ былъ возвратить все, что отказалъ мнѣ Генераль Моншей, оставишь его имя и

прежде имѣли, симъ дѣйствіемъ признается законнымъ безъ всякой другой церемоніи; естли дитя мужескаго полу, по пользуется правомъ наслѣдства имѣнія и нишла своего отца и не допускаетъ до онаго сыновей, рожденныхъ послѣ брака, лишь бы только обѣ половины были свободны обвѣнчаться послѣ его рожденія. (Эрскинъ, исполкованіе Шотландскихъ законовъ.)

быть изгнаннымъ на всю жизнь мою на одинъ изъ сѣверныхъ острововъ.“

Негодование Рандольфа при повѣствованіи неправосудія, оказанномъ отцу его, не имѣло границъ; онъ не могъ его болѣе удерживать, и вскочивши съ бѣшенствомъ, сказалъ: „Пусть спыдъ и несчастіе будутъ навсегда моимъ удѣломъ, естли я не буду преслѣдовать Лорда Роскелина какъ фурию, мстящую за честь моего отца. Братья мои Жамесь и юный Сент - Клеръ переживушь меня, естли я погибну въ эпомъ предпріятіи; они раздѣлять мои чувства, мое бѣшенство и желаніе къ мщенію; они также будутъ умѣть опомнись за своего оскорбленнаго родителя, или умереть.“

Хотя Моншей очень былъ шронупъ привязанностію Рандольфа и доволенъ его мужествомъ, однако же опвѣчалъ ему швердымъ и важнымъ голосомъ: „Благодарю тебя, Рандольфъ, за швое учасшіе въ моей пользѣ и сыновнюю лю-

бовъ; но выслушай меня, объявляю тебѣ: естли ты покусишься на жизнь Лорда Роскелина, то я проклянѹ тебя.“

Рандольфъ запрепешалъ и ничего не отвѣчая, посмотрѣлъ на Моншея съ удивленіемъ.

„Вспомни, оказалъ Сент-Клеръ съ кротоспїю, что онъ мнѣ братъ; что одна кровь течетъ въ нашихъ жилахъ; что мы имѣемъ одну мать, и не смотря на ее въ томъ признаніе, одна грудь насъ сохраняла, и будь увѣренъ, что придетъ время, когда она сама принуждена будешь это признаніе и отдашь мнѣ справедливостъ. Мое имѣніе уже мнѣ возвращено, также и драгоценная фамиля моего дяди, и я не сомнѣваюсь, чтобы рожденіе мое не было также признано. И такъ, сынъ мой, укрепи свой гнѣвъ, будь всегда остороженъ въ первомъ движеніи; ты слышалъ, сколько зла причинилъ я самому себѣ этою опрометчивостію характера, которая увле-

кала: меня, не давая мнѣ времени подумать.
нашь.“

— Простите меня, сказалъ ему
Вандольфъ: но кпѣ можете любить своего
родителя, какъ я люблю? почитаютъ,
какъ я почитаютъ? и перенести такое
притѣвленіе и поненія споль безчеловѣч-
ныя? —

„Еще благодарю тебя, мой милый
другъ! Если я несчастный сынъ, по
природе захотѣла вознаградишь меня,
сдѣлавши несчастливѣйшимъ спцемъ; поно-
му что Вандольфъ есть для меня наилуч-
шій сынъ, и я не могу его иначе почи-
тать! Но онъ судить съ жаромъ
молодости, а я съ хладнокровіемъ зрѣ-
лыхъ лѣтъ и самъ извиняю своихъ не-
пріятелей. Леди Роскединъ есть жертва
своей гордости и перваго поступка, не
видя меня въ шу минушу, когда первый
крикъ дичаши заставляешь споль живо
чувствовать благополучіе бышь матерью,
имѣя опъ меня шолько гореснъ и сподъ
ж не слѣдуя за мною въ дѣтство, она

не научила сердца своего любить меня. Нѣжностъ ея къ моему брату доказываетъ мнѣ, что она имѣетъ маперинское сердце; и я бы это испыталъ, если бы родился въ то время, когда она могла призвать меня. Теперь я чувствую все, чего ей стоило, когда дядя мой спросилъ ее объ этомъ. Это было тогда усиліе выше человѣчества и нечувствительностъ къ невинному сыну. Каждый годъ зло, мнѣ причиняемое, дѣлало это признаніе труднѣйшимъ, и я также имѣю свои горести; вы можете объ нихъ судить по моей повѣсти, гдѣ я ничего не скрылъ. Имя мапери есть драгоцѣнно и священно, и не смотря на ея несправедливости, я долженъ бы былъ вспомнить, что одолженъ ей жизнию и ее почитать; но я презиралъ, возбуждалъ гнѣвъ ея и теперь упрекаю себя въ томъ; рассуждая хладнокровно ея безпокойства, смущеніе и молчаніе, часто показывали мнѣ сраженіе ея сердца.

Вспомни, Амбруазина, сцену въ церкви, состояніе, въ которомъ она была, когда я упрекалъ ее въ своихъ несчастіяхъ; она даже не помышляла тогда въ нихъ заперешся, и я узналъ опть ея невѣстки, что съ той минутой жизнь ея прошекаеть въ иерзаніи совѣсти и покаяніи, и что она оиказалась соединиться съ ними, когда они пошли просить у Короля войска, чтобы схватилиъ изгнанниковъ. Можеть быть, сказалъ онъ съ жаромъ, можеть быть Небо уже возвратило мнѣ мать! Но безъ сомнѣнія она спрашится, объявивши это, опнятъ у брата моего право рожденія; она не можеть читать въ моемъ сердцѣ и должна думать, что я жажду мщенія.

„Что же касается до Лорда Жона, я еще менѣ имѣю причинъ на него жаловаться. Естли онъ почиалъ меня обманщикомъ (онъ долженъ шакъ думать), то и долженъ былъ поступать со мною какъ съ шакимъ. Я сожалѣю о немъ, но

не порицаю его. Увы! онъ гораздо меня несчастнѣе: онъ супругъ Елеоноры! . . . Но я хочу окончить повѣсть о моемъ изгнаніи. И пустьъ я имѣлъ еще горести—слѣдствія пылкости моего характера.

„Лишь только приговоръ былъ произнесенъ, то мнѣ приказано было отдашь мою шпагу (какъ я пришелъ охотно, то у меня ее не взяли). Былъ обезоруженнымъ мнѣ показалось обидою, кою которой не должно было подвергаться. Эшопъ мечъ, сказалъ я съ жаромъ, есть шопъ, кою которой принадлежишь драгоцѣнному и почтенному моему дядѣ, храброму Генералу Монтею, и я никогда съ нимъ не разстанусь!

„Отдай швой мечъ, повпорилъ Король. Если онъ принадлежишь Генералу Монтею, то шеперь принадлежишь Графу Роскелину, и я повелѣваю шебѣ его отдашь.

„Жонъ Роскелинъ подошелъ ко мнѣ съ торжеспвующимъ видомъ, копорый совершенно привелъ меня въ изспупленіе;

я не далъ себѣ времени подумать, бѣшенство овладѣло мною, и когда бы это былъ самъ Король, то, думаю, я по же би и съ нимъ сдѣлалъ. Я схватилъ Лорда Роскеллина и отшполкнулъ его далеко отъ себя съ жестокостью. Подлецъ! вскричалъ я, не довольно ли для тебя того, что ты у меня отнимаешь? Единственное поношеніе въ моей жизни есть, что я одной съ тобою крови! Вотъ мечъ Моншея! вскричалъ я, обнаживъ его; но знай, что прежде надобно отнять у меня жизнь, нежели его!

„Увы! мое безсильное бѣшенство послужило только къ завлеченію друзей въ мое несчастіе! Мой обнаженный мечъ показался имъ сигналомъ подражанья мнѣ; ихъ мечи были обнажены въ ту же минуту, и зала правосудія сдѣлалась мѣстомъ смятенія: придворные, судьи, всѣ окружили Короля, какъ бы желая защитить его отъ нашего нападенія. Крикъ: измена! измена! раздавался со всѣхъ сторонъ, даже внѣ Дворца.

„Ошрядъ шѣлохранишелей вошелъ съ Сиромъ Дунканомъ Кейпомъ, Капитаномъ Королевской гвардіи. Эшотъ почтенной воинъ служиль подѣ предводительствомъ моего дяди, и я ему корешко былъ знакомъ. Солдаты его окружил насъ; намъ приказано было опдать оружіе; но мы опказались опъ повиновенія. Никогда, никогда! вскричалъ я, воспитанникъ храбраго Моншея не опдастъ меча своего по повелѣнію ширана! Если ли бы я сдѣлалъ такой недосшойный поешупокъ, шо самъ показалъ бы, что я не его крови и не долженъ носить его имени! Никогда не покину я имени Моншея! Чшо же касается до имени Роскелина, шо какое бы я ни имѣлъ право носить его, шо опказываюсь опъ него, ѣ ирешу лучше имя Мак-Крея, если ли я долженъ, называясь Роскелиномъ, походить на шѣхъ, которые шакъ называются!

„Крикъ: *отдайте ваше оружіе!* былъ повторень; но мы настояли, что скерѣе умремъ, нежели опдадимъ.

„Всѣ солдаты служили подѣ нашимъ предводительствомъ и любили насъ, и хотя принуждены были окружить насъ, но ничего противъ насъ не принимали. Сиръ Дунканъ Кейпъ подошелъ къ Королю и говорилъ съ нимъ тихимъ голосомъ, но съ важностію. Король послѣ минушнаго размышленія отвѣчалъ ему: дѣлайте, какъ хотите; можешь быть вы говорите правду.

„Тогда Сиръ Дунканъ оборотился къ намъ и сказалъ: я сожалею, что люди, которыхъ я видѣлъ всегда привязанными къ опеческу и Государю, имѣющъ прибѣжище къ столь опаснымъ средствамъ. Васъ только пятеро, и если бы Король повелѣлъ, то вы тотчасъ были бы лишены жизни. Въ вашей безумной гордости вы хотите лучше потерять ее, нежели повиняться повелѣніямъ вашего Государя. Чтожь до меня касается, то будучи старый солдатъ Шотландской арміи, я первый хочу подать примѣръ къ миру; я отдаю мой мечъ и при-

казываю своимъ солдапамъ сдѣлать то же. Сказавши это, Сиръ Дунканъ вложилъ мечъ свой въ ножны; солдапы последовали его примѣру и всѣ положили мечи свои на большой споль. Я и друзья мои то же сдѣлали и переспали сопропавляясь. Тогда насъ опдали Сиръ Дункану и его солдапамъ.

„Все Государство, узнавши объ этомъ произшествіи и нашемъ дерзкомъ поступкѣ, ожидало, что мы погибнемъ на эшафотѣ. И въ самомъ дѣлѣ Іаковъ Хопфль насъ осудилъ на смерть; но благоразуміе его Министровъ отшватило это намѣреніе: они спрашились кровопролитія, которое непременно бы за тѣмъ последовало; ибо друзья мои были изъ первыхъ фамилій въ Шотландіи, и дали почувствовать Королю, что здравая политика требовала пощадить насъ.

„Послѣ продолжительныхъ разсужденій мы были приговорены всѣ пятеро къ изгнанію на островъ Барру. Твой крепкій онецъ, Рандольфъ, Мак - Грегоръ

былъ въ это время въ опсущствіи, безъ чего конечно попалъ бы и онъ въ число изгнанниковъ.

„Намъ было объявлено, что насъ погнущь буншовщиками, еспъли мы покусимся выдти изъ мѣсна нашего изгнанія; но какъ меня хотѣли наказатъ сильнѣе, то мое имѣніе было конфисковано.

„Многочисленная стража проводила насъ въ назначенное мѣсто въ башню Мак - Леода; мы нашли тамъ гарнизонъ изъ двенадцати человекъ, пославленный шамъ, чтобы стеречь насъ.

„Провожатые, привезши насъ туда, уѣхали назадъ. Едва пробыли мы одну недѣлю въ крѣпости, какъ всѣ наши прежніе военные товарищи и друзья пріѣхали со всѣхъ сторонъ, предлагая намъ свои услуги и проклиная нашихъ угнущенителей. Какъ стража была распосжена прошивъ насъ, то мы съ помощію нашихъ посѣтителей принудили ее къ молчанію, обезоружили, и посадивши на судно, отправили въ Шотландію.

„Послѣ того мы жили очень спокойно около года, не получая никакихъ извѣстій. Въ это время посылали въ намъ справки гораздо многочисленнѣе; но мы отдавались опять все такимъ же образомъ, и заставили ихъ отвезти слѣдующее посланіе: что естли насъ оставяши свободными, то мы будемъ жить спокойно; но что мы рѣшились не имѣть за собою присмотрщиковъ и начальниковъ.

„Еще были усилія покорить насъ, но никогда не сопровождались успѣхомъ. Наконецъ ихъ прекратили и насъ оставили въ покой. Вошь, любезные друзья, окончаніе моея исторіи до того времени, какъ я увидѣлъ мою Амбруазину.“

Г Л А В А VIII.

Въ слѣдующій вечеръ рассказалъ дѣшамъ своимъ исторію любви своей къ Амбруазинѣ въ выраженіяхъ столь спра-

сильныхъ , какъ бы рассказывалъ это въ первые мѣсяцы своего брака. „Брильянты, которые привезла мнѣ милая Амбрузина, сказали оны, оставались въ Замкѣ Моншей. Елеонора, которой я ихъ назначилъ, когда думалъ, что она будетъ моею супругою, завладѣла ими; милая Амбрузина перемѣнила ихъ на свои и привезла мнѣ, что истинно есть для меня сокровищемъ, потому что она подала мнѣ случай узнать себя.

„Раззореніе моихъ земель и Замка очень велики. Я обещаю вамъ, милые дѣти, попеченіе ихъ исправить; однако же не теряю надежды и самъ когда-нибудь самъ работать. Время, или какое непредвидимое происшествіе, могутъ перемѣнить мой жребій. Рандольфъ! я одолженъ тебѣ жизнь; но можешь быть я буду также одолженъ тебѣ и своимъ возвращеніемъ. Такъ! я ласкаюсь надеждою, что проведу дни моей старости въ жилищѣ моего возлюбленнаго дяди, —

намъ, гдѣ онъ находилъ удовольствіе руководствовашь мою молодосишь, и мой прахъ будешь лежать возлѣ его праха!“

Онъ продолжалъ повторять каждое произшествіе своей жизни до того времени, какъ другъ его Жамесь Россъ и онъ сдѣлались плѣнниками, и шунъ умножилось вниманіе всѣхъ слушателей.

„Дѣло, приведшее насъ въ Бенбекулу, сказалъ онъ имъ, было окончано. Мы сѣли на судно, чѣмъ возвратиться въ Барру; насъ было только четверо на маленькомъ суднѣ — другъ мой, я и два рыбака оспровишянина, которыхъ мы наняли, чѣмъ возвратиться на любезный островъ, заключающій все, что я люблю и куда я спѣшилъ прѣхать. Мы еще недалеко отъѣхали отъ Бенбекулы, какъ примѣтили судно съ Дапскимъ флагомъ, которое подходило къ намъ. Это было шонге, которое мы видали прошедшаго дня съ противоположнаго берега. Хотя вѣтеръ былъ попутной, но оно, казалось, едва двигалось и

приближалось къ намъ медленно. Когда мы были, уже близко, то примѣтили на немъ чрезвычайной безпорядокъ и замѣшательство; наши матросы спросили пому причину. Имъ отвѣчали, что у нихъ сдѣлалась на суднѣ печь и что какъ они не имѣють достаточнаго числа людей для качанія насоса, то вода безпрестанно прибываетъ и угрожаетъ имъ попопленіемъ. Они испрашивали нашей помощи и надѣялись, что съ ней скоро прекратяшъ зло и будущъ внѣ опасности.

„Права челоѵколюбія въ такомъ крайнемъ случаѣ были столь сильны, что мы не могли отказашься. Россъ, я и одинъ островитяинъ взошли на палубу Датскаго судна, оставивши мечи наши въ своемъ суднѣ, не имѣя никакого подозрѣнія, и думая, что они только будущъ мѣшаютъ намъ въ работѣ. Двое Датчанъ свели насъ въ пріюмъ, гдѣ была, по словамъ ихъ, печь; но едва мы вошли во внутренность, какъ были

окружены десятию вооруженными людьми, которые насъ остановили и сказали, что мы были ихъ плѣнники. Сиръ Жамесъ и я поспѣшь извлекли кинжалы, бывшіе у насъ за поясомъ, и ранили прехъ изъ нанаданскихъ на насъ; но мы скоро принуждены были усюупить числу и насъ обезоружили. Такимъ образомъ, милый Рандольфъ, я потерялъ кинжалъ своего крестьянаго ошпа, копорой причинилъ себѣ столько безпокойствъ.

„Взбѣсившись до глупости, я спрашивалъ о причинѣ столь гнусной измѣны; но бездѣльники избѣгали отвѣта и не отвѣчали ни на одинъ изъ моихъ вопросовъ, а говорили только, что мнѣ не сдѣлано будетъ никакого вреда, лишь бы только они не принуждены были опъ сопротивленія нашего лишиться насъ свободы.

, Они оставили насъ подъ стражею шестий человекъ въ каютѣ, а между нѣмъ прочіе засадили островишянина, оставившагося на маломъ суднѣ, войши

въ Датское. Мы скоро были уведомлены начальникомъ эшихъ разбойниковъ, кошараго, какъ я послѣ узналъ, звали Мак-Лелланомъ, что насъ назначили въ различныя мѣста. Сирь Жамесъ съ проводниками судна, кошорые были Датчане, долженъ былъ ѣхать въ Данію, а я съ шестью бездѣльниками Шотландцами долженъ былъ выдти въ Арднамурханѣ. Прежде нежели я узналъ разлуку, не имѣлъ ни малѣйшаго подозрѣнія, чшобъ Роскелины участвовали въ этомъ вѣроломствѣ; но тогда я проникъ эту шайну, и не сомнѣвался, чшобъ убійство, или вѣчное заключеніе не были моимъ удѣломъ.

„Сопрошивленіе и жалобы были бесполезны; надобно было уступить силѣ. Будучи увѣренъ, что это дѣло до одного меня касается, я надѣялся, что Россъ не замедлитъ возвратиться въ Барру, и поручилъ ему жену свою и дѣтей. Мы обнялись съ расшерзаннымъ сердцемъ и разошались.

„Меня пересадили на наше малое судно; Датчане оспались на своемъ съ Россомъ; они скоро пошли въ открытое море, а между тѣмъ я съ шестью моими ужасными спражами прѣѣхалъ въ гавань Арднамурханъ. Едва только мы вышли на берегъ, какъ спражи помѣстили меня посреди себя. Мы прошли нѣсколько миль по необработанной и необитаемой землѣ, гдѣ никого не встрѣчались, и остановились наконецъ передъ домикомъ или шалашомъ Мак-Леллана, гдѣ ты провелъ ночь, малый Рандольфъ. Мы нашли тамъ шаруху и еще двухъ разбойниковъ изъ шайки Мак-Леллана.

„Я былъ опиведень и запертъ въ худую комнату, гдѣ приготовили кушанье, и оставленъ одинъ. Не было никакого средства уйти; мои спражи были раздѣлены: одни спояли на дворѣ подлѣ двери, другіе полъ окномъ, и они часто смѣнялись; а въ другой комнатѣ они предавались оскорбительному веселію,

возбуждаемому виномъ и торжествомъ • полученной добычѣ. Шумъ продолжался нѣсколько часовъ, и я узналъ по словамъ ихъ, что они были изъ шанки разбсиниковъ, извѣстныхъ въ горахъ подъ именемъ. *Каттаринобъ.*

„Вечеромъ я услышалъ, что Мак-Лелланъ хотѣлъ идти: онъ приказывалъ имъ тщательно сперечь меня, напоминая также и объ обѣщанной имъ наградѣ, которую они точно заслужили, ибо я на минушу не оспаривалъ своихъ мѣстъ. Мак-Лелланъ возвратился рано по утру, и я понялъ, что меня поведутъ въ слѣдующую ночь.

„Въ продолженіи дня Мак-Лелланъ многократно входилъ въ мою комнату, чтобы увѣриться, былъ ли я шамъ и не предпринималъ ли какихъ нибудь средствъ къ побѣгу. Во время сихъ посѣщеній я старался подкупить его обѣщаніями и золотомъ, кошораго они у меня не отня-

ли ; но онъ опзвергъ все, и я принужденъ былъ покориться своей участи.

„Вечеромъ я вышелъ изъ домика, будучи окруженъ шестью разбойниками, и около полуночи мы пришли къ споль знакомому Замку Уперлону. Тогда я почелъ себя погибшимъ ; это уединенное мѣсто, казалось, покровительствовало пресупленію ; Господа его были способны къ тому и дышали только мщеніемъ. Я не сомнѣвался, чтобъ это жилище, принадлежавшее по смерти Сиръ-Давида Елеоноръ, не было назначено для меня шемницею, или мѣстомъ смерти.

„Входя въ него, я видѣлъ только стараго приврашника. Мак-Лелланъ оставилъ насъ на нѣсколько минутъ ; послѣ того взялъ онъ меня и повелъ въ большую залу, копорая шакъ мнѣ была знакома. Я ожидалъ, что найду шамъ всю фамилію ; но, къ удивленію, увидѣлъ одну Графиню.

„Хотя много уже лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ я ее не видалъ, но на

шель ее еще очаровательнѣе; она была прекраснѣе, но въ ея физіономіи и обращеніи не было ни малѣйшаго признака той невинности и простоты, которыя очаровали мое сердце: поступки ея были горды и надмѣнны.

„Выраженіе глазъ ея наилучшее, какое только можно вообразить, были смѣлосць и презрѣніе; совершеннѣйшая правильность лица ея еще существовала во всемъ своемъ блескѣ, какъ тонкость и бѣлизна кожи; но однакожь можно было примѣтить слѣды пылкихъ страстей, которыя безпрестанно ею владѣли; физіономія ея ежеминутно перемѣнялась; но когда она принимала нѣжный видъ, то была еще шѣмъ, что можно назвать прекраснѣйшимъ. Когда мы вошли, то она приказала удалиться спрѣжѣ моей, разсмапривала меня нѣсколько времени, и тогда глаза ея выражали злобную радость.

„Возможно ли! сказала она, не уже ли Сент-Клера имѣю я въ своей власти?

Мужественный, непобѣдимый Сент-Клеръ, насмѣхающійся надъ Королевскою властію и презирающій его войсками, позволилъ женщинѣ побѣдить себя! Теперь моя очередь — я могу удовлетворить моему мщенію, и ты не долженъ надѣяться съ моей стороны никакого помилованія.

„Я не надѣюсь и не прошу его, возразилъ я, и хочу лучше погибнуть, нежели получишь опъ себя хотя малѣйшую милость.

„Какъ! сказала она съ горькою усмѣшкою, даже изъ любви къ наслѣдницѣ Киншала? Ты не хочешь спасти жизни обожаемаго супруга небесной Амбруазины, наилучшей и обожаемой женщины?

„Оспановись, сказалъ я ей, и почишай добродѣтели, о коихъ ты не имѣешь ни малѣйшаго понятія. Для моей обожаемой Амбруазины, какъ ты справедливо назвала ее, для нее, которая дороже мнѣ жизни, я пожертвую всѣмъ, кромѣ чести; но честь и ты не малѣйше не похожи другъ на друга; должно

поперяшь ее, ешьли просишь у себя помилованія и получишь его.

„Она вспала и движенія ея выражали бѣшенство. Безумный! сказала она: ты забылъ, что находишься въ моей власти? Трепещи! и не заспавь меня употребишь ее. Будь по крайней мѣрѣ благоразуменъ; не возбуждай гнѣва оскорбленной женщины, которая бы должна была дышать однимъ мщеніемъ.

„Мочи! Ешьли эшо за мое презрѣніе, то никогда я не былъ достойнѣе твоего мщенія! Чшо ты медлишь? Псзови гнусныхъ своихъ сообщниковъ; они достойны тебя! Но гдѣ твой мужъ Жонъ Роскелинъ и свекровь? Не уже ли они удостоили тебя одну чести быть моею пюремницею?

„Ни Жонъ Роскелинъ, ни швоя цѣломудренная машушка не имѣють ни малѣйшаго участія въ эшомъ предпріятіи, сказала она съ гордостію: эшо я — я одна его исполнила и горжусь шѣмъ. Тысячу разъ слыша, какъ они желали

имѣшь въ своей власти Монтея ; я нашла къ тому средство и его исполнила !

„Это средство тебѣ легко : ибо оно есть обманъ и подлость. Но что ты хочешь со мною дѣлать ?

„Я еще не рѣшилась ; это будетъ зависѣть отъ тебя. . . Можешь быть я употреблю только убѣжденія . . . а можешь быть также . . . Наконецъ всѣ средства дозволены для спасенія жизни, и я рѣшилась умереть, или привесть ихъ въ исполненіе. Надобно было употребить хитрость противъ человека, котораго не лзя открыто побѣдиги. Робкій охотникъ никогда не нападаетъ на льва, но иногда удается ему поймать его сѣтями, или западнейю.

„Мы долгое время разговаривали въ такомъ тонѣ ; она безпрестанно переходила отъ бѣшенства къ насмѣшкамъ и даже къ веселію, которое скоро уступало слезамъ, и она упирала ихъ съ досадою ; или къ нѣжнымъ выраженіямъ, коимъ предшествовали или слѣдовали

ругательства; я обременялъ ее презрѣніемъ. Окончаніе этого скучнаго разговора было умноженіе съ обѣихъ сторонъ огорченія; наконецъ она встала, отворила дверь и позвала Мак-Леллана, который тотчасъ пришелъ. Я ему былъ опиданъ; онъ отвелъ меня въ башню, заперъ и приставилъ спражу!

„Въ продолженіи того времени, какъ я былъ плѣнникомъ, часто видѣлъ и Графиню. Моя пища была хорошо изготовлена; я иногда подозрѣвалъ, чтобы кушанья, пригошовленные къ возбужденію аппетита, не были оправлены. Послѣ это подозрѣніе изчезло; но неизвѣстность моего жребія, душевное безпокойство, опиданіе отъ жены, дѣтей и друзей моихъ . . . неудобства заключенія, разстроивали мое здоровье, и скоро бы привели меня къ смерти, ежелибъ Небо не послало себя ко мнѣ на помощь, милый Рандольфъ!

„Я зналъ, что Мак-Лелланъ былъ въ опиданствѣ цѣлую ночь, и въ рошное

это была та, которую провель у него Рандольфъ. Вы знаете всѣ подробности моего освобожденія изъ башни, и такъ мнѣ нечего болѣе говорить вамъ. Я заключу, сказавши, что хотя урокъ, мною полученный, и жестокъ, но будетъ полезенъ на грядущее время; я не спану болѣе дѣйствовать не размышляя. Теперь вы знаете всю мою жизнь, какъ самъ я.“

„Благодарю васъ, любезный родитель, сказалъ Рандольфъ, кошорой удивился, что Сени-Клеръ не имѣеть ничего болѣе сказать: я не понимаю, какія были намѣренія Графини: естли убійство, то для чего она его оплагала. Не вѣроятно, чтобы она не увѣдомила своего мужа и мать его объ этомъ важномъ плѣнѣ.“

— Съ давнихъ временъ, сказалъ Моншей сѣвась, признано, что шайны женщины непроницаемы. И такъ мы тщетно ищемъ открыть цѣль ея шайны; можеть быть и сама она ее не знала. —

„Благодареніе Богу и доброй Маріи, она не успѣла въ своемъ предпріятіи, возразилъ Рандольфъ: я долженъ признаться, любезный родителъ, что безъ этой дѣвушки всѣ бы мои спаранія были безтолезны; я ее не забуду во всю мою жизнь, и съ удовольствіемъ возвращусь въ это ненавистное жилище, чтобы избавить бѣдную Марію отъ злости Графининой.“

— Ты много одолженъ этой дѣвицѣ, сказала Моншей: она пожалѣла тебѣ и выпросила позволеніе пустить тебѣ въ Замокъ; помогала тебѣ въ продолженіи своей болѣзни отъ раны, и я не удивляюсь, если бы вы имѣли взаимную довѣренность. —

„Ахъ! сказалъ Рандольфъ съ жаромъ, какъ не буду я нѣжно любить ее, коюрой я одолженъ шѣмъ, что насель моего родителя.“

— Не шали это, сказалъ съ пренебреженіемъ дю-Бургъ, маленькая дѣвушка среднихъ лѣтъ, нѣсколько кривая, и

чрезвычайно безобразная, которую я видѣла, проходя чрезъ дворъ. —

„Совсѣмъ нѣтъ! возразилъ съ живою епію Рандольфъ: та, которую вы видѣли, есть дочь стараго привращика; Марія почти мнѣ ровѣспница, и лице ея почти столь же прекрасно, какъ и Зины.“

Зина покраснѣла. — И такъ ты ее страшно любишь? сказала она пономъ упрека, и желаешь возвратиться для нее въ этою ужасный Замокъ, чтобы привести ее сюда? —

„Милая Зина! опвѣчалъ онъ съ просердечіемъ: не долженъ ли я все дѣлать для той, которой я одолженъ болѣе, нежели жизнью. (Взглянувъ на Монсея) Безъ нее былъ ли бы я теперь подлѣ моей Зины?“

— Ахъ! сказала Зина, еще болѣе покраснѣвъ: ты имѣешь причину любить ее, и я бы также желала вѣхашъ для того, чтобы привести ее сюда и любить какъ сестру; но прошу тебя, не люби

ее больше твоей Зины, которая ничего для тебя не желала. —

„Невозможно, чтобы я любил что-нибудь больше Зины, отпечаль Рандольфъ, обнявъ ее, и нѣтъ ничего крѣпче нашего союза крови!“

— Такъ, сказалъ дю-Бургъ, улыбаясь злобно, союза природы. —

„Не все ли это равно?“ спросилъ Рандольфъ.

— Не совсѣмъ, сказалъ Рыцарь: но прошу тебя, милый Рандольфъ, оставь свои предпріянія спрансвующаго Рыцарства; на этошь годъ мы и шо имѣемъ много безпокойствъ: гордая Графиня очень можетъ, чтобы наказать Марию и тебя, запереть вмѣстѣ въ башню, а Зина не шакъ смѣла, чтобы освободить васъ. . . . Шупки въ сторону, пы даль этой дѣвушкѣ средства отойти отъ Графини; и шакъ оставь шеперь это дѣло и не бѣгай отъ насъ. —

„Я вамъ обѣщаю, сказалъ Рандольфъ: но я не забываю своихъ обязанностей и торю нестерпнѣемъ вознаграждать ее. . . .“

— Какимъ образомъ? — спросилъ Рыцарь.

Рандольфъ остановился. „Я самъ не знаю; я бы желалъ наградишь ее по заслугамъ, желалъ бы видѣть добрую Марию свободною отъ всѣхъ опасностей и щасливою.“

— Въ объятіяхъ мужа ея достойнаго? — сказала дю-Бургъ.

„Я никогда объ этомъ не думалъ, ошвѣчалъ Рандольфъ: но дай Богъ, чпобы она нашла мужа, который бы соспавиль ея щасшіе, какъ я шого желаю.“

— О, охотно! сказала Рыцарь: ештли таковы швои желанія, и ты говоришь чпшосердечно, шо мы оставимъ швое рыцарство. —

„Въ самомъ дѣлѣ, Рыцарь! я не понимаю васъ.“

— Я думаю, сказала Амбруазина смѣясь, чшо онъ самъ себя не понимаетъ. —

„Время прекрасное, сказала она, подошедъ къ окну: я совѣшую вамъ, ми-

лыя дѣти, прогуляться по берегу и насладишься этимъ прекраснымъ вечеромъ.“
Зина и Рандольфъ не заспавили себѣ по-
впорить того дважды.

Брашъ ихъ Жамесь взялъ въ руку
лукъ свой и пошелъ за ними; Россъ Га-
мильшонъ, Мак-Грегоръ, Мойшей и жена
его остались въ залѣ.

Г Л А В А IX.

„Наши дѣти влюблены другъ въ
друга, сказалъ дю-Бургъ, слѣдуя за
ними глазами: это сомнительно только
для нихъ самихъ. Въ своей невинности
они не знаютъ, что дружба скрываетъ
страсть, которая составитъ счастье
ихъ жизни. Не хочешь ли ты, Сеп-
Клеръ, сказать Рандольфу, что онъ мо-
жетъ безъ боязни ей предаваться, и
что онъ будетъ твоимъ сыномъ по выбо-
ру своего сердца, по любви и рукѣ Зи-
ны, а не по природѣ?“

— Эпошь союзъ съ давняго времени есшь желаніе моего сердца, сказала Амбруазина : есшьли бы я не пишала эпошй надежды, шо не позволила бы моей дочери предаваться эпошй спраспи, кошорая едѣлаешъ несчастіе, есшьли не составишь благополучія цѣлой ея жизни. —

„Я также эпошого желаю, сказаць Сент-Клеръ : Рандольфъ драгоцѣннѣе для меня, нежели я могу выразишь, и благодарношь присоединяешся шеперь къ моей привязанности истинно опеческой къ эпошму молодому любезному человѣку, кошорому я одолженъ жизнью; но я въ разсужденіи сего нахожусь въ жестокомъ безпокойствѣ, и однажды я облакивалъ безразсудное сердце Рандольфа, какъ оправдашь поступокъ, кошорый законы и честь равномѣрно осуждаютъ? какъ сказашь Лорду Жону : вопшь швой сынъ, швой наслѣдникъ, надежда швоей фамилии, кошорую я держалъ у себя осьмнадцать лѣтъ? какъ осмѣлишься сказашь эпо, и на нихъ жаловашься?“

— Какъ! сказала Робертъ Мак-Грегъ, вскочивши съ живостию, показывая имъ юнаго героя, котораго ты возвращаешь, скажешь: вотъ сынъ, котораго я вамъ даю, воспитанный вами; онъ былъ бы можетъ быть поношеніемъ своей фамиліи; но воспитанный благородными изгнанниками Барры, онъ будетъ ея славою и опорой. Оставь Рандольфу попеченіе оправдать моего брата въ поступкѣ, за который безъ сомнѣнія пенеръ онъ получаетъ награду; естли душа его блуждаетъ вокругъ насъ, естли онъ видитъ своего восиреечника, идущаго по его слѣдамъ. —

Благородный воинъ такъ былъ одушевленъ, говоря эти слова, что все зрители были пронужы. „Такъ, отвѣчалъ Сент-Кларъ: я признаюсь, гордость моя льстнилась такимъ мщеніемъ; часно думаю я, что орленокъ, отвергнутый своею матерью изъ гнѣзда Роскелиновъ, былъ орудіе, котораго Небо употребило, чтобы возвратить блескъ элій общечеловой

фамиліи. Я воспышываю гордаго орленка, коего крылья выросшупь и разпространяшся, какъ говорилъ старый Андрейсь, и шѣни знаменитыхъ Роскелиновъ будущь ушѣшены; они увидяшъ себя возрожденными въ моемъ юномъ Рандольфѣ. Но, Боже мой! какъ отккрышъ ему эту шайну! какъ сказашъ ему, что онъ сынъ эшихъ Роскелиновъ, кошорыхъ онъ ненавидишъ! эшой женщины, кошорую онъ презираешъ, хотя онъ и не знаешъ еще, до какой степени она досшойна презрѣнія! Я шрепещу, думая о времени, когда онъ эшо узнаешъ; когда эшо сердце столь невинное и добродѣтельное, для коего пороки и порочные люди равномѣрно ужасны, узнаешъ, кому онъ одолженъ своимъ существованіемъ! Я шрепещу за него о первомъ движеніи гореспи и негодованія его! Вы видише, какъ онъ меня любишъ! Могу ли я сказашъ ему: Рандольфъ! ты не мой сынъ.“

— И прибавишъ поскорѣе, сказала Амбрузина: Рандольфъ! ты не браншъ Зинѣ. —

„Въ эту минуту, сказала Сенш-Клеръ съ мрачнымъ видомъ, онъ увидѣлъ бы въ сихъ словахъ умноженіе несчастія; онъ не читалъ еще въ своемъ сердцѣ: и Зина для него есть только любимая сестра! Сверхъ того мать, слишкомъ полагающаяся на свою цѣлительность, ты любишь своихъ дѣшей; ты желаешь имъ счастья, и всѣ несчастія исчезаютъ въ глазахъ твоихъ; ты судишь о всѣхъ сердцахъ по своему; сердца же Роскельновъ совершенно отъ него различны — нечувствительны къ чувствамъ природы; они никогда не согласятся, чтобы ихъ сынъ, ихъ наследникъ соединился съ дочерью изгнанника Сенш-Клера, и не уже ли первый знакъ, который мой воспитанникъ покажетъ имъ о своихъ добродѣтеляхъ, будешь неповиновеніе ихъ волѣ?“

Амбруазина молча горестно вздохнула, и ея безпокойные взоры обратились сквозь окно къ берегу, гдѣ дѣши ея прогуливались. Сенш-Клеръ продолжалъ:

„Нѣтъ, друзья мои! спараніе объявишь Рандольфу, что онъ не сынъ мнѣ, превосходишь мои силы; дайше мнѣ нѣсколько времени подышашь спокойно посреди моего семейства и размышляшь, какимъ образомъ приступишь къ этому открытію; время можешь все переменить. . . . Еслили эта Елеонора . . . нѣтъ, я не нанесу моему избавителю стыда называшь ее матерью, шу. . . Друзья мои! я ничего не хочу скрывать отъ васъ изъ почтенія къ Рандольфу; я слегка пробѣжалъ о времени моего заключенія о недостоинномъ намѣреніи Елеоноры; я открою вамъ то, чего желаю, чптобы онъ никогда не зналъ; онъ уже слишкомъ много знаешь худого отъ той, которой онъ долженъ дать, краснѣя отъ стыда, имя матери.“

Всѣ обѣщали хранить тайну, и Сент-Клеръ началъ: „Въ слѣдующую ночь моего заключенія въ Замкъ я еще былъ приведенъ въ большую залу, гдѣ опять нашель Графиню; поступки ея не шакъ были надменны, какъ прежде.

„Монсей! сказала она мнѣ: ты смѣлся надъ моею слабостію и превозмогъ мое могущество; я рѣшилась увѣритъ тебя, что я не столь презрительный непріятель, какъ ты предполагаешь; ты имѣешь тому доказательство, ты шеверъ мой плѣнникъ; ни Лордъ Роскелмиъ, ни мать швоя не знаюшь и ничего не будешь знать о моемъ предпріятіи и успѣхѣ; ты зависишь ошъ одной меня, и клянусь Небомъ, что я не сдѣлаю тебѣ никакого зла.

„Для чего же держашъ меня здѣсь? спросилъ я ее.

„Не похищаль ли ты меня и не держаль ли также нѣкогда? сказала она: честь дѣвицы во власти мущины гораздо болѣе подвержена опасности, нежели жая въ моихъ рукахъ.

„Къ ешведу своему я признаюсь въ шомъ; но вы знаете, Сударыня, что я не употребилъ во зло власти моей.

„Нѣтъ, ты любишь меня тогда, ты предлагалъ мнѣ обвѣнчаться въ первой встрѣтившейся церкви; не такъ ли?”

„Это правда; но къ чему это напоминаніе моихъ прошедшихъ глупостей?”

„Чтобы показашь тебѣ, что память моя сохранила каждое обстоятельство, хотя уже тому и много прошло лѣтъ.

„Гораздо бы лучше изгладить ихъ изъ вашего и моего воспоминанія, Сударыня.

„Я не такъ думаю, Сент-Клеръ: ты всегда былъ лучшимъ воиномъ, нежели опытнымъ знаменою женщиною, безъ чего бы ты не такъ скоро повѣрилъ письму, — оповѣсти молодой дѣвицы, отдавшей тебѣ свое сердце, и которая не долго бы отказывала тебѣ въ своей рукѣ.

„Я ничего не оповѣчалъ и смотрѣлъ на нее съ удивленіемъ. Послѣ краткаго молчанія она продолжала также, смотря на меня: кажется, сказала она, что изгнаніе не есть слишкомъ жестокое наказаніе.

ніе; я не нахожу въ шебѣ перемѣны; вижу еще моего милаго Сент - Клера; а ты — какъ ты меня находишь? или всѣ льстятъ мнѣ, или ты долженъ найши во мнѣ нѣкоторыя прелести, дѣвицы спасенною побою въ Думфрїи. Сент - Клеръ! сердце ея по крайней мѣрѣ все то же.

„Мое мнѣніе о красотѣ перемѣнилось, Сударыня! опшвѣчалъ я съ холодностію; и шакъ я не могу судить о вашей.

„Не прекрасная ли Амбруазина, которую ты уже семнадцать лѣтъ обладаешь, очаровывается еще твои глаза? сказала она насмѣшливо: я споль много знаю человѣческія сердца, что не могу имѣ вѣришь; никто не будетъ порицать тебя, что ты женился на наследницѣ Киншала; но не смотря на гнѣвъ твой, я увѣряю тебя, что ты никогда ее не любилъ.

„Если бы мущина сказалъ мнѣ эту ложь, сказалъ я съ бѣшенствомъ, топчасъ бы палъ ошъ руки; клянусь напро-

ливъ того , что никого не любилъ , кромѣ Амбруазины ; что она драгоцѣннѣе для меня жизни свободы ; что время и обладаніе ею умножили мою спрасъ , виѣсно того , чтобы ее ослабить ; пусть будемъ мы всѣ прее свободны въ эту мину , и моя Амбруазина , лишенная своего богатства и даже красоты , но обладающая еще природными своими прелестями добродѣтели , эшимъ сердцемъ , которое возвышаетъ ее предъ всѣми женщинами — она одна была бы моею подругою , и еспьли бы я обладалъ Имперіями , то бы раздаѣлилъ ихъ съ нею !

„Графиня краснѣла и блѣднѣла попеременно , но дѣлала жестокія усилія , чтобы скрыть , что въ ней происходило , и сказала мнѣ , не смотря на меня , и съ примѣтною холодноспію : Я вамъ наскучиваю , можете быть , моею глупоспію и воспоминаніями ; не хошите ли вы выдти ?

„Безъ сомнѣнія , Сударыня , я хочу этого ; но желалъ бы зналъ прежде , для

чего я здѣсь задержанъ; я также помню, что ни въ какое время моей жизни, думаю, не оскорблялъ васъ; естли вы это предполагаете, скажите мнѣ, какъ это вознагра-

„Моншей! возразилъ онъ съ живостию, вставши, положивъ руку свою на мою и устремивъ на меня взоры свои съ такою выразительностию, копорой я не могу изъяснить: скажи мнѣ самъ средсво вознаградишь жадности еща моего, твою собственную гордость и мое глупое ослѣпленіе, копорое погрузило меня на всю жизнь въ богатство и вмѣстѣ въ бѣдность?

„Я не спашусь, друзья мои, скажите вамъ, что Елеонора была въ сію мину самую опасѣйшимъ швореніемъ для всякаго мужчины, кромѣ мужа Амбруазины. Я ощущалъ, признаюсь вамъ, чувство умиленія; но оно пошчасъ было непреодолимымъ отвращеніемъ и даже ужасомъ; я отдернулъ руку свою, копорую она держала, прижимая къ своему сердцу.

„Сударыня! сказала я ей съ холодностію: очень натурально, что добрый отецъ ищешь всего, что только можешь льстись самолюбіе его дочери, чего она желаетъ, что свѣтъ называетъ знатностію. И такъ прошу васъ изъ милости къ моей гордости, какъ вы говорите, забыть объ этомъ. Вашъ отказъ имѣлъ для меня счастливейшія слѣдствія, и я во всю жизнь мою буду его благословлять; чтожь касается до того, что вы называете ослѣпленіемъ, то сего не можешь существовать въ союзѣ съ супругомъ, вами избранномъ, который васъ обожаетъ, и дѣлами, изъ коихъ одинъ по крайней мѣрѣ, я увѣренъ, будетъ оплеченъ своимъ мужествомъ, добродѣтелями и честью.

„Елеонора съ презрѣніемъ улыбнулась. Бѣдный Жонъ! сказала она: я вижу, что вы его не знаете; онъ совершенный отецъ, а Машильда, которая кажется теперь столь крошкою, покорною, чувствительною и невинною, — жа-

рактерь ея еще не извѣстенъ; кто знаетъ, чѣмъ она будетъ нѣкогда? Довольно одной страсти, чтобы развернуть его. Прежде все это говорили о ея матери, ахъ, Моншей! чтобы любить дѣшей своихъ, надобно по крайней мѣрѣ почтись опца ихъ! . . . Нѣтъ, Сенш-Клеръ! я не могу болѣе сносить своего положенія! Скажи, чтобы ты сдѣлалъ на моемъ мѣспѣ? . . . Она остановилась; глаза ея были орошены слезами; казалось, она ждала моего приговора, шрепеща. Эта гордая женщина, имѣвшая меня въ своей власти, была подобна преступнику, предшоящему предъ неумолимымъ судією, ошъ коего ожидаешь онъ жизни или смерти.

„Вы смѣтешь, друзья мои; но я ошущалъ ужась, и лучше бы желалъ быць на сраженіи самомъ кровопролитивѣйшемъ, нежели передъ эшою женщиною, и будучи принужденъ ее слушать.

„Я не могу быць судією въ такомъ дѣлѣ, сказалъ я ей наконецъ: ибо нахо-

жу совершенное благополучіе только посреди моего семейства. Честъ знаменитыхъ фамилій Роскелиновъ и Спуарловъ выведетъ васъ безъ сомнѣнія скорѣе на путь, по которому вы должны слѣдовать, нежели мнѣніе Моншея, или, когда угодно, изгнанника Мак-Крея.

„Да будешь проклято это имя! вскричала она, и гнусный призракъ гордости, которая привела меня въ Роскелинъ. Сенш-Клеръ! присовокупила она съ чрезвычайною крошестію: ты говорилъ прежде, что хочешь вывести меня на путь благополучія; не уже ли этошь путь навсегда для меня закрышь? не уже ли онъ еще не можешь открыться для Елеоноры?

„Я думаю, Сударыня, что это зависитъ отъ васъ самихъ; но я во зло употребляю ваше терпѣніе; позвольте мнѣ выйти.

„Я понимаю тебя! сказала она съ бѣшенствомъ: мое присутствіе для тебя ненавистно; возможно ли, чтобы челоуѣкъ,

столько разъ клявшійся мнѣ въ вѣчной любви, сдѣлался столько нечувствительнымъ къ моему благополучію! О, Сеня-Клеръ! неужели ты не знаешь, что зависить отъ самаго себя? . . .

„Я отворотился отъ нее, и подошедши къ двери, кликалъ Мак-Леллана, и просилъ его свесити меня въ башню.

„Онъ вошелъ. Графиня осталась въ нѣмомъ бѣшенствѣ; Мак-Лелманъ увелъ меня. Такимъ образомъ кончился нашъ разговоръ.“

„Я называлъ тебя Самсономъ однажды, милый Сеня-Клеръ! сказалъ дю-Бургъ смѣясь: но теперь ты заслуживаешь имя Юсифа! Каменный человекъ! еслибы я былъ на швоемъ мѣстѣ, то возвращался бы въ Барро менѣе, нежели въ недѣлю, видя плѣнницею прекрасную и гордую Графиню.“

— Какъ это? — спросила Амбруазина, смѣясь.

„Какъ? первое, я бы не сказала грубостей столько прекрасной женщины; впо-

рое, не позоваль бы Мак - Леллана ; шре-
 шіе же Но вашъ супругъ, милая
 Амбруазина, не шакъ васъ любиль, чшобы
 посшупишь, какъ бы я сдѣлалъ, и при-
 везши къ вамъ свою плѣнницу.“

— Прибавъ къ эшому, сказала Га-
 мильшонъ, что Сенш-Клеръ не Фран-
 цузъ. Для Рыцаря эшой націи довольно
 бышь женщиною и прекрасною. Но про-
 должай, Моншей, и въ эши лѣша, когда
 пылкость спрасшей должна бы усшупишь
 чувствамъ добродѣтели супруги и ма-
 шери. . . . —

„Ты обманываешься, Гамильшонъ, оп-
 вѣчалъ дю -Бургъ : спыдливость молодос-
 сти часшо воздерживаешь юную дѣвицу ;
 но женщина между сорока и шридцати лѣшъ,
 я думаю, эшо шеперь лѣша Елеоноры,
 кошорая предаешь спрасшамъ своимъ, не
 знаешь болѣе обузданія ; эшо, говоряшь,
 самое опаснѣйшее время ихъ жизни.“

— Какъ жалки шѣ, сказала Амбруази-
 на, кошорыя не находятъ своего благо-
 получія въ обожаемомъ супругѣ, въ лю-

безныхъ дѣсяхъ! Бѣдная Елена! она невольница своихъ пороковъ и разспроенныхъ страсшей; но я увѣрена, что естли бы она имѣла мужа, который съ самаго начала ихъ союза, когда она была еще такъ молода, вывелъ ее любовью и чesпью на путь добродѣтели, она бы сдѣлалась цѣломудренною супругою, вѣжной матерью, щасливою и почтенною женщиною.“

— Благодарю Небо! сказалъ Моншей, что я не получилъ этого пашна: изгнаніе, шемница, самая смерть была бы мнѣ предпочпительнѣе, нежели провести жизнь или хотя одинъ годъ моей жизни съ женщиною такого характера; я хочу продолжашь, сокращая, сколько возможно, подробности, кошорыя приводятъ меня въ чувствб. —

„Мы имѣли еще многіе разговоры, и по вѣкошорымъ предположеніямъ Мак-Леллана (я думаю что его подозрѣнія были правдоподобны) я противуполагалъ всегда холодное презрѣніе всѣмъ приго-

явленіямъ Елеоноры; иногда я находилъ ее спокойною, нѣжною, кропкою и, казалось, ни чѣмъ не заняшою, кромѣ любви; иногда же, предаваясь своему природному расположенію, она угрожала мнѣ опдашь меня Лади Роскелинъ и ея сыну, и даже иногда желѣзу Мак-Леллана. Я согласенъ, что мои съ нею поступки были способны къ возбужденію гнѣва ея до высочайшей степени, и не сомнѣваюсь, чтобы шайное убійство не скрывало спыда моего започенія, естлибъ Рандольфъ и друзья мои меня не освободили.

„Въ одномъ изъ нашихъ разговоровъ она сказала мнѣ, что ненавидитъ своего мужа; упрекала меня, что я не предупредилъ брака ея съ нимъ; она свернула всѣ свои поступки на опчаяніе, что соединена съ человѣкомъ, котораго не любила, и разлучена съ шѣмъ, котораго всегда любила и видѣла его соединеннымъ съ другою женщиною. Опчаяніе заставило ее упасть къ ногамъ моимъ, что-

бы заклинуть меня моею и ея жизнью, возвратишь ей права на мое сердце, бѣжашь съ нею въ самую отдаленную страну свѣта.

„Никакое выраженіе благодарности не усладило моего отказа. Я опошелъ на нѣсколько шаговъ, осмизвая ее въ униженномъ положеніи, и напомнилъ ей, что она была жена моего брата.

„Она вскочила съ бѣшенствомъ. Твоего брата! повспорила она: заслуживаетъ ли онъ это имя? а Лади Роскелинъ заслуживаетъ ли имя твоей матери? а я не уже ли жена одного и дочь другой? Они обманули меня, увѣривши, что истинный наслѣдникъ Роскелиновъ былъ сынъ Мак-Крея. Я помню, Сент-Клеръ, ты сказалъ мнѣ, что я никогда не буду истинно Графинею Роскелинъ; ты одинъ сказалъ мнѣ правду, и я почишаю себя въ правѣ прервать союзъ, основанный на заблужденіи, и предѣшья истинному Лорду Роскелину.

„Ты не имѣешь болѣе никакого права, сказала я ей, и принадлежишь одному Лорду Роскелину; я навсегда отказываюсь опъ эшого имени для себя и для дѣшей моихъ, — швои же дѣпи рождены съ шѣмъ, чшобъ носишь оное, и я его имъ осшавляю.

„Благодарю васъ за нихъ, опшѣчала она съ презрѣніемъ: я имѣю единспвенное доказашельство, какое шолько сущесшвуешь о вашемъ рожденіи, и не выпущу его изъ рукъ. . . . Я совершенно не знаю, чшо она хотѣла сказать подъ эшимъ доказашельствомъ, да и не имѣлъ ни малѣйшаго желанія знать эшого.

„Послѣ жаркаго разговора мы разспались равномѣрно одинъ другимъ недовольные. Я цѣлую недѣлю не видалъ ее къ моему удовольствію; по прошесшвіи же сего времени она приказала привести меня и сказала съ холодноспію, чшо хочешъ опдашь меня Роскелинамъ, или по крайней мѣрѣ извѣсшишь ихъ, чшо я былъ въ ея власти.

„Дѣлай, что хочешь, сказалъ я: но вспомни, что Іаковъ Первый уже не существуетъ, и что молодой Государь, какъ я узналъ, дѣйствуетъ самъ съ правосудіемъ; имѣніе мое уже мнѣ возвращено, и хотя можно убить меня тайно, но я имѣю сыновей, которые не оставяшь безъ наказанія смерть мою; они будутъ имѣть, я въ томъ увѣренъ, мужество потребовать отца своего у подножія его престола и просить мщенія; моя смерть не можетъ быть полезною фамиліи Роскелиновъ; Лади Роскелинъ могла предать своего сына бѣдности и започенію; но она не омочитъ рукъ своихъ въ крови его и не позволишь этого своему сыну. И такъ тебѣ должно принять на себя это преступленіе; спѣши избавить меня отъ своего присутствія; я предпочитаю смерть своимъ гнуснымъ оковамъ; сообщники твои гошovy, и эшошь Замокъ, бывшій свидѣтелемъ моей глупости и твоей небла-

годарности, есть мѣсто самое лучшее, чтобы усугубить свои преслушанія.

„Моншей! Моншей! вскричала она: такъ, укоряй меня въ моей неблагодарности! твои упреки въ тысячу разъ усладительнѣе для слуха моего, нежели это холодное презрѣніе, которымъ ты меня обременяешь! . . . Такъ, я была самая вѣроломнѣйшая изъ женщинъ . . . и за то наказана. Я хочу тебѣ напомнить, что такое сердце, каково твое, должно привязываться къ другимъ своими благодареніями; ты спасъ мнѣ жизнь въ Думфрїи, извлекши меня изъ пламени! . . . Въ этой самой залѣ ты опдалилъ опъ меня снѣдъ и бѣдность, заплашивши долги моего опца. . . . Здѣсь, на самомъ этомъ мѣстѣ . . . гдѣ я шщегляно умоляю тебя, ты предложилъ мнѣ свою руку, сердце и поклялся въ вѣрности на этомъ столѣ, гдѣ ты шеперь опираешься, отвращая опъ меня съ ужасомъ взоры свои; ты съ восхищеніемъ

подписалъ контрактъ, соединявшій тебѣ съ твоею Елеонорою, и обременилъ подарками и благодареніями, и въ этой самой залѣ я имѣла подлостью разорвать эту контрактъ, разоргнувъ нашу связь, отдавъ руку тому, которой никогда не имѣлъ моего сердца! Женщина гордая и вѣроломная! ты пожертвовала для злата, для ложнаго шипла челоуѣкомъ, котораго ты любила и которой тогда любила тебя! что можешь ты болѣе сказать противъ меня? . . . Узнай же теперь мое наказаніе: твоя Елеонора ни минуты не наслаждалась благополучіемъ въ пышномъ Замкѣ Роскелина, очаровывая алмазами, убранствомъ, блескомъ, споль дорого купленными; она была бѣднѣйшею изъ женщинъ! Противъ воли сердце ея все принадлежало Моншею; моя любовь къ нему и ненависть къ мужу умножалась усиліями имъ сопротивляясь; присоединившись къ твоимъ гонителямъ, я думала, надѣялась наконецъ раздѣлять ихъ ненависть и не-

лавидѣшь тебя, какъ они ненавидѣли; тщетныя усилія, которыя послужили только къ ожесточенію моего характера и усиленію безумной страсти! Ненавистная Амбрузина говорила правду, и острою сирѣлою разперзала мое сердце, въ кошоромъ, казалось, чипала, когда говорила мнѣ однажды, что многія знатныя женщины въ своихъ позлащенныхъ залахъ будутъ завидовать жребію супруги благороднаго изгнанника въ Баррѣ.

„Я усталь, повпоря вамъ все чудесности этой женщины, кошорая все обрацала къ одной цѣли, но угрожая мнѣ самую мучительную смертью, шо предлагала мнѣ свободу, естли я хочу посвяпшь ей жизнь. Въ послѣднія при недѣли она сдѣлалась важнѣе и воздержнѣе; искала безъ сомнѣнія средствъ расположишь мною такъ, чшобы никогда не бышь опкрышою. Ахъ! пусть она будетъ спокойна; никогда эта ужасная повѣсть не будетъ повпоряема! Для чести

Рандольфа и собственности моей я прошу васъ все забыть.“

„Я даю вамъ слово, сказала Россъ, никогда по крайней мѣрѣ не повторять ее. Съ моей стороны я прощаю ей худое время, проведенное мною въ Аркадскихъ островахъ; я долженъ ей другомъ, потому что могу считать таковымъ Лорда Рональда, котораго помощи я не забуду никогда; чтожь касается до двухъ островитянъ бѣдняковъ, островитянъ поварихей моего плѣну, я узналъ, что, благодаря милости Лади Амбруазины, они должны почитать сіе происшествіе за свое благополучіе.“

Между тѣмъ какъ Моншей рассказывалъ жёнѣ своей и друзьямъ спранные поспулки Графини, Рандольфъ, Жамесъ и Зина влѣзли на утесъ, ограничивавшій берегъ; Жамесъ забавлялся стрѣляніемъ птиць изъ своего лука, а брагъ его и сестра сѣли одинъ подлѣ другаго на утесъ, выдавшійся въ море.

— Милый братецъ! сказала ему Зина, обнявъ его: ты кажешься мнѣ задумчивѣе обыкновеннаго; ты желалъ знать исторію нашего родителя, и теперь ее знаешь. Хотя съ нимъ поступаемо было очень несправедливо, но теперь, кажется намъ, не о чемъ беспокоиться и печалиться. Благодареніе тебѣ, любезнѣйшій братецъ! онъ теперь посреди насъ спасливъ, не подверженъ никакой опасности, и безъ сомнѣнія будешь имѣть теперь благоразуміе избѣгать всего, что только можешь угрожать ему на будущее время. —

„Я этого надѣюсь,“ сказалъ Рандольфъ вздохнувши.

— Что значить этошь вздохъ, Рандольфъ, и твое молчаніе во все время нашей прогулки? —

„Я не знаю, Зина. . . Можетъ быть моя собственная глупость.“

— Глупость или нѣтъ; но твоя Зина хочетъ знать причину, которая тебя печаливаетъ. —

„Хотя я увѣренъ, что естели попрошу тебя, то ты никому ее не откроешь; она можешь не понравится моему родителю.“

— Я никогда ничего не скажу, другъ мой, что бы могло огорчить тебя или бабюшку; говори, открой мнѣ швое сердце; я не могу понять, что тебя огорчаетъ, ибо не былъ ты для насъ драгоценнѣе, какъ послѣ эпихъ послѣднихъ произшествій. Мапушка, естели бы это было возможно, умножила бы свою къ тебѣ нѣжность; всѣ друзья наши, даже бабюшка, занимающа шобою и любящя тебя; а швоя Зина . . . она не можешь болѣе этого любить тебя; но она почищаетъ тебя теперь за покровителя. —

„Милая Зина! швои сладкія рѣчи оживляютъ меня, и однакожь усугубляютъ мои горести. Ты говоришь о своей матери; у меня также есть мать; для чего мнѣ никогда объ ней не говорятъ. Ст какимъ неперпѣніемъ ожидалъ я въ жизни моего родителя повѣспн о моемъ рожденіи

ни и любви его къ моей матери; теперь болѣе, нежели прежде, подвергаюсь сомнѣнію и недоумѣнію. Для чего онъ не упомянулъ объ этомъ? Онъ былъ уже изгнанъ въ Барру, когда я родился; всѣ друзья его должны знать это и ту, которая произвела меня на свѣтъ. Не уже ли она была столь ненавистнаго характера, что сердце родителя моего пренебрежетъ при помышленіи о ней и языкъ опказывается называть ее? И что всего чуднѣе, кажется онъ не чувствовалъ ни къ кому любви, кромѣ Графини Роскеллинь, и не имѣлъ другой супруги, кромѣ швоей матери.“

— Такъ, сказала Зина, это очень чудно; что нибудь важное заставляешь его молчать. Въ малолѣтствѣ я думала, что мать моя была швоею; но послѣ швоего опѣзда она меня разуверила, но ошановила мое любопытство, сказавъ: ты никогда не знала его матери; бесполезно для тебя называть ее; дозволено для тебя знать, что Рандольфъ

достоинъ твоей любви ; что самая благороднѣйшая кровь печетъ въ его жилахъ какъ со стороны матери , такъ и отца , и я увѣрена , что онъ возстановитъ еще славу своихъ предковъ. —

„Ешьли такъ , сказалъ Рандольфъ , то эша шайна для меня еще непоняшиѣе ; друзья наши сказали мнѣ по же.“

— Я хочу рассказать тебѣ , сказала Зина , что я замѣтила во время матушкиной болѣзни ; Сиръ Александръ Мак-Грегоръ посѣтилъ насъ ; матушка поручила насъ всѣхъ ему , но особенно тебя . *Прошу васъ* , говорила она , ешьли вы хошите , чтобы душа друга вашего Сент-Клера была спокойна , постарайшесь , чтобы нашъ Рандольфъ раздѣлилъ съ дѣтьми моими все , что мы имъ оставимъ ; онъ имѣеть права , я эшо знаю , на нѣкоторую часть имѣнія фамиліи Мак-Грегоровъ . Какъ добрый и великодушный братъ вы ихъ утвердили ; но Рандольфъ не исполнилъ намѣренія , которое я имѣю , ешьли ее только получить .

Сирь Александръ поклялся мапущкѣ въ шомъ, что она просила не объяснясь далѣе; но эптошь разговоръ подалъ мнѣ мысль, кошорую я тебѣ ошкрою. Какія права имѣешь ты на имѣніе фамиліи Мак-Грегора, ешьли ты не наслѣдовалъ его ошъ своей матери? Какъ добрый и великодушный братъ вы ихъ утвердили, сказала мапущка. Вѣрояпно существовала шайная связь между нашимъ родителемъ и сеспирою Мак-Грегора, и онъ не осмѣлился по причинѣ, кепорой я не знаю, назвать ее передъ братомъ Робершомъ; вспомни, что бапюшка всегда давалъ имя брата швоему крестному ошцу, когда говорилъ о немъ. —

„Эпто вѣрояпно, вскричалъ Рандольфъ. Милая Зина! швой разумъ превосходишь лѣта швои! . . . Такъ, ты ошгадала мапъ мою, и я шому радуюсь; эпто объясняешь, для чего названъ я Рандольфомъ послѣ моего дяди.“

Жамесь Моншей, упомянутый своею ошою, подошелъ къ нимъ, и они по-

шли по дорогѣ въ крѣпость. Зина и Рандольфъ увѣренные, что они открыли тайну, которая беспокоила сего послѣдняго.

Г Л А В А VII.

Между тѣмъ какъ миръ, здравіе и согласіе царствовали посреди жителей дикой и бесплодной страны Барры, печали, болѣзнь, смерть и семейные раздоры посѣщали великолѣпные чертоги Роскелиновъ. Два дни спустя послѣ побѣгу Моншея, Графиня получила жестокое извѣстіе. Нарочной былъ посланъ къ ней отъ Графа, что сынъ ихъ былъ при послѣднемъ издыханіи.

Хотя до этого времени сердце Еленоры было заперто къ сладостнымъ чувствамъ природы, и она не знала ни должностни супруги, ни матерней любви; но теперь болѣе была провута, нежели сама ожидала, и разсудила немедленно возвратиться въ Замокъ Роскелинъ. Кро-

и въ безпокойствѣ о своемъ единственномъ сынѣ она чувствовала, что это былъ случай получить власть надъ умомъ своего мужа, поспѣшивъ ѣхать раздѣляющаго его печаль.

Обманувшись въ намѣреніяхъ своихъ вразсужденіи Монтея, ничто болѣе не удерживало ее въ Уперлонѣ, и такъ она уѣхала изъ него на другой день къ величайшему удовольствію Маріи, которая радовалась, что везетъ къ матери своей малое сокровище, полученное ею отъ друга своего Рандольфа, и будетъ имѣть волю говорить о немъ. Графиня ѣхала не останавливаясь; она вошла въ Замокъ, слышала отчаянный вопль Графа и спонъ его матери, которыя за два часа до ея пріѣзду были свидѣтелями смерти единственнаго наслѣдника ихъ обширныхъ владѣній. Не смотря на свою нечувствительность, Елеонора была поражена этимъ ударомъ; угрызения совѣсти присоединились къ сожалѣнію о потерѣ сына, и о томъ, что оставила его, и эта смерть

еще имѣла для нее самыя печальныя послѣдствія, относительно знатности и богатства. Если она потеряетъ также своего мужа, который казался готовымъ умереть отъ огорченія, она потеряла также его имѣніе, коему все посвятила, и земли Роскелиновъ, принадлежавшія дѣтямъ мужскаго пола, переходили къ дальнимъ родственникамъ; дочь ея Машильда ничего не могла получить, кромѣ приданого, сообразно съ ея достоинствомъ. Она сама имѣла, какъ мы видѣли, меньше, нежели ничего, когда вышла замужъ, и могла бы почитаться нищею. Не имѣвши дѣшей пятнадцать лѣтъ, не было никакого вѣроятія, чтобы она еще ихъ имѣла. И такъ все, что ей оставалось дѣлать, было всеми средствами спешиться снова покорить Лорда Жона, чтобы онъ расположилъ въ ея пользу имѣніе, котораго былъ господиномъ, если онъ умретъ, а ея жизнь продолится, чтобы она была полною властною госпожею его необъятныхъ доходовъ. И

такъ она употребила всѣ средства оболъ-
щенія, и слабый Лордъ скорѣ былъ по-
корень силою ея прелестей и ума, болѣе
нежели предъ своимъ разлученіемъ; онъ
былъ въ отчаяніи о смерти своего сына,
и печаль всегда способствуетъ слабости;
и такъ легко было женѣ его взять надъ
нимъ всю свою власть.

Опасаясь, чтобы по нескромности
какого нибудь изъ сообщниковъ онъ не
узналъ о Мюшеѣ и о всемъ происшедшемъ
въ Замкѣ Уперлонѣ, она рѣшилась сама
увѣдомить его о томъ, скрывая только
свои намѣренія. Желая, сказала она ему,
доказавъ всѣми средствами свою печаль
о томъ, что съ нимъ поссорилась, она
вздумала, что онъ не могъ болѣе сомнѣ-
ваться въ участи, которое она въ немъ
брала, какъ завладѣвши величайшимъ его
непріятелемъ; что она хотѣла ото-
слать его къ нему, чтобы начать этимъ
свое примиреніе; но онъ нашелъ средство
убѣжать изъ тюрьмы, гдѣ она его дер-
жала.

Я этому радуюсь, сказала Лордъ Жонъ къ величайшему удивленію жены своей; имѣнія Роскелиновъ для меня довольно; оно не имѣеть болѣе наслѣдниковъ; я очень сожалѣю, что опнималъ у Моншея полученное имъ по волѣ моего дяди. Генераль былъ власиень располагать имъ, какъ хотѣлъ; Кероль Таковъ былъ несправедливъ вразсужденіи Сент-Клера; мы поощряли это неправосудіе, и Небо за то насъ наказало; не будемъ болѣе возбуждать Его гнѣва, Оно можетъ еще похишить у насъ дочь нашу, единое дитя, которое шолько у насъ остается.

Графъ прожилъ нѣскольکو мѣсяцовъ вмѣстѣ съ матерью, и всегда согласуясь съ особою, съ копорою жилъ онъ, принялъ отъ нее мнѣніе, что потеря ихъ сына была наказаніе Неба. Каковы бы не были чувства Графини, но она ихъ скрыла, ничего не отвѣчала и казалась соглашающеюся съ Графомъ.

Лади Роскелинъ, [не могшая жить вмѣстѣ съ невѣсткою, оставила ихъ на другой день послѣ погребенія молодого Лорда; она возвратилась въ Евздалъ, не могши получить отъ властолюбивой Елеоноры позволенія увезти къ себѣ Машильду. Одна съ своею горестію, она могла размышлять о своихъ грѣхахъ, оплакивать ихъ и предаваться у подножія олшаря покаянію медленному и безполезному, потому что она не имѣла смѣлости вознаграждать свои погрѣшности.

Марія съ шрудомъ выпросила позволеніе у Госпожи своей возвратиться къ своей матери, чтобы ходить за нею. Время истребило не много изъ ея сердца Рандольфа; сынъ Вилліама и Брижешты, жившій въ Роскелинѣ у своего дѣдушки Ральфа, излѣчилъ ее; онъ началъ занимать ее, говоря съ нею о Рандольфѣ, и совершенно пронулъ, говоря о себѣ самомъ. Марія, благоразумно судила, что ей гораздо пристойнѣе было любить

внука своего сосѣда , нежели сына Сент-Клера Моншея ; но она осмѣлилась полагаться на дружбу Рандольфа , на его покровительство , когда она выйдетъ замужъ за своего любезнаго Вилліама.

Не смотря на всё усилія , чтобы скрыть , что ощущала , прекрасная Елеонора не могла забыть Сент-Клера , и презрительный отказъ , ею полученный — это воспоминаніе безпрестанно ее преслѣдвало и возмущало всё ея способности. На что мнѣ , говорила она съ горестію , называешься украшеніемъ Шотландіи , и что время разрушающее прелесть другихъ женщинъ , умножаетъ мою? Моншей ихъ ненавидишь , Моншей предпочитаешь Амбруазину , и въ ея объятіяхъ смѣется надъ моею безумною спрасью. Я хочу отъ нее излѣчиться , ошампишь всёмъ людямъ за его холодность , чтобы зналъ онъ , что онъ только могъ мнѣ вопрошивляться. Послѣ этого предположенія она увѣрила Лорда Жона , что путешествіе въ Англію и удаленіе отъ мѣстъ ,

гдѣ онъ потерялъ своего сына, разсѣютъ его печаль, прибавила, что возобновивъ свои поиски похищенпелей Лорда Моншроза, они можетъ быть найдутъ его съ этою надеждою; ей легко было убѣднть его. Она поручила попеченіямъ вдовствующей Лади Роскелинъ Лади Машильду, имѣвшую тогда шестнадцатъ лѣтъ, прекрасную какъ сама Елеонора, не имѣла ни малѣйшаго желанія показывать ее вмѣстѣ съ собою, въ путешествіе коего первая цѣль была распространить свои побѣды и покорить всѣхъ Англинскихъ Рыцарей; ничто не было упущено, чтобы успѣть въ томъ.

Шестъ мѣсяцовъ спустя по смерти своего сына, она уѣхала съ большою свитскою и великолѣпными экипажами, и всѣмъ этимъ ложнымъ блескомъ пышности, которая всегда привлекала и утѣшала Елеонору.

Изгнанники Барры были извѣщены о всѣхъ этихъ происшествіяхъ Сиромъ Александромъ Мак-Грегоромъ, прѣзжав-

шимъ посѣпишь ихъ ; они далеки были отъ того , чтобы радоваться смерти сына своего непріателя ; но предвидѣли , что Рандольфъ былъ бы принятъ за милости Небесъ , если бы они согласились возвратить его фамиліи. Монтей не могъ еще на это рѣшиться ; можетъ быть , говорилъ онъ , несчастіе исправить его родителей и одѣлаешь ихъ достойными имѣть такого сына , какъ Рандольфъ , оставивши ихъ горести произвешъ это дѣйствіе. Сіи размышленія заславили Сенш-Клера опложишь опкрытіе важной тайны , коей онъ былъ хранителемъ. Между тѣмъ Рандольфъ достигъ двадцать перваго года ; онъ былъ высокъ , строенъ , ловокъ и силенъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ. Эти преимущества привлекали къ нему любовь и почтеніе , а характеръ его , согласуясь съ прекрасною наружностію , былъ опкрытъ , смѣлъ , великодушенъ и чувствителенъ. Онъ спрасно любилъ всѣхъ своихъ родственниковъ и друзей ; но его любовь къ Зинѣ умножалась еже-

дневно и иногда беспокоила Моншея и его супругу. Эта милая семнадцатилѣтняя дѣвица была цвѣткомъ и украшеніемъ северныхъ острововъ, и подобно розѣ, цвѣтущей въ пустынѣ, она спановилась ежедневно прекраснѣе, не сомнѣваясь въ томъ сама, и не желая другихъ успѣховъ, кромѣ одобренія своихъ родителей и нѣжности любезнаго брата Рандольфа.

Жамесь и Сент-Клеръ приводили на память Моншею дни его молодости; юности были рѣзвы, предприимчивы, горды, но крошечны и послушны. Маленькой Сент-Клеръ имѣлъ воѣ черты своей бабушки, вдовствующей Лади Роскелинт. „Естьли бы она себя увидѣла, говорилъ иногда Моншей, то не могла бы не признасть внукомъ тебя. Ты бы намъ ее возвратилъ; всѣ вмѣстѣ мы имѣли бы попеченіе о ея старости и сдѣлали бы ее гораздо щасливѣе, нежели она была когда нибудь.“

Одно изъ величайшихъ удовольствій этой щасливой фамиліи было дѣлать благодѣянія; не только кошелекъ ихъ оп-

крышь былъ для всѣхъ бѣдныхъ, но и сердце ихъ также было открыто для несчастныхъ и умѣло дать не только помощь, но совѣсы и утѣшенія. Несмотря на суровость Зины, Амбрузина и Зина ходили сами въ разныя жилища острова, входили въ хижины, помогали больнымъ, утѣшали огорченныхъ и не однажды возвращали неуспѣшнымъ семействамъ отца, мать, дѣтя, годовыхъ испустишь духъ.

При ихъ приближеніи горесты, болѣзнь и несчастія исчезали; съ своей стороны Сеиш-Клеръ, сыновья и его друзья не щадили ни трудовъ, ни попеченій и сражались съ опасностію. Когда бури споль частыя въ сѣверныхъ моряхъ и наиболѣе близъ Гебридскихъ острововъ угрожали жилищамъ и судамъ, на коихъ островитяне отваживались пускаться въ бурное время, не одинъ разъ изгнанники имѣли щастіе сохранить въ которыхъ ошъ раззоренія почти обыкновеннаго.

Въ одинъ вечеръ, когда все семейство было въ залѣ, по возвращеніи съ прогулки, которую заспавиль ихъ прекраснѣйшій вѣтеръ съ моря, буря постепенно такъ усилилась, что башня Мак-Леода казалась готовою обрушиться. Шумъ волнъ соединился съ шрескомъ грома и проливнаго дождя; волны возскакали наровнѣ съ утесами, ограничивавшими берегъ, и раздроблялись объ нихъ съ ужасною яростію.

„Белікій Боже! говорила Амбруазина и Зина, обнявшись крѣпко: пощади несчастныхъ, готовыхъ погибнуть на этомъ разъяренномъ морѣ.“

— Недовольно того, чтобы просить надобно дѣйствовать, сказалъ Севш-Клеръ: поидемъ, друзья мои, посмотримъ, не лѣзя ли намъ; спасши кого-нибудь. —

Буря такъ была ужасна, что на этотъ разъ Амбруазина желала бы удержать своего супруга; она пропянула ему руки; онъ помѣшилъ въ нихъ Севш-Кле-

ра и Зину, поручивъ ихъ Гамильтону и Мик-Грегору, поспѣшно вышла съ Россомъ, дю-Бургомъ, Рандольфомъ и Жамесомъ на пологой берегъ моря.

Море представляло ужасное зрѣлище; каждая волна приносила обломки судовъ, или шла нещастныхъ, кои разъяренное море выкидывало на берегъ.

Моншей отдалъ всѣ нужныя приказанія, чтобы возвратить жизнь еще дышущимъ, или погребсти совершенно потерявшимъ ее; приказалъ зажечь большіе огни на высотахъ, и не думая объ опасности, на которую отваживался, онъ прошелъ по берегу съ сыновьями своими и друзьями, чтобы видѣть, не можешь ли предупредить какого нещастія. Буря продолжалась съ одинакою силою всю ночь; на другой день и только къ окончанію слѣдующей ночи мрачныя тучи не много прояснились и позволили имъ примѣнить въ открытомъ морѣ маленькое судно, которое волны, казались, подымали иногда до облаковъ и

нопомъ низвергали во глубину. Оно чрезвычайно спаралось приблизиться къ берегу Барры; но всё усилія мапросовъ были тщетны, и оспровишяне не могли имъ подать никакой помощи, кромѣ огня и знаковъ, поставленныхъ въ мѣстахъ, гдѣ можно было вѣрнѣе и легче пристать; но всё эпи распоряженія были бесполезны. Судно, гонимое волнами, ударилось наконецъ о подводной камень въ недалнемъ разстояніи отъ оспрова и раздробилось въ куски въ ихъ глазахъ.

Хотя это кораблекрушеніе было на самой опасной споромѣ оспрова, но чело-вѣколюбіе жипелей превозмогло страхъ. Монпей съ друзьями своими спустилъ на воду крѣпкой челнокъ, и не смотря на вопропивленіе волнь, они спарались приблизиться къ несчастнымъ погибающимъ.

Съ чрезвычайнымъ трудомъ и опасностію они подѣхали къ нимъ и имѣли щасіе спасти весь экипажъ, состоящій въ пяти челоѡкахъ; одинъ изъ нихъ былъ молодъ и очень хорошо одѣшъ. Су-

дише о радости Росса, дю-Бурга и Рандольфа, когда, не смотря на блѣдность лица, они узнали черты Лорда Рональдза, которому такъ хорошо поступилъ съ ними на Аркадскихъ островахъ, когда они отыскивали Росса, которому по всей вѣроятности попеченія Лорда спасли жизнь.

Лишь только они его назвали Сент-Клеръ, не замедливъ ему засвидѣтельствовать свою признательность и радость, что спасли его въ свою очередь отъ неизбежной смерти. Лордъ Рональдза выразилъ имъ шикже, что ощущалъ. „Я былъ въ пупи, сказалъ онъ Россу, чтобы сдѣлать вамъ посѣщеніе въ Барро, слишкомъ долго откладываемое. Если бы я послушался своего сердца, вы бы видѣли меня ранѣе. Разныя безпокойства и вразсужденія наследства удерживали меня въ Аркадскихъ островахъ; лишь только я могъ удалиться, храбрый Россъ, по первое мое желаніе было васъ видѣть, возобновишь мое знакомство съ двумя

вашими друзьями и бытьъ вами представлену благородному начальнику Моншею и его фамилии.“

Моншей пожалъ ему руку, говоря: — Милордъ! спасши одного изъ друзей нашихъ, вы спасли насъ всѣхъ; мы составили общество, которое самая смерть не можетъ разрушить; мы ласкаемся, что Лордъ Рональдза желаетъ также къ нему присоединиться. —

Судно, которое Лордъ Рональдза оставилъ, было поглощено волнами въ шуръ минупу, какъ они пріѣхали къ берегу съ довольнымъ прудомъ; однакожь щасливо они вышли изъ судна и пошли въ крѣпость. Буря постепенно утихала; но чувствительная Амбруазина не воспріяла еще своей бодрости.

Лишь только крикъ съ берегу заставилъ ее узнать, что супругъ ея и друзья его опважились пуститься въ море, сердце ея облилось кровію, щеки ея сдѣлались также блѣдны, какъ въ Киншалѣ, когда она умирала отъ горе-

спи; руки ея крѣпко сжались и поднялись къ небу, между шѣмъ какъ взоры не отвращались отъ берегу; но она не вымолвила ни слова. Поступки ея въ эпомъ случаѣ не были пропущены Зиной, копорая съ удивленіемъ на нее смотрѣла, не смѣя выразить смертельной боязни своей о Рандольфѣ и опцѣ своемъ. „Любезная машушка! говорила она Амбруазинѣ, обнимая ея: позволите себѣ предаться безпокойству; вы изнемогаете отъ усилій скрыть его; не смотрите на это ужасное море. . . . Послушайте, вѣтеръ перестаетъ, волны утихаютъ; бабюшка скоро будетъ въ безопасности.“

— Онъ возвратится, сказала Амбруазина: Небо пожалѣетъ объ насъ. Ах! ешли въ эпомъ великодушномъ предпріятіи, эшой безпредѣльной преданности онъ погибнетъ несчастная Зина! злополучная Амбруазина! — Въ ту же минуту Зина вскричала и показала своей машери челнокъ, приславшій къ се-

регу. Гамильшонъ и Мак-Грегоръ, копорые также это видѣли, пришли ихъ опомъ увѣдомить. Смущенная радостію, также какъ и горестію, Амбрузина не могла почти сстоять; они отвели ее въ первую залу; между шѣмъ Зина бѣжала къ опцу своему и братьямъ; вѣперъ развѣваль прекрасные бѣлокурые ее волосы, радость оживляла цвѣтъ лица ее живымъ румянцемъ. „Какъ прекрасна моя сесприца!“ думаль Рандольфъ, видя ее бѣгущю. — Кто эпомъ ангель красоты? — спросиль Лордъ Рональдза Росса. Онъ узналь это прежде его отвѣща; она была въ объяснѣхъ Сенш-Клера. „Башюшка! говорила она, поспѣшите увѣрить машушиу, что вы спаслись; она была въ омершномъ страхѣ въ продолженіи вашего опсушствія.“

Монтей спѣшилъ представить дочь свою Лорду Рональдзу; она поклонилась ему съ замѣшательствомъ и подбѣжала къ милому брашу, копорый не подходиль къ ней и казался важнымъ.

„Рандольфъ! милый Рандольфъ! сказала она, опершись на него: и я также много спрдала и теперь еще, прибавила она, смотря на него . . . ты не здоровъ, я это вижу.“ Онъ отвѣчалъ ей, но съ меньшею прошивъ прежняго нѣжностію.

Все семейство было удивлено пріятнымъ образомъ, воспрѣпивши Амбруазину при входѣ въ крѣпость. Крошкая улыбка одушевляла милую ея фізіономію. Амбруазина бросилась въ объятія своего супруга. „О, какъ ты испугалъ меня! говорила она ему: но видя тебя, я все забываю.“ Сент-Клеръ представилъ ей Лорда Рональдзу. — Ты знаешь, сказалъ онъ, какъ я часто желалъ засвидѣтельствовать мою благодарность возвратившему намъ Жамеса Росса; я благодарю Небо, доставившее мнѣ къ тому случай; но какъ я шрепещу, думая, до какой степени могъ онъ бышь пагубенъ, и

что Лордъ, вѣдучи посѣшишь въ Барро друзей своихъ, вѣхаль на смерть. —

„Я погибъ бы безъ вашего мужества, великодушный Моншей! сказала Лордъ: ему только я одолженъ жизнию.“

Они вошли въ башню; все семейство забопилось о своемъ госпѣ, копорый чувспвоваль безпокойство отъ своего кораблекрушенія; но онъ скоро оправился. Рандольфъ опвелъ его въ свою комнату и далъ свое плащѣ, пошому что его было совершенно вымочено; онъ не прешаваль говоришь молодому челоувѣку о красощѣ своей мапери, прелесняхъ сеспиры, доспоинспвѣ всѣхъ жипелей крѣпости, хопя онъ и часно слышалъ о нихъ похвалу, — но видимое превосходило его ожиданіе. Онъ не могъ выйти изъ удивленія, нашедши въ этой дикой странѣ людей, копорые силою своего характера, ума и познаній имѣли бы значительное мѣсто въ правленіи своего опе-

чеспва, такъ какъ предводительствуя арміями силою руки и искусствомъ женщинъ, коихъ лица, голосъ, поспупки были бы украшеніемъ Двора.

Съ своей стороны изгнанники удивлялись въ этомъ молодомъ господинѣ благородному, занимательному обращенію фізіономіи, которая показывала щасливѣйшій и любезный характеръ. Они провели вечеръ очень пріятно. За ужиномъ Амбруазина угощала Лорда съ обыкновенною своею любезностію.

Когда онъ кончился, то по прозвѣ Сенп-Млера она взяла арфу, а Зина люпню; онъ пѣли вмѣстѣ разныя баллады споль прекрасными и мелодическими голосами, что гость былъ въ восхищеніи. „Право! сказалъ онъ, когда они переспали пѣшь: Іаковъ I, сославши васъ на эпопъ оспровъ, сдѣлалъ изъ него рай.“

— И какъ въ истинномъ раю здѣсь живупъ Ангелы, — сказалъ дю-Бюргъ, указывая на Амбруазину и дочь ея.

„Надобно сказать правду, прибавилъ Моисей : не Іакову мы одолжены эшими Ангелами — эшо даръ небесный.“

— Гораздо бы было Небо милоспивѣе, еспьлибъ послало ихъ болѣе, сказаць Рыцарь дю-Бурзь : двухъ Ангеловъ очень мало, чшобы исправить шестерыхъ челоувѣкъ такихъ, какъ мы. —

Амбруазина и Зина возобновили свою музыку ; Рандольфъ и Жамесь присоединили къ тому флейшу Шотландскихъ горъ. Въ полночь музыка прекрапилась ; Амбруазина вспала. „Мы забываемъ, сказала она, чшо нашъ госпъ и его избавители имѣють нужду въ опдыхѣ, и чшо шумъ бури не шакъ былъ пріятень, какъ нашъ семейственый концертъ.“

— Милади! отвѣчалъ Рональдза: эшо правда, чшо пришедши къ вамъ, я почиталъ себя ушавшимъ выше силъ моихъ ; но вы обладаете искусствомъ перемѣнять зло въ удовольствіе. —

Во всю жизнь я не чувствовалъ менѣе успешности, какъ въ эту минушу. Амбрузина поклонилась и ушла съ своею дочерью; Моншей и Рандольфъ проводили Лорда Рональдза въ его комнашу, и распаваясь съ нимъ, желали ему спокойной ночи.

К о н е ц ъ П л о т и Ч а с т и .